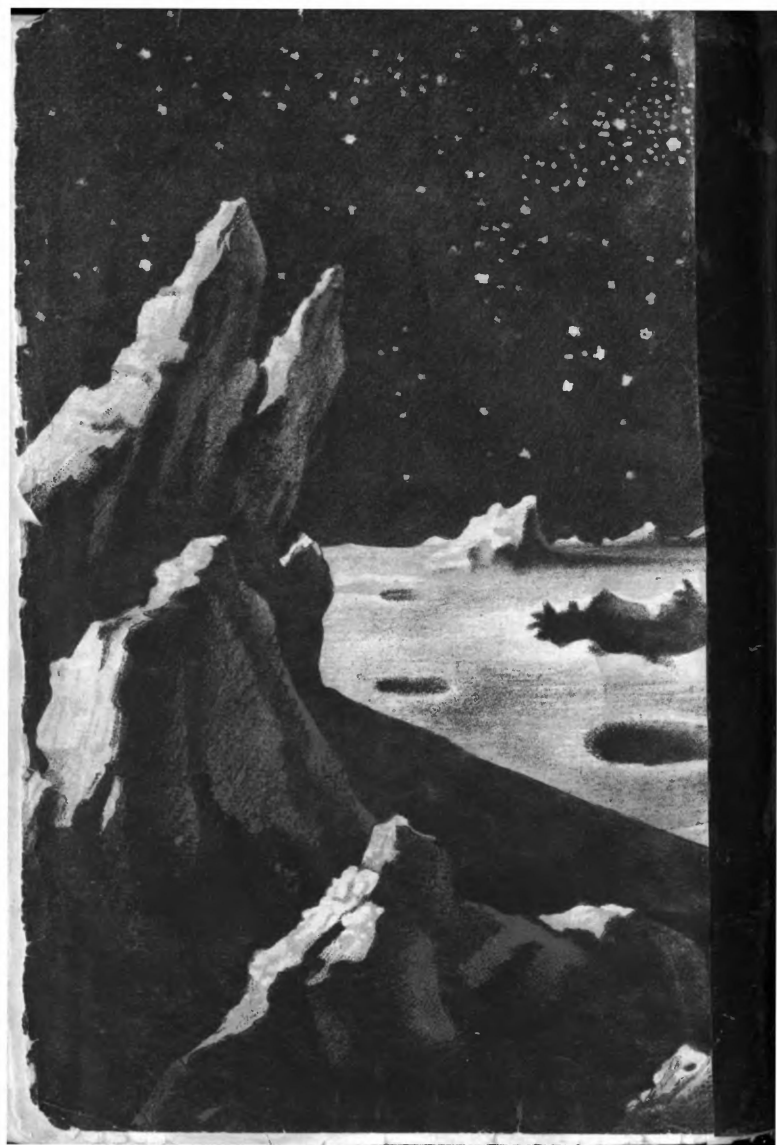
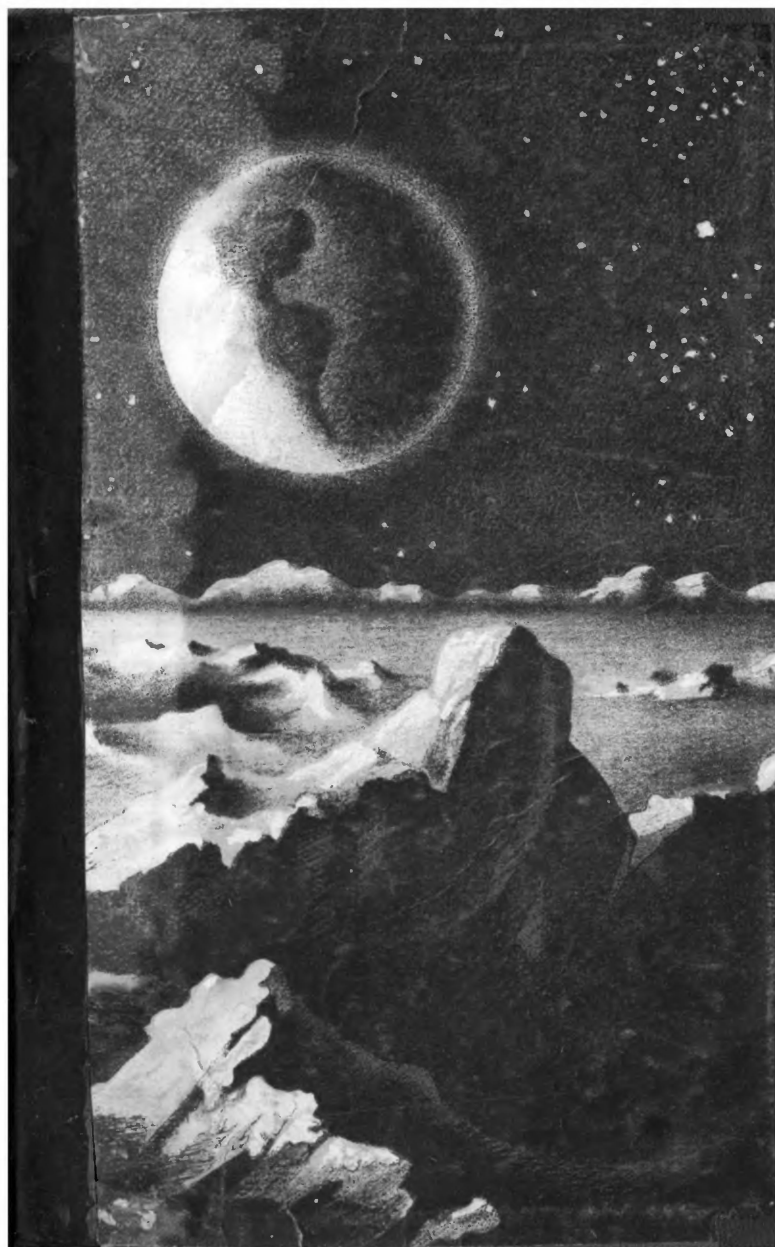

Г. Уэллс
ПЕРВЫЕ ЛЮДИ
НА
ЛУНЕ

ДЕТСТВО И ВЛКОВ

Г. ДЖ. УЭЛЛС

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ

Р О М А Н

Перевод с английского

Рисунки Н. Травина

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград*

*Для среднего и старшего
возраста*

Редактор *Ф. Цабенко*. Художник-редактор *И. Полозов*. Технич. редактор *В. Никитина*. Корректор *М. Левицкий*.
Подписано к печати с матриц 29/IV
1939 г. Д-7. Лендетиздат № 35. Ти-
раж 25 000 экз. Лениноблгорлит № 2319.
Заказ № 4742. Формат бумаги 82×110¹/₂.
Печ. л. 14. У.-а. л. 18,06, авт. л. 11,8,
(113 182 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л.
3¹/₂.

Отпечатано с готовых матриц во 2-й
фабрике детской книги Детиздата ЦК
ВЛКСМ. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 1222.

Цена 3 р 50 к Переплет 1 р 25 к.

Итак, три тысячи стадиев¹ было от Земли до Луны... Не удивляйся, дорогой! Если тебе и кажется, что я говорю о предметах слишком возвышенных и заоблачных, то дело лишь в том, что я составляю приблизительный подсчет пути, пройденного в последнее путешествие.

Луккиан. „Инакомыслие“²

I

М-Р БЕДФОРД ВСТРЕЧАЕТСЯ С М-РОМ КАВОРОМ В ЛИМНЕ

Теперь, когда я сажусь писать эти строки в тени виноградных лоз, под синим небом Южной Италии, мне кажется немного странным, что участие мое в изумительных похождениях м-ра Кавора было, в конце концов, делом чистейшей случайности. Кто угодно мог оказаться на моем месте. Я впутался в эту историю именно тогда, когда воображал себя надежно застрахованным от всяких душевных волнений.

Только потому приехал я в Лимн, что это место казалось мне самым бедным событиям уголком в целом мире.

— Будь что будет, — говорил я себе. — Во всяком случае здесь я могу работать спокойно.

А в результате появилась эта книга. Так самовластно расстраивает судьба наши крохотные планы.

Здесь, быть может, надо упомянуть, что незадолго до моего переселения в Лимн мне сильно не повезло в кое-каких деловых предприятиях. Теперь, окруженный всеми утехами богатства, я не без некоторого затаенного удовольствия могу признаться в бывшей пужде. Я готов до-

¹ Стадий — древнегреческая мера длины, равняется 600 греч. футам.

² Луккиан Самосатский — греческий писатель II в. н. э., автор сатирических диалогов, в которых жестоко высмеивает религиозные суеверия своего времени. (Прим. ред.)

пустить даже, что все беды постигли меня отчасти по моей собственной вине. Я не лишен способностей, но ведение коммерческих операций не принадлежит к числу их.

Я был, однако, еще очень молод в те дни и — наряду с другими вздорными убеждениями — питал горделивую веру в свои деловые таланты. Летами я и теперь молод, но испытания, выпавшие мне на долю, состарили меня душевно. Стал ли я от этого мудрее — другой вопрос.

Вряд ли стоит вдаваться здесь в подробности тех спекуляций, которые вынудили меня искать убежище в Лимне, в графстве Кент. В наше время даже торговые сделки граничат с авантюрой. Я рисковал во-всю. В вещах такого рода всегда приходится брать и давать попеременно. При окончательном расчете мне пришлось только давать. Но после того, как я отдал все, что у меня было, несговорчивый кредитор начал придирааться ко мне. Вы, вероятно, сами знаете, как неумолима бывает оскорбленная добродетель. Мой кредитор не давал мне ни отдыха ни срока. В конце концов я пришел к убеждению, что мне остается лишь один выход, а именно сочинить пьесу, если я не хочу до конца дней своих зарабатывать себе хлеб в должности писца. Я одарен некоторой фантазией и привык жить на широкую ногу. Поэтому я решил, что дам отчаянный бой, прежде чем покорюсь судьбе. Независимо от веры в мои деловые способности я в то время полагал, что могу написать очень недурную пьесу. Сколько мне известно, такое убеждение довольно часто встречается у молодых людей. Я знал, что, если не считать законных коммерческих операций, — самые богатые барыши дает театр. Эта ненаписанная драма уже давно представлялась мне последним средством, отложенным про запас, на черный день. Теперь черный день наступил, и я принялся за работу.

Вскоре, однако, я заметил, что писание пьес — дело довольно длительное. Сперва я думал, что для этого достаточно каких-нибудь десяти дней, и в поисках приюта на время работы приехал в Лимн. Я был очень рад, когда мне удалось найти маленькую одноэтажную дачку. Наняв ее по контракту на три года, я привез туда кое-какую мебель и решил — впредь до окончания пьесы — лично заниматься домашним хозяйством. Моя стряпня, конечно, ужаснула бы миссис Бонд, составительницу знаменитой поваренной книги, и, однако, уверяю вас, все было до-

вольно вкусно. У меня имелись кофейник, одна кастрюля для варки яиц, другая для картофеля и наконец сковорода для ветчины и сала. Этим ограничивалось мое незатейливое кухонное оборудование. Нельзя вечно утопать в роскоши, но простота и дешевизна нам всегда по карману.

Я купил в кредит бочонок пива вместимостью в восемнадцать галлонов¹, и простодушный булочник навещал меня ежедневно. Конечно, не могло быть и речи о каких-либо прихотях, но я видывал и худшие времена. Мне было немного жаль булочника. В самом деле, это был достойнейший человек. Но я надеялся, что и с ним — рано или поздно — смогу расквитаться.

Не подлежит спору: если кто-нибудь ищет уединения, то Лимн для него самое подходящее место. Деревня эта расположена в той части графства Кент, где преобладает глина, и моя дача стояла на древнем приморском утесе, а окна были обращены к морю поверх Ромнейской низины. В дождливую погоду этот уголок почти недоступен. Я слышал, что иногда почтальон привязывает к ногам деревянные, пробираясь через самые топкие участки своего обычного пути. Я ни разу не видел, как он делает это, но легко могу поверить. Перед дверьми немногочисленных хижин и дачных особняков, из которых состоит деревня, воткнуты большие веники, чтобы счищать с ног налипшие сгустки грязи. Одна эта подробность может дать некоторое понятие о геологическом строении всего околотка. Я сомневаюсь, чтобы поселок вообще мог возникнуть в этом месте, но он сохранился как утешающее воспоминание о временах, безвозвратно минувших. В эпоху римского владычества здесь находилась большая торговая гавань Портус Леманус, а нынче море отступило на шесть километров. Морские валуны и остатки римских кирпичных построек разбросаны по всему склону холма, а от его вершины старинная Уотлингская дорога, еще сохранившая местами свою мостовую, прямо, как стрела, тянется к северу. Стоя на холме, я часто старался представить себе галеры² и легионы³, пленных и чиновников, женщин и

¹ Галлон равен 4,54 литра. (Прим. ред.)

² Галера — гребное судно крупных размеров, которое могло ходить также под парусами. (Прим. ред.)

³ Легион — основная тактическая единица римской армии, соответствующая бригаде. (Прим. ред.)

кушцов — таких же смелых спекулянтов, как я, — всю сутолоку и сумятицу оживленной гавани. А теперь здесь осталось лишь несколько каменных обломков на поросшем травой склоне. В том месте, где когда-то была расположена гавань, теперь простирается низина, вытянувшаяся широкой дугой до отдаленного Дендженеса и усеянная здесь и там кучами деревьев и колокольнями средневековых городков, которые медленно умирают по примеру древнего Лемануса.

Вид с утеса на низину принадлежит к числу красивейших, какие мне когда-либо приходилось встречать. Полагаю, что из Лимна будет километров двадцать до Дендженеса, который лежит на море как плот, а далее к западу в лучах заходящего солнца поднимаются Гастингские холмы. Иногда они кажутся совсем близкими и резко очерченными, иногда смутными, плоскими, и сплошь да рядом тучи совершенно скрывают их. Вблизи низина исчерчена рвами и каналами.

Окно, возле которого я работал, обращено было к гребню холма, и из этого окна я впервые увидел Кавора. В то время я корпел над сценарием пьесы, напрягая все свои умственные силы в этой трудной работе, и — весьма естественно — появление незнакомца отвлекло мое внимание.

Солнце садилось. Ясное небо отливало зелеными и желтыми красками, и на этом фоне черным пятном обозначилась чрезвычайно странная маленькая фигурка.

То был коротенький, кругленький, тонконогий человечек с резкими порывистыми движениями. Его диковинная внешность казалась еще более причудливой благодаря костюму: представьте себе крикетную¹ круглую шапочку, пиджак, короткие штанишки и чулки вроде тех, какие носят велосипедисты. Чего ради он так наряжался, я до сих пор не знаю, потому что он никогда не играл в крикет и не ездил на велосипеде. То было совершенно случайное сочетание разнородных одежд. Человек махал руками, вертел головой и жужжал. Что-то электрическое было в этом жужжаньи. Кроме того он часто и громко откашливался.

¹ Крикет — игра на открытом воздухе, весьма популярная в Англии. Игроки, разделившись на две партии, загоняют мяч в ворота палками с изогнутым концом. (*Прим. ред.*)

*То был коротенький, кругленький, тонконогий человек.
(Стр. 6.)*

Только что прошел дождь, и на скользкой дорожке вихляющая походка незнакомца казалась еще более странной. Остановившись прямо против солнца, он вытащил часы и поглядел на них, как бы не зная, на что решиться. Затем судорожно повернулся на каблуках и стал удаляться со всеми признаками чрезвычайной поспешности. Руками он больше не махал и делал широкие шаги. Это позволяло заметить относительно крупные размеры его ступней. Помню, что тогда они показались мне нелепо огромными от прилипшей к подошвам грязи.

Случилось это в первый день моего пребывания в Лимне, когда моя энергия начинающего драматурга еще не успела остыть, — и я увидел во всем этом происшествии лишь досадную помеху — напрасную потерю пяти минут. Но когда вечером следующего дня явление повторилось с изумительной точностью, и затем эти посещения начали возобновляться из вечера в вечер, если только не было дождя, — работать над сценарием стало довольно трудно.

«Чорт побори этого субъекта, — ворчал я, — в марионетки он готовится, что ли?»

И несколько вечеров подряд я проклинал его от всего сердца.

Затем досада уступила место удивлению и любопытству. Чего ради человек проделывает все эти фокусы? В конце второй недели я уже не мог более выдержать и, лишь только он появился, я распахнул мое французское окно¹, прошел через веранду и направился к тому месту, где он неизменно останавливался.

Он уже успел вытащить часы, когда я приблизился к нему. У него было пухлое, румяное лицо и карие глаза с красноватыми белками. Все это я тогда разглядел впервые, потому что до тех пор видел его против света.

— Одну минуту, сэр, — сказал я, когда он повернулся, чтобы уйти.

Он поглядел на меня с изумлением.

— Одну минуту?.. Пожалуйста! Но если вы желаете побеседовать со мною немного дольше и если вам не трудно — ваша минута уже истекла, — то соблаговолите проводить меня.

¹ Большое двустворчатое окно, доходящее до самого пола и заменяющее дверь. (*Прим. ред.*)

— С удовольствием, — сказал я и зашагал с ним рядом.

— Привычки мои неизменны. Время, которое я могу посвящать общению с внешним миром, весьма ограничено.

— Я полагаю, вы разумеете то время, когда вы гуляете?

— Вот именно. Я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

— Это неправда!

— Сэр?!

— Вы никогда не смотрите па закат.

— Никогда не смотрю?

— Нет. Я следил за вами тринадцать вечеров подряд, и вы ни разу не взглянули на солнце, ни единого раза.

Он нахмурил брови, как человек, решающий трудную задачу.

— Пусть так! Я наслаждаюсь солнечным светом, воздухом, я иду по этой тропинке, через эти ворота (он кивнул головой куда-то назад, себе за плечо) и потом я обхожу вокруг. . .

— Неправда! Вы туда совсем не ходите. Все это чепуха. Там нет дороги. Сегодня, например. .

— О, сегодня. . Разрешите мне подумать. Ага! Я только что посмотрел на часы, увидел, что гуляю ровно три минуты лишних сверх назначенного получаса, решил, что не стоит идти кругом, повернулся. .

— Вы каждый раз так делаете.

Он поглядел на меня задумчиво.

— Быть может, вы правы. Теперь мне начинает казаться, что это именно так. Но о чем вы хотели побеседовать со мной?

— Да об этом самом.

— Об этом самом?

— Да. Почему вы это делаете? Каждый день вы производите здесь шум.

— Произвожу шум?

— Да. Вот так.

Я передразнил его жужжание. И было совершенно очевидно, что звук ему не понравился.

— Неужели я так делаю?

— Каждый божий день.

— Я об этом и понятия не имел.

Вдруг он загнулся. Посмотрел на меня многозначительно.

— Возможно ли, — сказал он, — что у меня создалась такая привычка?

— Похоже на это.

Оттянув большим и указательным пальцами свою нижнюю губу, он уставился на лужу у себя под ногами.

— Я занят серьезной умственной работой, — сказал он. — А вы спрашиваете — почему? Ну так вот, сэр, смею уверить вас, что я не только не знаю, почему я так поступаю, но до сих пор даже совсем об этом не подозревал. Если вдуматься хорошенько, то вы совершенно правы: я никогда не заходил дальше этого поля... А вас такие вещи раздражают?

Не знаю почему, я уже начал чувствовать к нему некоторую симпатию.

— Нисколько не раздражают. Но представьте себе, что вы пишете пьесу.

— Этого я представить себе не могу.

— Ну. так занимаетесь чем-нибудь другим, требующим напряженного внимания.

— Ах, — сказал он, — в самом деле!

И погрузился в глубокую задумчивость. Лицо его так красноречиво выражало самую искреннюю печаль, что мне стало жалко этого чудака. В конце концов довольно невежливо спрашивать у человека, с которым вы совсем незнакомы, почему он жужжит на тропинке, открытой для общего пользования.

— Видите ли, — сказал он робко, — это у меня такая привычка.

— О, я хорошо понимаю...

— Я должен от нее избавиться.

— Но лишь в том случае, если это не слишком затруднит вас. В конце концов это не мое дело. Я и без того был слишком дерзок...

— Отнюдь нет, сэр, — сказал он, — отнюдь нет! Я вам чрезвычайно признателен. Мне надо остерегаться таких вещей. Впредь я и буду остерегаться. Могу я побеспокоить вас еще раз? Что это за звук?

— Нечто в этом роде, — сказал я: — Ззуууу, ззуууу... Но, право...

— Я вам чрезвычайно признателен. В самом деле, я иногда бываю рассеян до нелепости. Вы совершенно

правы, сэр, совершенно правы. Я вам премного обязан. С этим надо покончить. А теперь, сэр, я уже завел вас слишком далеко. .

— Надеюсь, что моя дерзость. .

— Отнюдь нет, сэр, отнюдь нет. .

Мы поглядели друг другу в глаза. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Со странной ужимкой он ответил на мое приветствие, и затем мы пошли каждый своей дорогой. Поднявшись к себе на крыльцо, я остановился и взглянул назад, на моего удалявшегося собеседника. Вся повадка его резко изменилась. Он сгорбился и съезжился. Не знаю почему, но этот контраст с его недавней жестикуляцией и жужжанием показался мне почти трагическим. Я следил за ним глазами, пока он не исчез из виду. Затем, пожалев от всего сердца, что вмешался не в свое дело, я вернулся к своей пьесе.

На следующий вечер он не появлялся. Не видел я его и день спустя. Но я не переставал думать о нем, и мне пришлось в голову, что в качестве сентиментально-комического персонажа он мог бы пригодиться мне для развития интриги в моей пьесе. На третий день он пришел ко мне с визитом.

На первых порах я недоумевал, зачем его принесло. Он чопорно начал какой-то пустой разговор, но потом внезапно приступил к делу. Он желал купить у меня мою дачу.

— Видите ли, — сказал он, — я вас несколько не виню, но вы принудили меня изменить укоренившуюся привычку, и это расстраивает мне весь день. Я гулял здесь много лет, да, много лет подряд. Без сомнения я жуужжал. . И вы сделали все это невозможным.

Я посоветовал ему гулять в каком-нибудь другом направлении.

— Нет, здесь нет другого направления. Это единственное. Я наводил справки. И теперь ежедневно в четыре часа я оказываюсь в тупике.

— Но, дорогой сэр, если для вас это так важно. .

— Это необычайно важно. Видите ли, я. . . Я исследователь, я занимаюсь научными изысканиями, я живу. . . — он умолк и, видимо, погрузился в размышления. — Вон там, — сказал он вдруг и ткнул куда-то пальцем, едва не угодив мне прямо в глаз. — Живу в том доме с белыми

трубами, которые вы можете видеть над деревьями. Положение мое необычно... совсем необычно. Я собираюсь поставить один весьма важный опыт... Смею уверить вас, самый важный из всех, какие когда-либо видел мир. Это требует постоянного напряжения мысли, непрерывной умственной работы и внимания. Послеполуденные часы были для меня наилучшим временем... Самым богатым новыми идеями... новыми точками зрения.

— Но почему вы попрежнему не ходите сюда?

— Теперь все изменилось... Я не могу больше отдаваться течению собственных мыслей. Вместо того, чтобы думать о моей работе, я вынужден думать о вас и о вашей пьесе, о том, что вы с раздражением следите за мной. Нет, я должен купить у вас дачу.

Я задумался. Конечно, следовало всесторонне обсудить это дело, прежде чем дать окончательный ответ. В те дни я вообще был склонен ко всевозможным деловым комбинациям, и продажа чего бы то ни было особенно прельщала меня. Но, во-первых, дача была чужая, и если бы даже мне удалось сбыть ее за хорошую цену, то как оформить эту сделку, если о ней пронюхает настоящий хозяин. А, во-вторых, — ну да что там говорить, — ведь, я был официально объявлен неоплатным должником и потому не имел права вступать ни в какие имущественные договоры. Кроме того, важное и ценное открытие, быть может связанное с теми опытами, которыми занимался незнакомец, также заинтересовало меня. Мне пришло на ум, что прежде всего надо побольше разузнать о его научных изысканиях, — не с какими-нибудь затаенными целями, конечно, а просто потому, что это могло немного развлечь меня во время писания пьесы. Я сразу закинул удочку.

Мой гость тотчас же согласился дать мне все нужные пояснения. И беседа наша скоро превратилась в монолог. Он говорил, как человек, который долго молчал, усердно обдумывая занимавший его предмет. Разглагольствовал он около часу, и надо признаться, что слушать его мне было трудно. Но все-таки с начала и до конца нашей беседы я испытывал то совсем особое удовольствие, которое мы ощущаем, отрываясь от надоевшей работы.

Во время нашего первого разговора главная цель научных занятий моего собеседника осталась для меня загадкой. Речь его наполовину состояла из технических терми-

нов, мне совершенно неизвестных. Раз-а два он пояснял свою мысль при помощи того, что ему угодно было называть элементарной математикой: химическим карандашом он набрасывал на обложке тетради такие вычисления, что мне нелегко было даже притворяться, будто я хоть отчасти его понимаю.

— Да, — говорил я, — да, продолжайте, пожалуйста.

Как бы там ни было, я все же успел убедиться, что имсю дело не с юродивым, разыгрывающим ученого. При всем его кажущемся тщедушии в нем чувствовалась несомненная сила. В чем бы ни состояло его открытие, оно, очевидно, могло послужить и для практических целей. Он рассказывал мне о своей лаборатории и о своих трех помощниках, простых рабочих, которых он подучил. Ну, а от лаборатории до патентного бюро только один шаг. Он пригласил меня осмотреть лабораторию. Я согласился с величайшей готовностью и немного спустя, одним-двумя замечаниями, брошенными вскользь, вынудил его повторить приглашение. Вопрос о продаже дачи на время остался в стороне.

Наконец он встал и начал прощаться, извиняясь за продолжительность своего визита. По его словам, он редко имел удовольствие поговорить с кем-нибудь о своей работе. Ему не часто удается встретить такого понятливого слушателя, как я, а с цеховыми учеными он не желает иметь никакого дела...

— Они так мелочны, — пояснил он, — такие интриганы. И если вы выдвигаете идею, новую, плодотворную идею... Я не хочу ни о ком говорить дурно, но...

Я привык подчиняться внезапным душевным порывам. Быть может, я несколько поторопился. Но здесь надо вспомнить, что я был совсем одинок, писал пьесу в Лимне уже две недели подряд, и вдобавок мне было совестно, что я помешал ему прогуливаться возле моей дачи.

— А почему бы, — сказал я, — вам не усвоить новую привычку взамен той, которую я от вас отнял? По крайней мере на то время, пока мы не договоримся насчет продажи. Ведь, вам нужно обдумывать на досуге вашу работу. До сих пор вы занимались этим на прогулках. К несчастью, с этим покончено, вернуться к прежнему порядку вы не в силах. Но вы можете приходить сюда и беседовать со мной о вашей работе. Пользуйтесь мною как стенкой, о которую ваши мысли станут ударяться словес

мячик, а вы снова будете подхватывать их на лету. Я слишком мало образован, чтобы украсть вашу идею, а в ученом мире никаких связей у меня нет.

Я замолчал. Он сосредоточенно обдумывал мое предложение. Как видно, оно пришлось ему по вкусу.

— Но я боюсь наскучить вам, — сказал он.

— Вы полагаете, что я слишком туп?

— О, нет, но технические подробности...

— Однако сегодня вам удалось заинтересовать меня чрезвычайно...

— В самом деле, это было бы великой помощью для меня. Ничто так не уясняет нам наших собственных мыслей, как их связанное изложение. До сих пор...

— Дорогой сэр, ни слова более!

— Но можете ли вы уделить для этого время?

— Перемена занятий — наилучший отдых, — сказал я с глубоким убеждением.

Так мы и сговорились. На ступенях веранды он вдруг обернулся ко мне.

— А я уже и теперь обязан вам чрезвычайной благодарностью, — сказал он.

Я вопросительно хмыкнул.

— Вы совершенно избавили меня от нелпой привычки жужжать, — пояснил он.

Насколько помню, я сказал, что всегда рад быть ему полезным, и он ушел.

Надо полагать, что течение мыслей, прерванных последними словами нашей беседы, возобновилось немедленно. Чудак начал размахивать руками по-старому. Ветерок донес до меня слабое эхо:

— Зззууу...

Что ж, в конце концов, это меня совсем не касалось.

Он явился ко мне на следующий день и затем еще через день, и к нашему обоюдному удовольствию прочитал мне две лекции по физике. С таким видом, как будто все это чрезвычайно ясно и просто, он толковал об «эфире», о «силовых трубах», о «потенциале тяготения» и тому подобных вещах, а я сидел перед ним в складном кресле и повторял: «Да», «Продолжайте, пожалуйста», «Я вас слушаю», чтобы только не дать ему замолчать. То была ужасно трудная материя, но, я думаю, он не подозревал, до какой степени я далек от всякой возможности понять его хотя бы приблизительно. Иногда мне приходило в го-

лову, что я зря теряю время, но во всяком случае я отдыхал от проклятой пьесы. Порою, в течение нескольких секунд, некоторые вещи прояснялись для меня, но исчезали в тот самый миг, когда я уже готов был ухватить их. Иногда внимание мне окончательно изменяло, и я более не старался что-нибудь понять. Я сидел и таращил глаза, спрашивая себя, не лучше ли просто-напросто использовать моего нового знакомого в качестве главного действующего лица в каком-нибудь веселом водевиле, а все прочее оставить в стороне. Но затем мне снова удавалось кое-что уловить.

При первой возможности я постарался осмотреть его дом, который был велик и аккуратно меблирован. Там не было другой прислуги, кроме его подручных. Трапеза хозяина и весь уклад его жизни отличались философской простотой. Он пил только воду, питался исключительно растительной пищей и вообще не позволял себе никаких прихотей. Но при первом же взгляде на его научное оборудование мои последние сомнения рассеялись. От погреба до чердака все выглядело очень солидно и внушительно. Странно было видеть такие вещи в захолустной деревне. Комнаты нижнего этажа были заняты станками и аппаратами, в кухне и в судомойне находились весьма объемистые плавильные печи, динамомашинка помещалась в погребе, а газометр — в саду. Сам хозяин все показал мне с доверчивым простодушием человека, слишком долго жившего в полном уединении. Откровенность его хлестала через край, и счастливый случай дал мне возможность стать его слушателем.

Три помощника были весьма почтенными представителями сословия английских мастеровых. Они были доброжелательны, хотя и не очень понятливы, выносливы, вежливы и трудолюбивы. Один из них, Спаргус, заведывавший кухней, а также всеми слесарными работами, был когда-то моряком; второй, Гиббс, ведал столярной частью; а третий, некогда садовник, считался теперь старшим помощником и исполнял самые разнообразные поручения. Но в сущности все трое были простыми черноработными. Всю исследовательскую работу вел сам Кавор. Невежество его сотрудников могло показаться беспросветным даже по сравнению с моим отрывочным полужнанием.

А теперь обратимся к самому предмету исследований. Здесь, к несчастью, предо мной встает весьма серьезное

затруднение. Я отнюдь не учепый специалист. Если бы я попытался изложить строго научным языком м-ра Кавора цель его опытов, то, боюсь, не только сбил бы с толку читателя, но и сам бы безнадежно запутался. При этом я, конечно, допустил бы какую-нибудь грубую погрешность и сделался бы посмешищем в глазах всех знатоков математической физики в нашей стране. Итак, полагаю, всего лучше будет, если я стану описывать здесь мои впечатления моим собственным неточным языком, вместо того, чтобы рядиться в мантию ученого, на которую не имею никакого права.

Объектом изысканий м-ра Кавора являлось вещество, непроницаемое (он употреблял другой термин, который я позабыл, но слово *непроницаемое* как нельзя лучше передает соответственное понятие) для всех форм лучистой энергии. Он разъяснил мне, что лучистая энергия — это свет, теплота, рентгеновские лучи, возбуждавшие так много толков года два тому назад, электрические волны Марконни или, наконец, тяготение. Все эти виды энергии, — говорил он, — излучаются из какого-нибудь центра и действуют на другие тела на расстоянии, отчего и происходит термин *лучистая энергия*.

Ну так вот: почти все известные нам вещества являются непроницаемыми для тех или иных форм энергии. Стекло, например, проницаемо для света, но гораздо менее проницаемо для теплоты, почему им пользуются для изготовления каминных экранов; а квасцы, тоже проницаемые для света, препятствуют распространению теплоты. С другой стороны, раствор иода в двусернистом углероде целиком поглощает свет, но остается проницаемым для теплоты. Он скроет от вас огонь, но позволит жару достигнуть до вас. Металлы не проницаемы не только для света и теплоты, но и для электрического тока, который проникает сквозь раствор иода и сквозь стекло почти так же свободно, как если бы их вовсе не было на его пути. И так далее.

Все нам известные вещества проницаемы для силы тяготения. Пользуясь экранами разного рода, вы можете защитить любой предмет и от света, и от тепла, и от электрического влияния солнца, и от теплоты, излучаемой землей. Металлическими листами вы можете заслониться от маркониевых лучей, но ничто не оградит вас от солнечного или земного притяжения. Почему это так,

сказать трудно. Кавор не видел оснований, по которым такое непроницаемое для тяготения вещество не может существовать, и я, конечно, был не в силах возразить ему. Длиннейшими вычислениями, без сомнения понятными лорду Кельвину,¹ профессору Лоджу, профессору Карлу Пирсону и всякому другому крупному ученому, но лишь вызывавшими безнадежную путаницу у меня в голове, Кавор доказывал, что подобное вещество не только мыслимо теоретически, но и должно обладать некоторыми определенными свойствами. То была изумительная цепь логических и математических умозаключений. В свое время она поразила и заинтересовала меня чрезвычайно, но повторить ее здесь я не в состоянии.

— Да, — говорил я в ответ, — да! Продолжайте, пожалуйста.

Впрочем, для дальнейшего изложения нашей истории достаточно будет сказать, что Кавор считал возможным приготовить это непроницаемое для тяготения вещество из сложного сплава различных металлов с примесью некоего нового элемента, если не ошибаюсь — гелия², который ему присылали из Лондона в запечатанных каменных кувшинах. Эта деталь моего рассказа уже вызвала кое-какие сомнения, но — насколько я помню — именно гелий присылали ему в запечатанных каменных кувшинах. То было нечто весьма летучее и разреженное... О, если б я догадался тогда делать заметки!

Но мог ли я предвидеть, что такие заметки со временем мне понадобятся?

Всякий, у кого есть хоть искра воображения, легко поймет, какие чудеса техники обещало подобное вещество. Поэтому я надеюсь, что читатель заразится хотя бы отчасти волнением, охватившим меня, когда истина наконец раскрылась предо мною после мудреных толкований Кавора. — В самом деле, хорошенький отдых для сочинителя театральных пьес! — Прошло немало времени, прежде

¹ Лорд Кельвин (Вильям Томсон) — один из величайших физиков XIX столетия; скончался в 1907 г. — Проф. Оливер Лодж — известный современный английский физик; ряд популярных книг его переведен на русский язык («Пионеры науки», «Легкая математика», «Мировой эфир»). (Прим. ред.)

² Гелий — самый легкий газ после водорода; в незначительном количестве входит в состав воздуха; первоначально был открыт в атмосфере Солнца. Замечательно, что гелий образуется, между прочим, при распаде радия. (Прим. ред.)

чем я убедился, что правильно понимаю его. При этом я, конечно, остерегался задавать вопросы, чтобы не разоблачить перед ним всей глубины моего невежества.

Но никто из читателей этой книги не разделит целиком моих тогдашних чувств, потому что из моего спутанного рассказа до сих пор неясно, что это поразительное вещество было в скором времени действительно приготовлено.

Сколько помнится, с тех самых пор, когда я впервые побывал в доме у Кавора, мне вряд ли удалось проработать над моей пьесой хотя бы в течение одного часа подряд. Совсем другое занятие нашлось для моей фантазии. Возможности, заложенные в этом веществе, казались беспредельными. В какую бы сторону я мысленно ни обратился, повсюду я видел опеломляющие перевороты. Например, достаточно положить лист этого вещества под любой самый тяжелый груз, и его можно будет поднять простой соломинкой. Само собой разумеется, я прежде всего приложил мысленно этот новый принцип к пушкам, броненосцам и вообще к военному делу. Затем перешел к мореплаванию, транспорту, строительству и ко всем видам промышленного производства. Случайность, поставившая меня у колыбели новых времен, — потому что здесь несомненно рождалась новая эпоха, — принадлежала к числу тех, которые выпадают один раз в тысячелетие. И все это разворачивалось, разворачивалось без конца. Между прочим я уже предвидел, что мне предстоит воскреснуть в качестве делового человека. Воображению моему представлялись бесконечно разветвляющиеся акционерные общества, участие в прибылях и здесь, и там, и повсюду, синдикаты, привилегии, концессии, тресты. Они непрерывно расширялись и умножались, пока, наконец, одна исполинская акционерная компания для эксплуатации каворита не становилась властительницей всего земного шара.

И я участвовал во всем этом!

Тут я пошел напрямик. Я знал, что все ставлю на одну карту, но не хотел терять время.

— Мы стоим накануне величайшего открытия, — сказал я, упирая на слово мы. — Если вы хотите удержать меня в стороне от этого, то вам придется меня застрелить. С завтрашнего дня я буду вашим четвертым помощником.

Казалось, он был удивлен моим энтузиазмом, но не

И вдруг... трубы метнулись к небу. (Стр. 23.)

обнаружил ни малейших признаков подозрительности или враждебности. Как видно, он еще не научился ценить себя по достоинству.

Он поглядел на меня с некоторым сомнением.

— Вы действительно намерены это сделать? — спросил он. — А ваша пьеса? Как быть с вашей пьесой?

— Пропади она пропадом! — крикнул я. — Дорогой сэр, неужели вы не понимаете, чего вы уже достигли? Неужели вы не понимаете, что вы готовитесь совершить?

В моих устах это был простой вопрос, не требовавший ответа, но оказалось, что Кавор действительно не понимал. Во всех житейских делах он не смыслил ровно ничего. Этот удивительный маленький человечек все время работал, руководясь исключительно теоретическими интересами. Когда он говорил, что «предпринимает самый важный опыт из всех, какие видел мир», он подразумевал, что посредством этого опыта он примирит множество противоречивых теорий и разрешит множество спорных вопросов. О практическом применении нового вещества он думал не больше, чем машина, изготавливающая артиллерийские орудия, думает о конечных целях войны. Интересное вещество можно было приготовить, и он собирался сделать это, *v'la tout*, как говорят французы.

Далее начиналось чистейшее ребячество. Чудесное вещество перейдет к потомству под именем каворита или каворина, а его изобретателя выберут в действительные члены Королевского Общества;¹ портрет его, как выдающегося ученого, будет помещен в журнале «Природа», и все прочее в том же роде. Только это он и предвидел. Если б я не подвернулся на его пути, он кинул бы в мир свою бомбу так же беззаботно, как энтомолог описывает новый вид комара. И бомба лежала бы и шипела, как парочка-другая игрушек того же сорта, которые уже подожжены и брошены нам в головы руками неосторожных ученых.

Когда я окончательно понял это, пришел мой черед орагоровствовать, а Кавор только повторял:

— Продолжайте, пожалуйста.

Я вскочил со стула. Я начал рассказывать взад и вперед по комнате, махая руками, как двадцатилетний юнец.

¹ Высшее научное учреждение в Англии, соответствующее Академии наук. (Прим. ред.)

Я старался втолковать ему, какая грозная ответственность лежит на нем, *лежит* на нас обоих. Я уверял его, что мы можем чудовищно разбогатеть и что нам легко будет произвести любую социальную революцию по нашему усмотрению. Мы будем править целым миром, будем его владыками. Я рассказывал об акционерных обществах и патентах и настаивал на необходимости сохранить до поры до времени открытие втайне. Все это, видимо, было так же непонятно Кавору, как мне его математика. Выражение растерянности появилось на его румянном личике. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я немедленно заткнул ему рот. Он обязан разбогатеть, и весь его лепет тут не поможет. Я дал ему понять, что я человек практический, и рассказал о своей деловой опытности. Я умолчал о том, что в данный момент я неоплаченный должник, ибо это было положение временное и скоропреходящее, но я постарался согласовать свой образ жизни, столь, повидимому, скромный, с моими притязаниями на звание финансиста. И вот, совершенно незаметно, по мере того, как разрастались и уточнялись наши планы, мы пришли к соглашению относительно каворитовой монополии. Кавор будет изготавливать вещество, а я возьму на себя коммерческую организацию всего дела и в особенности рекламу.

Будто пьявка я присосался к слову мы... Вы и я перестали существовать в моем лексиконе.

Кавор полагал, что доходы, о которых я говорил, надо будет употребить на поощрение научных исследований, но я решил, что вопрос этот мы обсудим после.

— Ладно, — кричал я, — ладно!

Но я настаивал на том, что прежде всего следует приготовить чудесное вещество.

— Ведь, без этого вещества, — повторял я, — не сможет отныне обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни один корабль. Оно распространится несравненно шире, чем любое патентованное средство. Из десяти тысяч мыслимых способов его применения, Кавор, нет ни одного, который не обогатит нас больше, чем может померещиться фантазии скупца.

— Да, — сказал он, — кажется, я начинаю понимать вас. Удивительно, право, как совершенно новые точки зрения открываются, когда поговоришь о какой-нибудь вещи...

— И особенно, если поговорить с подходящим человеком, — добавил я.

— Я полагаю, — сказал он, — что нельзя питать без-условного отвращения к богатству. Вот только одно обстоятельство...

Он запнулся. Я молчал и ждал.

— Знаете, не исключена вероятность, что нам так и не удастся приготовить этот сплав. Он может принадлежать к числу тех вещей, которые мыслимы теоретически, но на практике приводят к нелепости. Или, чего доброго, уже после того, как мы начнем готовить его, обнаружится какая-нибудь маленькая загвоздка...

— Ну, этой загвоздкой мы займемся тогда, когда она обнаружится, — сказал я.

II

ПЕРВАЯ ПРОБА КАВОРИТА

Но опасения Кавора оказались напрасными. Диковин-ное вещество было приготовлено 14 октября 1899 года.

Вследствие не совсем обычного стечения обстоятельств вещество образовалось совершенно случайно, когда м-р Кавор всего менее ожидал этого. Он сплавил несколько различных металлов с некоторыми другими химическими элементами, — дорого бы я дал теперь, чтобы знать, с ка-кими именно, — и собирался в течение недели поддержи-вать смесь в жидком состоянии, а затем позволить ей ме-дленно остыть. Если он не ошибался в своих расчетах, то последняя реакция должна была наступить, когда темпе-ратура спустится до 60° по Фаренгейту. Но за его спиной между рабочими начался спор о том, кто должен поддер-живать огонь в плавильном горне. Гиббс, обычно выпол-нявший эту работу, пожелал вдруг свалить ее на бывшего садовника под тем предлогом, что каменный уголь выка-пывают из земли, а потому столяру не подобает иметь с ним дело. Садовник, напротив, утверждал, что уголь есть особого рода металл или руда, не говоря уже о том, что сам он теперь уже не садовник, а повар. Спаргус, со своей стороны, настаивал, что Гиббс, будучи столяром, обязан топить печь, так как уголь, в сущности, ископаемое де-рево. В результате этих пререканий Гиббс перестал под-держивать огонь в печи, и никто не подумал заменить его. А Кавор был в это время слишком занят новой интерес-

ной проблемой каворитовой летательной машины (причем упустил из виду сопротивление воздуха и еще два другие существенные обстоятельства) и потому не заметил беспорядка у себя в лаборатории. И вот, — открытие его родилось на свет преждевременно, когда он шел через поле к моей даче для нашей обычной вечерней беседы и чаепития.

До сих пор в моей памяти необычайно живо рисуются все подробности этого события. Вода уже закипела, и все было готово. Приближающийся звук «ззууу» заставил меня выйти на веранду. Подвижная маленькая фигурка Кавора казалась совершенно черной на фоне заката. Трубы его дома поднимались над пышно окрашенной осенней листвой. Далее виднелись мутносиние Уильденские холмы, а слева расстилась окутанная туманом низина, молчаливая и широкая.

И вдруг. . .

Трубы метнулись к небу, распадаясь при полете на отдельные ряды кирпичей. За ними последовала кровля и куча всевозможной утвари и мебели. Потом, все обгоняя, поднялось огромное белое пламя. Деревья, которые росли вокруг дома, начали качаться, закручиваться и ломаться на отдельные куски, падавшие прямо в огонь. Грянул громовой удар, от которого я до конца дней моих оглох на одно ухо. Оконные стекла позади меня рассыпались на тысячу осколков.

Едва успел я спуститься по трем ступеням веранды, как вдруг налетел вихрь.

Моментально полы моего пиджака поднялись мне на голову. Длинными прыжками и совершенно против воли я начал подвигаться навстречу Кавору. В тот же миг изобретателя подхватило, завертело и понесло по бурно волнующемуся воздуху. Я увидел, как жестяной колпак одной из печных труб на моей даче ударился оземь в шести ярдах¹ от меня, перепрыгнул оттуда футов за двадцать и быстро понесся большими скачками к самому центру сумятицы. Кавор, отчаянно лягавшийся и барахтавшийся, свалился на землю, перевернулся, покатился, вскочил на ноги. Тут его снова подняло и понесло с чудовищной быстротой, пока он наконец не исчез среди трясущихся и шатающихся деревьев, которые изгибались во все стороны около его дома.

¹ 1 ярд = 91 см. (Прим. ред.)

Облако дыма и пепла и глыба какого-то мерцавшего синеватым светом вещества поднялись вверх, прямо к зениту. Большой кусок забора пролетел мимо меня, упал рядом, распластался на земле, — и самое худшее миновало. Неистовый вихрь превратился в обыкновенный ураган. Я вновь почувствовал, что могу дышать и держаться на ногах. Повернувшись к ветру спиной, мне удалось остановиться и кое-как собраться с мыслями.

За эти несколько секунд внешний облик окружающего мира резко изменился. Ясный закат померк, небо оделось угрюмыми тучами, на земле все было распатано и опрокинуто бурей. Я обернулся, чтобы посмотреть, устояла ли моя дача, потом заковылял к деревьям, между которыми исчез Кавор. Сквозь их высокие оголенные ветви теперь пробивалось пламя горящего дома.

Я углубился в рощу, перебегая от одного дерева к другому и хватаясь за стволы, по некоторое время поиски мои были тщетны. Наконец среди груды сломанных ветвей и досок, наваленных возле полуразрушенной садовой ограды, я заметил какое-то движение. Я бросился туда, но еще не успел добежать, когда круглый темнокоричневый предмет выделился из кучи, встал на облепленные глиной ноги и протянул вперед пару беспомощных окровавленных рук. Кое-какие остатки одежды еще болтались на ветру вокруг этой уродливой массы.

Сперва я не мог понять, что означает эта земляная глыба, стоящая передо мной, но скоро узнал Кавора, сплошь обмазанного глиной, в которой он только что вывалился. Наклонившись против ветра, он счищал грязь со своих глаз и губ.

Он вытянул руку, напоминавшую сгусток глины, и пошатываясь шагнул ко мне навстречу. От его лица, искаженного только что пережитым волнением, продолжали отваливаться мелкие кусочки грязи. Он казался таким изуродованным и жалким, каким только можно представить себе человеческое существо, и потому слова его изумили меня чрезвычайно.

— Поздравьте меня, — прохрипел он, — поздравьте меня!

— Поздравить вас? — воскликнул я. — Господи помилуй, с чем же это?

— Дело сделано!

— И вправду сделано! Почему произошел этот чертовский взрыв?

Ветер отнес в сторону его слова. Я, однако, понял, что, по мнению Кавора, никакого взрыва не было. Новый порыв ветра толкнул меня прямо к нему в объятия, и мы стояли, цепляясь друг за друга.

— Попробуем вернуться ко мне на дачу, — проревел я ему прямо в ухо.

Он меня не расслышал и в ответ крикнул что-то о трех мучениках науки. Затем, кажется, добавил, что потеря в общем невелика. В эту минуту он был уверен, что его три помощника погибли во время катастрофы. К счастью, это не подтвердилось. Тотчас же после его ухода они направились в единственный имевшийся в Лимне трактир, чтобы там, за хорошей выпивкой, еще раз обсудить вопрос о топке печи.

Я повторил предложение вернуться ко мне на дачу, и на этот раз Кавор меня понял. Ухватив друг друга за руки, мы двинулись в путь, и нам удалось наконец найти приют в уцелевших остатках моего жилища. Некоторое время мы сидели в креслах и отдувались. Все стекла были выбиты и все мелкие вещи валялись в совершенном беспорядке, но ничего непоправимого не произошло. К счастью, кухонная дверь устояла, и потому вся посуда и утварь были целы. Даже керосинка не погасла, и я снова вскипятил воду для чая. Покончив с этим, я обратился к Кавору за разъяснением.

— Все в порядке, — твердил он, — дело сделано и все в порядке.

— Все в порядке! — запротестовал я. — Да, ведь, ни одна скирда не устояла на месте. Вы не найдете ни одного целого габора, ни одной соломенной кровли на протяжении тридцати километров вокруг нас.

— Я говорю, все в порядке, потому что это действительно так. Правда, я не предвидел этого маленького сотрясения. Мой ум занят проблемами общего характера, и я иногда упускаю из вида практическую сторону вопроса. Но все в порядке.

— Дорогой сэр, — воскликнул я, — неужели вы не понимаете, что причинили соседям убыток на многие тысячи фунтов?

— В этом отношении я всецело полагаюсь на вас. Конечно, я совсем не деловой человек. Но не думаете ли вы, что они припишут все случившееся циклону?

— А взрыв?

— Не было никакого взрыва. Все очень просто. Только, как я уже говорил, я иногда упускаю из вида разные мелочи. Это напоминает ту историю с жужжанием, но в более широком масштабе. По недосмотру я приготовил мое вещество — каворит — в виде большого тонкого пласта.

Он помолчал.

— Ведь, вы понимаете, что это вещество непроницаемо для тяготения, что оно мешает взаимному притяжению тел?

— Да, — сказал я, — да.

— Ладно! Лишь только температура смеси упала до 60° Фаренгейта и химический процесс закончился, находившийся наверху воздух, а также часть крыши и потолка утратили всякий вес. Я полагаю, вы знаете, — нынче все это знают, — что воздух имеет вес, что он давит на все тела, находящиеся на поверхности земли, давит во всех направлениях с силою четырнадцати с половиною фунтов на каждый квадратный дюйм.

— Я это знаю, — сказал я. — Продолжайте.

— Я также знал это, — заметил он. — Но это показывает, как бесполезно знание, не согласованное с действительностью. Видите ли, над нашим каворитом воздушное давление прекратилось, а весь окружающий воздух продолжал давить с силою четырнадцати с половиною фунтов на каждый квадратный дюйм этого внезапно потерявшего всякий вес воздуха. Ага! Теперь вы начинаете понимать. Воздух, окружавший каворит, с неудержимой силою нажал на воздух, находившийся непосредственно над веществом. Воздух над каворитом был насильственно вытеснен кверху; воздух, занявший его место, немедленно потерял вес, перестал сопротивляться давлению, в свою очередь устремился кверху, пробил насквозь потолок и крышу...

— Вы понимаете, — продолжал он, — образовалось нечто вроде атмосферного фонтана, нечто вроде каминной трубы в атмосфере. И что, по-вашему, должно было случиться, если бы сам каворит не освободился и не был засосан в трубу?

Я задумался.

— Воздух без конца продолжал бы подниматься вверх над этой адской штукой.

— Совершенно верно, — сказал он. — Огромный воздушный фонтан...

— ...бьющий в мировое пространство. Господи помилуй, да, ведь, этак улетучилась бы с земли вся атмосфера. Наш мир потерял бы весь свой воздух. Все человечество должно было бы погибнуть от этого маленького комочка вещества.

— Здесь неуместно говорить о мировом пространстве, — возразил Кавор, — но по существу нам от этого было бы не легче. Воздух был бы счищен с земного шара, словно кожура с банана, и отброшен кверху на тысячу километров. Правда, он скоро свалился бы обратно, но уж на задохшийся мир. С нашей точки зрения он мог бы и вовсе не возвращаться.

Я пялил на него глаза. Я был слишком ошеломлен и еще не понимал, что все мои надежды обмануты.

— Что же вы намерены теперь предпринять? — спросил я.

— Прежде всего хочу немного соскоблить с себя глину, если здесь найдется садовый скребок, а затем, с вашего позволения, приму здесь ванну. После этого мы потолкуем на досуге. Я думаю, — сказал он, кладя свою грязную руку мне на плечо, — всего благоразумнее будет не говорить с посторонними людьми об этом деле. Я знаю, что причинил большие убытки, — вероятно даже жилые дома разрушены кое-где в окрестностях. Но, с другой стороны, я не в состоянии возместить этот ущерб. А если истинная причина происшедшего разгласится, то это лишь вызовет общее раздражение и помешает моей дальнейшей работе. Как вы знаете, нельзя предвидеть решительно все, и я не могу осложнять моих теоретических выводов практическими соображениями. Позднее, когда на сцену выступите вы, с вашим практическим чутьем, и каворит будет пущен в ход — не правда ли, ведь, так говорят, пущен в ход? — и принесет все те выгоды, на которые вы рассчитываете, мы можем вознаградить пострадавших. Но не теперь, ни в коем случае не теперь. При нынешнем неудовлетворительном состоянии метеорологии люди, не находя иного объяснения, припишут все совершившееся циклону. Быть может, даже будет устроена публичная подписка в пользу

потерпевших, а так как мой дом обрушился и сгорел, то и я, вероятно, получу некоторую сумму, которая пригодится нам для продолжения наших опытов. Но если обнаружится, что во всем виноват я, то никакой подписки не будет, и все останутся ни при чем. Мне самому после этого уже никогда не придется спокойно работать. Мои три помощника, быть может, погибли, быть может — нет. Это подробность второстепенная. Если они погибли, потеря невелика. Они были усердны, но бесталанны, и вся эта несчастная случайность в значительной степени объясняется тем, что они совсем не следили за печью. Если они не погибли, то вряд ли у них хватит смекалки, чтобы правильно объяснить все это дело. Они охотно поверят в сказку о циклоне. И если на то время, пока дом мой негоден для жилья, вы разрешите мне занять одну из свободных комнат вашей дачи... — Он смолк и посмотрел на меня.

Мне пришло в голову, что человек такого сорта не совсем обыкновенный постоялец.

— Я думаю, — сказал я, вскакивая на ноги, — что для начала лучше будет поискать скребок.

И я повел его к разрушенным остаткам **оранжереи**.

Пока он мылся, я в одиночестве обсуждал этот вопрос. Теперь мне стало ясно, что близкое знакомство с м-ром Кавором влечет за собой кой-какие неудобства, которых я ранее не предвидел. Его рассеянность, едва не обратившая в безлюдную пустыню весь земной шар, в любой миг может причинить другие серьезные неприятности. Но я был молод, дела мои находились в совершенном расстройстве, и душевное состояние у меня было самое подходящее, чтобы пуститься в отчаянную авантюру, обещающую какие-нибудь выгоды в случае счастливого исхода. В глубине души я уже твердо решил, что мне причитается по крайней мере половина барышей от всего этого дела. К счастью, как я уже говорил, я нанял дачу на три года без обязательства производить ремонт. Мебель моя была куплена в кредит, застрахована и следовательно не подвергалась никакому риску. В конце концов я решил не прерывать моей связи с Кавором и довести дело до конца.

Правда, взгляд мой на вещи сильно изменился. Я уже больше не мог сомневаться в огромных возможностях этого вещества, но меня начали одолевать сомнения насчет орудийных лафетов и патентованных сапог.

Мы тотчас же принялись за работу, чтобы оборудовать заново лабораторию и продолжать наши опыты. Теперь Кавор говорил, больше чем когда-либо применяясь к уровню моего понимания. Он растолковал мне, каким образом нам надлежит действовать, приготавливая это вещество во второй раз.

— Конечно, мы снова сварганим этот сплав, — говорил он с шутливостью, которой я, признаться, никогда не ожидал от него. — Быть может, мы ухватили за хвост самого сатану, но со всеми теоретическими сомнениями покончено раз и навсегда. Мы постараемся в пределах возможного оградить нашу маленькую планетку от всякого ущерба. Но здесь надо идти на риск. Этого избежать нельзя. Научно-экспериментальная работа всегда связана с риском. И тут, в качестве человека практического, вы обязаны помочь мне. Я полагаю, что мы можем изготовлять каворит в виде узких и очень тонких каемок, но я еще не знаю наверное. Мне смутно мерещится какой-то новый метод. Я не в силах объяснить, в чем он состоит. Но довольно странно, что первая мысль о нем пришла мне в голову, когда я катался по грязи, подгоняемый ветром, и еще не знал, чем окончится все это приключение.

Оказалось, что даже с моей помощью вопрос о методе разрешить нелегко. Но мы не переставали трудиться над восстановлением лаборатории. Пришлось сделать очень много, прежде чем мы успели окончательно наметить план нашей второй попытки. Единственной помехой для нас явилась забастовка наших трех работников, которые отказались подчиняться мне, как старшему мастеру. Но после двухдневных переговоров мы добились полюбовного соглашения с ними.

III

ПОСТРОЙКА ШАРА

Отчетливо помню, каким образом Кавор впервые изложил мне свою идею относительно шара. Смутные недодуманные мысли об этом бродили у него в голове и прежде, но в тот день его словно осенило. Мы возвращались ко мне на дачу для чаепития, и по дороге он начал жужжать. Потом вдруг воскликнул:

— Так оно и будет! С этим покончено! Свертывающиеся шторы!

— С чем покончено? — спросил я.

— С пространством и вообще... Теперь хоть на Луну!

— Что вы хотите этим сказать?

— Нам нужен шар. Вот что я хочу сказать!

Я увидел, что это мне не по зубам, и некоторое время не мешал ему разглагольствовать по-своему. Я и понятия не имел, куда он клонит. Но, напившись чаю, он мне все объяснил.

— Вот в чем дело, — сказал он. — В прошлый раз я растворил вещество, ограждающее тела от тяготения, в плоском резервуаре с отвинчивающейся крышкой. Лишь только смесь остыла, и химический процесс завершился, началась кутерьма. Над резервуаром все потеряло свой вес. Улетел воздух, улетел дом, и если бы не улетело само вещество, то, право, не знаю, чем бы все это кончилось. Но предположите, что вещество ничем не удерживается и может свободно подняться вверх.

— Оно тотчас же поднимется?

— Совершенно верно, и шуму будет не больше, чем при выстреле из пушки крупного калибра.

— А какая от этого польза?

— Я улечу вместе с ним.

Я поставил чашку и молча поглядел на Кавора.

(Вообразите шар, — объяснял он, — достаточно просторный, чтобы в нем могли поместиться два человека с багажом. Шар будет сделан из стали и обложен изнутри толстым стеклом.) В нем будут находиться — изрядный запас сжатого воздуха и концентрированной пищи. аппарат для дистилляции воды и так далее. А снаружи сталь будет покрыта тонким слоем...

— Каворита?

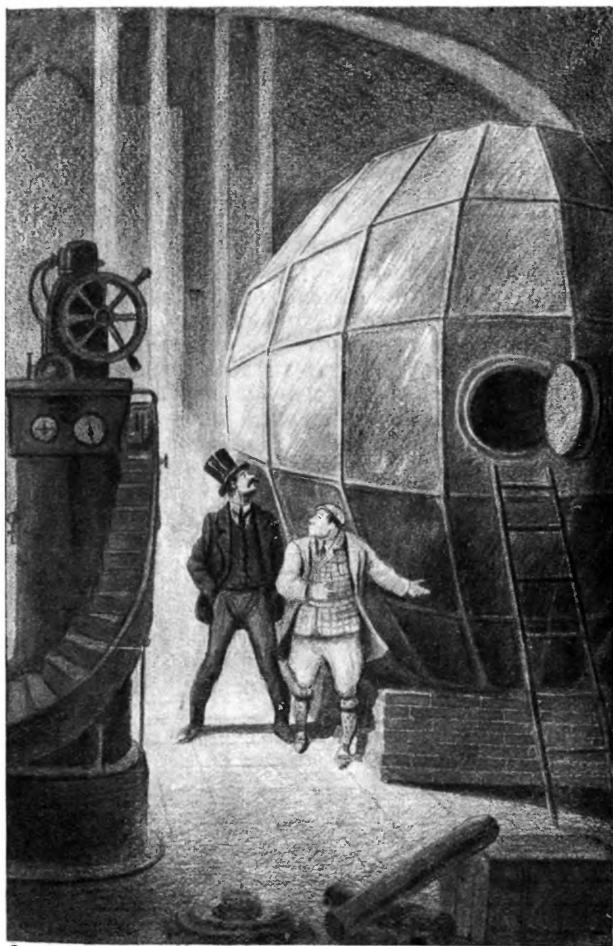
— Да.

— Но как вы залезете внутрь?

— Такой же вопрос задают дети, когда мать запекает яблочки в тесте.

— Да, я знаю. Но все-таки — как?

— Это очень просто. Понадобится всего-навсего герметически завинчивающаяся крышка. Правда, ей придется дать довольно сложное устройство. Так, например, нужен клапан, чтобы в случае надобности выбрасывать паружу разные вещи, не теряя слишком много воздуха.

— Полевайте, — сказал Кавор. (Стр. 38.)

— Как в «Полете на Луну» Жюль Верна?

Но Кавор никогда не читал фантастических романов.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал я с расстановкой, — вы можете влезть внутрь и завинтить крышку, пока каворит будет еще горячим. А когда он остынет и сделается непроницаемым для тяготения, вы полетите).

— По касательной¹...

— Вы полетите по прямой линии. — Я вдруг запылся — Что может помешать телу вечно передвигаться в пространстве по прямой линии? — спросил я. — Вы никуда не долетите, а если долетите, то каким образом вернетесь обратно?

— Как раз теперь я думал об этом, — ответил Кавор. — Потому я и сказал, что все кончено. Внутренний стеклянный шар будет непроницаем для воздуха. Если не считать входного отверстия, то весь он будет сплошным. Стальной шар можно сделать из отдельных створок, и каждая створка будет свертываться наподобие шторы. Этого легко достигнуть при помощи пружин, приводимых в движение электрическим током, а ток будет распространяться по платиновым проволокам, впаянным в стекло. Все это второстепенные подробности. Главное же дело в том, что вся каворитовая внешняя поверхность шара, если не считать роликов для штор, будет состоять из этих штор или окон, называйте их как хотите. И вот, когда эти окна или шторы закрыты, и ни свет, ни теплота, ни тяготение, ни всякий другой вид лучистой энергии не имеют доступа внутрь шара, — он полетит в пространстве по прямой линии, как вы говорите. Но откройте окно, вообразите, что одно из окон открыто. Тотчас же любое тяжелое тело, случайно оказавшееся в этом направлении, начнет притягивать нас.

Я сидел, напрягая всю силу внимания.

— Теперь понимаете? — спросил он.

— О да, понимаю.

— Практически говоря, мы получим возможность ла-

¹ Не удерживаемый более притяжением Земли снаряд будет отброшен вращением планеты, как отбрасываются брызги грязи ободом быстро катящегося колеса телеги; снаряд полетит по прямой линии, касательной к поверхности земного шара, с тою скоростью, какую имеет, при вращении Земли, соответствующая точка земной поверхности (на широте Лимна — около $\frac{1}{2}$ км в секунду). (Прим. ред.)

вировать в пространстве, как нам будет угодно, отдаваясь притяжению то одного небесного тела, то другого.

— О да. Это довольно ясно. Только...

— Ну?

— Я не понимаю, на кой прах мы станем делать это. Ведь, это, в сущности, значит лишь выпрыгивать из нашего мира и затем падать обратно.

— Не совсем так. Например, можно отправиться на Луну.

— А что вы выиграете, добравшись туда?

— Мы посмотрим... Подумайте, какой это будет вклад в науку!

— А есть ли там воздух?

— Должен быть.

— Это неплохая мысль, — сказал я, — но она подавляет меня своей грандиозностью. На Луну! Для начала я предпочел бы что-нибудь поменьше...

— Об этом не стоит и толковать, потому что на мелких небесных телах нет воздуха.

— Почему бы не использовать идею свертывающихся штормов — каворитовых штормов в стальных ящиках — для подъема тяжестей?

— Ничего не выйдет, — заявил он. — В конце концов путешествие в мировое пространство лишь немного опаснее, чем полярная экспедиция. Ведь, ездят же люди в полярные экспедиции...

— Да, на Земле... А тут... да, ведь, это значит вылететь, словно ядро, в мировое пространство ни с того ни с сего!...

— Во имя научных открытий...

— Называйте это, как хотите, дело не меняется... Впрочем, можно написать книгу, — заметил я.

— Я не сомневаюсь, что там есть минералы, — сказал Кавор.

— Например?

— Сера, различные руды, быть может, золото, быть может, новые элементы.

— А стоимость транспорта? — сказал я. — Нет, вы совсем не деловой человек. От нас до Луны четыреста тысяч километров.

— Мне кажется, что перевозка любого груза обойдется не слишком дорого, если вы упакуете его в каворитовый ящик.

Об этом я не подумал!

— Доставка за страх и риск покупателя, а?

— Мы, впрочем, не обязаны ограничиваться одной Луной...

— Что вы хотите сказать?

— Существует еще Марс: чистая атмосфера, новые пейзажи, восхитительное чувство легкости. Будет очень приятно побывать там.

— Есть ли на Марсе воздух?

— О да, конечно.

— Кажется, по-вашему, туда так же просто отправиться, как в какую-нибудь санаторию. Кстати, как далеко отсюда до Марса?

— В настоящее время триста миллионов километров, — сказал Кавор, — и вы пролетите недалеко от Солнца.

Воображение мое опять разыгралось.

— В конце концов, — сказал я, — тут имеется кое-что, а именно самое путешествие...

Необычайные перспективы вдруг раскрылись передо мной. Я представил себе солнечную систему, пересекаемую во всех направлениях каворитовыми пакетботами и шарами, нарядно убранными внутри, как самые роскошные каюты. В мозгу моем зазвучали слова: «Преимущественное право на эксплуатацию планетарных богатств». Я вспомнил старую испанскую монополию на американское золото. Но здесь речь шла не о той или иной планете, а обо всех сразу. Я посмотрел на румяное лицо Кавора, и внезапно воображение мое пустилось в пляс. Я встал и начал расхаживать взад и вперед по комнате. Язык мой развязался.

— Начиная понимать, — говорил я, — начинаю понимать. — В один миг мои сомнения уступили место энтузиазму. — Но это поразительно! — кричал я. — Это колосально! Я никогда не мечтал ни о чем подобном.

Лишь только исчез холодок, вызванный моими возражениями, Кавор в свою очередь воодушевился. Он тоже расхаживал взад и вперед большими шагами. Он тоже махал руками и кричал. Мы вели себя как одержимые. Мы действительно были одержимы нашей идеей.

— Все это мы уладим, — сказал он в ответ на какое-то второстепенное затруднение, указанное мною. — Все это мы живо уладим. Сегодня же ночью мы примемся за чертежи литейных форм.

— Мы возьмемся за это немедленно, — ответил я.

И мы поспешили в лабораторию, чтобы тотчас же приступить к работе.

Всю эту ночь я чувствовал себя, как ребенок, попавший в сказочную страну. Заря застала нас за работой, и мы забыли погасить электрические лампы при наступлении дня. Хорошо помню, какой вид имели эти чертежи. Я тушевал и раскрашивал, а Кавор чертил. Чертежи были грязные, сделанные наспех, но поразительно точные. В одну ночь мы закончили наброски, нужные для заказа стальных штор и рам. Проект стеклянного шара был готов через неделю. Мы отказались от наших вечерних бесед и отменили весь прежний распорядок дня. Мы все время работали, а спали и ели лишь тогда, когда уже совсем выбивались из сил от голода и усталости. Нашим энтузиазмом мы заразили трех чернорабочих, хотя они и понятия не имели, для чего нужен шар. В эти дни Гиббс совсем отвык ходить, и не только по двору, но даже по комнатам носился мелкой рысью.

И шар постепенно рос. Прошел декабрь, январь. Я коротал время, расчищая метлой дорожку в снегу от дачи к лаборатории. Наступил февраль, затем март. В последних числах марта можно было уже предвидеть близкое окончание всех работ. В январе четверка лошадей приволокла к нам огромный ящик. Стеклянный шар был уже готов, и его положили у подъемного крана, который должен был позднее вставить его в стальную скорлупу. Полосы и шторы стальной оболочки — она была не сфероида, а в точном смысле слова, но многогранная, со свертывающейся шторой на каждой грани, — получены были в феврале, и вся нижняя половина тогда же собрана. Каворит был наполовину приготовлен еще в марте, металлическая паста прошла через две стадии производства, и мы облепили ею стальные полосы и шторы. Просто удивительно, как точно в этой работе мы сохранили все основные черты первоначального плана. Когда сборка шара была совершенно закончена, Кавор предложил удалить наспех сколоченную кровлю временной лаборатории, где производились все эти работы, и построить вокруг шара печь. Таким образом последняя стадия в изготовлении каворита — разогревание докрасна металлической пасты в струе гелия — должна была совершиться уже после того, как этой пастой будет покрыт весь шар.

Теперь предстояло обсудить, какие запасы следовало взять с собой: концентрированные пищевые продукты, сгущенные эссенции, стальные цилиндры, содержащие запасный кислород, аппарат для удаления углекислоты и возобновления кислорода посредством перекиси натрия, конденсаторы для воды и т. д. Я помню, как небольшая кучка постепенно разрасталась в углу: жестянки, свертки, ящики и другие вещественные доказательства задуманного нами путешествия.

Хлопот у нас было множество и для размышления не оставалось времени. Но однажды, когда все сборы уже близились к концу, странное настроение овладело мною. Все утро я помогал складывать печь и теперь сидел, измученный этой работой. Все окружающее казалось мне каким-то мрачным и неправдоподобным.

— Скажите, Кавор, на кой прах мы все это затеяли?

Он улыбнулся:

— Теперь скоро можно и в путь.

— Луна, — рассуждал я глубокомысленно. — Что вы надеетесь найти на Луне? Я до сих пор полагал, что Луна совсем мертвый мир.

Он пожал плечами.

— Что вы рассчитываете найти там?

— А вот увидим.

— В самом деле? — спросил я, глядя куда-то в пространство.

— Вы переутомились, — заметил Кавор. — Лучше пойдете погуляйте сегодня вечером.

— Нет, — сказал я упрямо. — Я хочу сперва закончить печь.

Так я и сделал, после чего целую ночь страдал бессонницей.

За всю жизнь не приходилось мне переживать такой ночи. Накануне банкротства я тоже спал довольно плохо, но самая тягостная из моих тогдашних бессонниц могла показаться сладкой дремотой по сравнению с этим мучительным бдением. Безумный страх внезапно охватил меня при мысли о том, что мы собираемся сделать.

Не помню, чтобы до этой ночи я когда-либо задумывался над предстоящими нам опасностями. Но теперь вдруг все они выстроились передо мной, как полчище призраков. Странность и неестественность нашего предприятия поразили меня. Я чувствовал себя как человек,

пробудившийся от сладких снов среди самой ужасной действительности. Широко раскрыв глаза, я лежал на постели. И с каждым мгновением наш шар представлялся мне все более хрупким и жалким, наша затея все более и более безрассудной, а Кавора я уже начал считать настоящим сумасбродом.

Я вылез из постели и начал бродить по комнате. Затем сел у окна, глядя на небо в бесконечное мировое пространство. Между звездами зияла пустота, неизмеримая тьма. Я старался припомнить отрывки астрономических сведений, приобретенные беспорядочным чтением. Но все это было слишком неопределенно и не могло дать никакого понятия о том, что нас ожидает. Наконец я снова улегся в постель и дождался нескольких мгновений сна или, говоря точнее, кошмара, во время которого я падал, падал падал в бездонной пропасти неба.

За завтраком я удивил Кавора. Я ~~оказал~~ ему ~~напря-~~мик:

— Я с вами в шаре не полечу.

На все его увещания я отвечал с мрачным упорством:

— Это слишком безумно, и я не хочу в этом участвовать. Это слишком безумно.

Я отказался сопровождать его в лабораторию. Некоторое время я бродил вокруг дачи, потом взял шляпу и палку и пошел куда глаза глядят. Выдалось чудесное утро: теплый ветер, яркосинее небо, первая весенняя зелень и чириканье птиц. Я позавтракал говядиной и пивом в трактирчике возле Ильгема и озадачил хозяина, заметив в ответ на его рассуждения о погоде:

— Человек, который в такие дни покидает мир, должен быть просто сумасшедшим.

— То же самое и я сказал, когда в первый раз услышал об этом, — ответил хозяин. Тут я узнал, что по крайней мере одной грешной душе наш мир показался несносным, ибо в этой самой деревне кто-то перерезал себе горло. Это направило мои мысли в другую сторону.

После полудня я сладко заснул на солнцепеке, затем с новыми силами продолжал путь.

Я зашел в маленькую уютную гостиницу недалеко от Кентерберн. Весь ее фасад исчезал под выходящими растениями, а хозяйка была чистенькая старушка, которая мне очень понравилась. В кармане у меня нашлось достаточно денег, чтоб заплатить за ночлег. Я решил остаться в го-

стинице на ночь. Хозяйка была весьма говорливая особа. Она между прочим сообщила мне, что ни разу в жизни не была в Лондоне.

— Я никуда не ездил дальше Кентербери, — сказала она. — Не люблю шататься по свету.

— А чтобы вы сказали, если бы вам предложили отправиться на Луну? — воскликнул я.

— Ну, от всех этих воздушных шаров я не жду никакого проку, — ответила она очень спокойно, как будто речь шла о самой заурядной экскурсии. — Я бы ни за что на свете не полетела.

Это показалось мне забавным. После ужина я сел на скамью у дверей гостиницы и поболтал немного с двумя рабочими. Мы говорили о производстве кирпича, об автомобилях, которые были тогда еще новинкой, и о прошлогодних состязаниях в крикет. А на небе узкий молодой месяц, синий и мутный, как отдаленная горная вершина, склонялся к западу вслед за солнцем.

На другой день я вернулся к Кавору.

— Я полечу, — сказал я. — Я немножко развинулся, вот и все.

То был единственный случай, когда я серьезно усомнился в успехе нашего предприятия. Просто нервы зашалили. После этого я работал уже не так напряженно и каждый день гулял не менее часа. И вот, если не считать предстоявшего последнего разогрева печи, все труды наши были закончены.

IV

ВНУТРИ ШАРА

— Полезайте, — сказал Кавор, когда я уселся на край входного отверстия и заглянул вниз в черное нутро шара. Мы были совсем одни. Наступили сумерки, солнце село, и повсюду царил вечерняя тишина.

Я спустил вниз вторую ногу и соскользнул по гладкому стеклу на дно шара; затем повернулся и стал брать из рук Кавора ящики и банки со съестными припасами и прочий багаж. Внутри было жарко, термометр показывал 80° по Фаренгейту. Так как нам предстояла потеря лишь

самой ничтожной доли этого тепла через лучеиспускание, мы были одеты в тонкую фланель, а на ногах у нас были туфли. Однако на всякий случай мы захватили с собой целый тюк теплой суконной одежды и несколько толстых одеял. По указаниям Кавора, я укладывал свертки, цилиндры с кислородом и прочие вещи рядышком у своих ног, и скоро все очутилось на месте. Кавор некоторое время расхаживал по не имевшему кровли помещению, стараясь вспомнить, не забыли ли мы чего-нибудь, и затем вскарабкался следом за мной. В руке его я заметил какой-то предмет.

— Что это такое? — спросил я.

— А вы ничего не захватили с собой, чтобы почитать?

— Нет.

— Я забыл сказать вам. Ведь, многое еще не совсем ясно. Путешествие может затянуться... На целые недели, чего доброго.

— У нас не будет никакого занятия.

— Когда бы я знал...

Он высунулся из люка.

— Смотрите, — сказал он, — там что-то белеет.

— А у нас еще есть время?

— О да, около часа.

Я вылез наружу. То был старый номер юмористического журнала «Сплетник». Его, должно быть, принес сюда один из наших рабочих. Кроме того я нашел в углу обрывок газеты «Новости Ллойда». Я взобрался обратно в шар с этой добычей.

— А вы что берете с собой? — спросил я.

Взяв книгу у него из рук, я прочитал заглавие: «Сочинения Вильяма Шекспира».

Он слегка покраснел.

— Я получил строго научное образование, — сказал он, словно оправдываясь.

— Никогда не читали Шекспира?

— Никогда.

— У него кое-что есть, знаете ли... Но изложено без всякой системы.

— Мне так и говорили, — подхватил Кавор.

Я помог ему завинтить стеклянную крышку люка и нажал кнопку, чтобы закрыть соответствующую часть внешней оболочки. Тонкий, продолговатый сноп полусвета,

проникавший к нам сверху, исчез. Мы остались в темноте.

Некоторое время мы не говорили ни слова. Хотя оболочка шара не мешала распространению звуков, все было пощажному тихо. Я заметил, что здесь не за что ухватиться при толчке, неизбежном при начале полета, и подумал, что отсутствие стульев будет весьма чувствительным неудобством.

— Не беда, я все это предвидел, — сказал Кавор. — Стулья нам не понадобятся.

— Почему?

— Увидите, — ответил он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я смолк. Мне вдруг стало ясно, что я, должно быть, совсем сошел с ума, если согласился забраться внутрь этого шара. «Неужели, — спрашивал я себя, — слишком поздно вернуться обратно?» Уже несколько недель, растратив все свои сбережения, я жил исключительно на счет Кавора, а потому знал, что внешний мир за пределами шара встретит меня очень холодно и негостеприимно. Все равно! Ведь, не будет же наш земной мир холоднее абсолютного нуля и негостеприимнее пустого пространства. Если бы не боязнь провалиться трусом, я, вероятно, тотчас же заставил бы Кавора отпустить меня. Но я только колебался, волновался и злился, а время шло.

Послышалось негромкое хлопанье, как будто в соседней комнате откупорили бутылку шампанского, и затем — слабый свистящий звук. На один миг я ощутил чувство огромного напряжения; казалось, груз, весящий неисчислимое количество тонн, подвешен к моим ногам. Это продолжалось всего один миг.

Но это заставило меня решиться.

— Кавор! — крикнул я куда-то в темноту, — нервы мои совсем измочалены. Я не думал...

Я занулся. Он ничего не ответил.

— К чорту! — крикнул я. — Я дурак. Зачем я сюда забрался? Я не полечу, Кавор! Это слишком рискованно. Я вылезу.

— Вы этого не сделаете, — сказал он.

— Не сделаю? Посмотрим!

В течение нескольких секунд он не отвечал мне.

— Теперь слишком поздно ссориться, — сказал он наконец. — Это хлопанье означало, что мы тронулись в путь.

Мы уже летим со скоростью пушечного ядра по мировому пространству.

— А... — промолвил я и замолчал. Все, что я мог бы сказать, не имело больше никакого значения. Некоторое время я стоял совсем ошеломленный. Можно было подумывать, что прежде я никогда не слышал о нашем намерении покинуть Землю. Потом я заметил неизъяснимую перемену в моих телесных ощущениях. Мною овладело чувство легкости, нереальности. При этом голова кружилась почти так, как будто меня хватил апоплексический удар, и глухой шум крови раздавался в ушах. Ни одно из этих ощущений не ослабело с течением времени, но я подкоонец так освоился с ними, что не испытывал более никаких неудобств.

Я услышал щелканье выключателя. Вспыхнула электрическая лампочка.

Я увидел лицо Кавора, такое же бледное, каким, вероятно, было и мое собственное лицо. Мы молча глядели друг на друга. На фоне прозрачной черноты стекла, находившегося позади, Кавор казался реющим в пустоте.

— Вот мы и попались, — сказал я наконец.

— Да, — сказал он, — мы здесь залпеты.

— Не двигайтесь! — воскликнул он, заметив, что я собираюсь пошевелить рукой. — Приведите в состояние покоя все мускулы, как будто вы лежите в постели. Мы здесь в нашей собственной вселенной. Посмотрите на эти вещи!

Он указал на ящики и тюки, сложенные поверх одеял на дне шара. С изумлением я увидел, что они реют в воздухе на расстоянии приблизительно одного фута от сферической стены. Затем по тени Кавора я понял, что и он более не прикасается к стеклу. Я провел рукой позади себя и убедился, что я тоже повис в пространстве и ни на что не опираюсь.

Я не вскрикнул и не начал размахивать руками. Кажется, меня схватила и поднимает вверх какая-то неведомая сила. Легкое прикосновение рукой к стеклу заставило меня быстро передвинуться. Я понял, что случилось, но это несколько не уменьшило моего страха. Мы были отрезаны от всякого внешнего тяготения, и продолжало действовать лишь взаимное притяжение предметов внутри шара. Поэтому все, что не было прикреплено к стеклу, валилось очень медленно, вследствие малого размера масс,

к центру тяготения нашего крохотного мира. Этот центр находился приблизительно посредине шара, но несколько ближе ко мне, чем к Кавору, так как я весил гораздо больше.

Свободно парить в пространстве — какое это невообразимо странное ощущение! Сначала довольно жуткое, но затем, когда страх проходит, отнюдь не тягостное и необычайно спокойное. В нашем земном опыте, насколько мне известно, это всего больше напоминает лежание на пышной мягкой перине. Но прибавьте сюда чувство полной независимости и отрешенности от всего. Ничего подобного я не предвидел. Я ждал резкого толчка при отлете, головокружительного ощущения быстроты. Вместо того я словно освободился от собственного тела (Это было больше похоже на сновидение, чем на путешествие.)

V

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Кавор погасил свет. Он сказал, что наш запас электрической энергии ограничен и следует поберечь ее на тот случай, если нам захочется почтить. Некоторое время — как долго это продолжалось, не знаю, — нас окружал непроницаемый мрак.

Один вопрос напрашивался сам собою:

— Куда мы летим? По какому направлению?

— Мы удаляемся от Земли по касательной линии, — ответил Кавор, — и так как Луна близка к третьей фазе, мы летим приблизительно в ее сторону. Я открою штору.

Послышалось шелканье, и во внешней оболочке шара образовалось окно. Небо снаружи казалось таким же черным, как тьма внутри, но четырехугольник окна был усеян неисчислимым множеством звезд.

Тот, кто видел звездное небо только с Земли, не может представить себе, как выглядит оно, когда его не заслоняет мутный, слабо мерцающий покров воздуха. Звезды, которые мы различаем с Земли, только редкие одиночки, прорывающиеся сквозь напу туманную атмосферу. Но теперь я понял истинный смысл выражения — «небесное воинство».

Мы здесь в нашей собственной вселенной. (Стр. 41.)

Много поразительных вещей довелось мне увидеть за пределами нашего земного мира, но я думаю, что всего дольше буду помнить это безвоздушное, запыленное звездными небом.

С легким щелканьем исчезло окошко, другое — с ним рядом — открылось и немедленно закрылось опять, потом — третье, — и на один миг я был вынужден зажмурить глаза, ослепленный светом ущербной Луны.

Некоторое время я глядел на Кавора и на предметы, окружавшие меня, стараясь снова приучить к свету мои глаза. Лишь после этого осмелился я обратить их в сторону этого белого зарева.

Теперь открыты были четыре окна, чтоб лунное притяжение могло действовать на все материальные тела, находившиеся внутри шара. Я заметил, что уже больше не рею в пространстве: мои ноги твердо упирались в стекло, обращенное в сторону Луны.

Одеяла и ящики с провизией тоже медленно ползли по стеклу и, собравшись в кучу, отчасти заслонили нам поле зрения. Мне казалось, что, глядя на Луну, я смотрю вниз. На Земле вниз означает в сторону Земли, а вверх — противоположное направление. Теперь сила тяготения влекла нас к Луне, и я не мог отделаться от мысли, что Земля находится у меня над головой. Но когда все каворитовые шторы были опущены, вниз означало — к центру нашего шара, а вверх — к его внешним стенкам.

Свет проникал к нам снизу, и это самым курьезным образом противоречило нашему земному опыту. На Земле солнечный или лунный свет падает сверху, или, преломляясь, доходит сбоку, но здесь он струился у нас прямо из-под ног, и, чтобы увидеть собственные тени, нам приходилось глядеть наверх.

Вначале я испытал нечто вроде головокружения, стоя на стекле и глядя вниз на Луну через сотни тысяч километров пустого пространства. Но это неприятное ощущение быстро рассеялось. И тогда я стал наслаждаться невиданным великолепием открывшегося передо мною зрелища.

Читатель легче всего может себе представить это зрелище, если в ясную летнюю ночь он ляжет на землю и, задржав ноги кверху, станет глядеть из-за них на Луну. По какой-то причине, вероятно потому, что отсутствие

воздуха усиливало яркость лунного света, Луна уже казалась значительно больше, чем она кажется с Земли. Мельчайшие детали лунной поверхности видны были совершенно отчетливо. И так как мы смотрели на нее сквозь безвоздушное пространство, ее очертания обрисовывались ярко и резко. Вокруг Луны не было ни отблеска, ни марева. Звездная пыль, покрывавшая небо, доходила до самых краев диска, обозначая контуры его неосвещенной части. И когда я стоял и рассматривал Луну у себя под ногами, ощущение невозможности всего совершающегося овладело мной с удесятеренной силой.

— Кавор, — сказал я, — все это очень странно на меня действует. Помните акционерные общества, которые мы хотели учредить, и наши беседы о минералах...

— Ну?

— Я больше не в состоянии думать о них.

— Ничего, — сказал он, — это скоро пройдет.

— Надеюсь, что мне удастся преодолеть это, но только... мне теперь кажется, что наш земной мир никогда не существовал.

— Этот номер «Известий Ллойда» поможет вам убедиться в противном.

Сначала я бессмысленно таращил глаза на газету, потом поднес ее к лицу и убедился, что могу читать совершенно свободно. Взгляд мой упал на страницу объявлений. «Джентльмен, обладающий независимыми средствами, дает деньги взаймы», прочитал я. Ах, я хорошо знал этого джентльмена. Далее какой-то чудака хотел продать за пять фунтов «легкодорожный велосипед, совершенно новый, стоящий 15 фунтов», а дама, очутившаяся в затруднительном положении, стремилась обуть с рук по дешевой цене серебряные ножи и вилки, свой свадебный подарок. Без всякого сомнения, какой-нибудь простодушный покупатель деловито осматривал эти ножи и вилки, другой простофиля с торжествующим видом катил на велосипеде, а третий — доверчиво совещался с благосклонным джентльменом в то самое время, как я читал эти строки. Я рассмеялся и бросил газету.

— Можно ли нас увидеть с Земли? — спросил я.

— А вас это почему интересует?

— Я знаком с одним человеком, который пемножко занимается астрономией. Было бы очень забавно, если бы мой друг случайно заметил нас в телескоп.

— Ему понадобился бы один из сильнейших земных телескопов, чтобы разглядеть нас, да и то в виде крохотного пятнышка.

Некоторое время я молча рассматривал Луну.

— Это целый мир, — сказал я. — Здесь это понимаешь гораздо яснее, чем на Земле. Быть может, там есть люди...

— Люди! — вскричал Кавор. — Ну, нет, выбросьте это из головы. Считайте себя сверхполярным путешественником, обследующим пустынные области мирового пространства. Взгляните-ка туда.

Он указал на сверкающую белизну под нами.

— Все это мертво... совсем мертво. Огромные, потухшие вулканы, пустыни, покрытые лавой, груды снега, замерзшей углекислоты или затвердевшего воздуха. Повсюду провалы, трещины, пропасти. И вечный покой. В течение двухсот лет и даже более люди систематически наблюдали за этой планетой в телескопы. И как вы думаете, какие перемены они заметили?

— Никаких?

— Нет: они нанесли на карты два бесспорных обвала, одну сомнительную новую трещину и легкое периодическое изменение окраски, вот и все.

— Я не знал, что они заметили даже это.

— Заметили, но о людях и говорить не приходится.

— Кстати, — спросил я, — какой величины предметы можно рассмотреть на Луне в самый сильный телескоп?

— Можно было бы увидеть средних размеров церковь. Наши астрономы несомненно заметили бы города, постройки и всякие иные сооружения, воздвигнутые человеческими руками. Быть может, на Луне живут насекомые, например муравьи, которые прячутся в глубоких расщелинах от холода лунной ночи, или какая-нибудь неизвестная порода существ, не имеющая на Земле себе подобных. Это всего вероятнее, если нам вообще предстоит найти там какую-нибудь жизнь. Вспомните о свойствах физической среды на Луне. Жизнь там должна приспособиться к дню, длинному, как две земных недели, и к столь же долгой ночи, которая с каждым часом становится все холодней и холодней под этими яркими звездами. На Луне ночью царствует предельный холод, абсолютный нуль, на 273° Ц ниже нашей земной точки замерзания. Следовательно жизнь должна там погружаться в зимнюю спячку на ночь и опять возрождаться с наступлением каждого нового дня.

Он задумался.

— Можно представить себе червеобразные существа, пожирающие затвердевший воздух, как земные черви пожирают землю, или, пожалуй, там живут толстокожие чудовища...

— Кстати, — спросил я, — почему мы не захватили с собой ружья?

Он ничего не ответил на этот вопрос.

— Нет, — промолвил он, — надо продолжать полет. Мы все увидим своими глазами, когда доберемся туда.

— Во всяком случае, — заметил я, — минералы там имеются, каковы бы ни были внешние условия.

Кавор сказал мне, что хочет немного изменить направление полета, временно отдавшись земному притяжению. Для этого нужно будет секунд на тридцать открыть окно, обращенное к Земле. Он предупредил, что у меня может закружиться от этого голова, и посоветовал упереться руками в стекло, чтобы не упасть. Я последовал его указаниям и уперся ногами в продуктовые ящики и баллоны с кислородом, которые иначе могли свалиться на меня. Затем с легким щелканьем свернулась штора. Я неуклюже упал на руки и лицо и на один миг увидел между моими черными растопыренными пальцами нашу мать Землю, планету, светившуюся на опрокинутом к низу небе.

Мы находились еще очень близко от нее. Кавор сказал, что высота, достигнутая нами, вероятно не превышает тысячи двухсот километров. Огромный диск заполнял все небо. Но было уже совершенно очевидно, что Земля имеет шаровидную форму. Области, лежавшие непосредственно под нами и обьятые полутьмой, рисовались очень смутно. Далее, к западу, широкая полоса Атлантического океана блестела, как расплавленное серебро, под лучами заката. Мне показалось, что я узнаю окутанные туманом береговые линии Франции, Испании и Южной Англии. И затем с новым щелканьем штора опять закрылась, и я, совсем ошалеv, медленно пополз по гладкой поверхности стекла.

Когда, наконец, у меня в голове все пришло в порядок, стало опять совершенно несомненно, что Луна находится в н и з у, у меня под ногами, а на уровне горизонта лежит Земля — та самая Земля, которая была н и з о м для меня и для моих предков с самого начала времен.

Так ничтожны были требовавшиеся от нас усилия, и все давалось нам так легко вследствие почти полной неве-

сомости наших тел и окружающих предметов, что в течение первых шести часов после отлета (по хронометру Кавора) мы не испытывали ни малейшего желания подкрепиться. Я удивился, заметив, как быстро промелькнуло это время. Принявшись наконец за еду, я удовольствовался сухой безделушкой. Кавор осмотрел аппарат, поглощавший углекислоту и воду, и объявил, что он находится в совершенно удовлетворительном состоянии, так как мы потребляем очень мало кислорода. Так как все темы для разговоров казались исчерпанными, и делать было решительно нечего, то мы поддались овладевшей нами странной сонливости. Разостлав одеяла на дне шара с таким расчетом, чтобы защититься от лунного света, мы пожелали друг другу спокойной ночи и немедленно заснули.

Итак, то погруженные в сон, то беседуя и немного читая, изредка закусывая, хотя и без большого аппетита, но по большей части в своеобразном дремотном спокойствии, которое не было ни бдением, ни сном, в бездние времени, не разделенного на дни и ночи, мы падали неслышно, мягко и быстро все вниз и вниз, по направлению к Луне.¹

Любопытно, что за все время пребывания внутри шара мы не чувствовали ни малейших признаков голода и не испытывали никаких неудобств, воздерживаясь от пищи. Сперва мы принуждали себя есть, но позднее перешли на полный пост. Поэтому мы не израсходовали и сотой доли взятых с собой концентрированных пищевых продуктов.

Количество выдыхаемой нами углекислоты также было поразительно невелико. Но почему это так, я не берусь объяснить.²

¹ Можно вычислить, что под влиянием одного лишь лунного притяжения предмет с поверхности Земли должен был бы падать на Луну в течение 43 дней. Столько же времени должно было продолжаться падение на Луну снаряда Кавора, если бы снаряд этот не был брошен с Земли с известной начальной скоростью и летел все время прямо к Луне. Начальная скорость в $\frac{1}{2}$ км в секунду должна сократить продолжительность полета приблизительно на сутки, а маневрирование снаряда в пространстве — несколько удлинить путешествие. В итоге перелет героев романа с Земли на Луну должен был длиться около полутора месяцев. (Прим. ред.)

² Исследования показали, что при увеличении мускульной работы человека количество выдыхаемой им углекислоты возрастает вдвое и даже втрое. Вполне естественно поэтому, что в состоянии невесомости, когда мышечные усилия крайне ничтожны, организм должен выделять весьма мало углекислоты. (Прим. ред.)

ПОСАДКА НА ЛУНЕ

Помню, однажды Кавор внезапно открыл шесть окон и так ослепил меня, что я громко вскрикнул. Все видимое пространство под нами занимала Луна — исполинский кривой клинок белой зари, испещренный прорезами мрака, серповидный берег, затопляемый волнами тьмы, из которой поднимались навстречу солнцу вершины гор и утесов. Надо думать, читатель не раз видел картинки или фотографии, изображающие поверхность Луны. Поэтому нет нужды описывать здесь общий характер этого пейзажа: кольцевидные горные цепи, гораздо более обширные, чем все наши земные горы, их вершины, блистающие при солнечном свете, и резкие глубокие тени; серые беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры, непосредственно переходящие от ослепительного блеска к таинственной черноте. Мы летели наискось над этим миром на расстоянии не более полутора ста километров от его пиков и хребтов. И мы могли видеть то, чего никогда не увидят ничьи земные глаза: мы наблюдали, как под ярким дневным светом резкие очертания скал и оврагов на равнинах и внутри кратеров становились серыми и мутными от сгущавшегося тумана, а сверкающая белизна их поверхности разрывалась на полосы и лоскуты, суживалась, пропадала. Вместо нее здесь и там появлялись и ширились какие-то странные пятна коричневого и оливкового цвета.

Но у нас не было времени следить за всем этим, так как теперь наступал самый опасный момент нашего путешествия. Надо было все больше и больше приближаться к Луне, около которой мы кружились, замедлять быстроту полета и подстерегать случай, когда можно будет снизиться на ее поверхность.

Кавор работал с чрезвычайным напряжением. Что касается меня, то я оставался в мучительно-тревожном бездействии. То и дело я подвергивался ему под руку. Он прыгал по шару с проворством, невозможным на Земле. В течение этих последних решительных часов он то и дело открывал и закрывал каворитовые окна, производил вычисления, смотрел на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время окна были закрыты, и мы безмолвно висели в темноте, кружась в пространстве.

Затем Кавор нажал кнопку штор, и четыре окна внезапно открылись. Я зашатался и прикрыл глаза рукой, потрясенный, ослепленный и обожженный непривычным блистающим солнцем у себя под ногами. Потом ставни опять захлопнулись, и у меня голова закружилась от внезапно ударившей в глаза темноты. И снова я поплыл в черной, безбрежной тишине.

Тут Кавор зажег электричество и сказал мне, что хочет связать весь наш багаж в один тюк и завернуть его в одеяла, чтобы уменьшить силу толчка при спуске. Эту операцию мы проделали, закрыв предварительно все окна, чтобы все наши вещи снова сгруппировались в центре шара. Это была весьма странная работа: два человека свободно плавали в сферическом пространстве, наполняя тюк и стягивая его веревками. Вообразите это, если можете: ни верха, ни низа, и после каждого движения совершенно неожиданные результаты. То меня с силой прижимало к стеклу после неожиданного толчка со стороны Кавора, то я беспомощно барахтался в пустоте. Иногда ступни Кавора проплывали у меня перед глазами, иногда мы ложились друг на друга крест-накрест, но наконец нам удалось прочно увязать в большой мягкий тюк все наши вещи, не считая двух одеял — каждое с отверстием для головы, — в которые нам предстояло закутаться.

Тогда Кавор открыл на секунду окно, обращенное к Луне, и мы увидели, что падаем по направлению к большому центральному кратеру, окруженному несколькими малыми кратерами, которые были расположены в виде креста. Затем Кавор вновь подставил наш маленький шар ослепляющему и обжигающему Солнцу. Я полагаю, что он пользовался солнечным притяжением как тормозом.

— Завернитесь в одеяло! — крикнул он, отталкиваясь от меня. В первую минуту я ничего не мог понять.

Затем я подтянул одеяло, которым окутаны были мои ноги, и прикрыл голову и глаза. Кавор внезапно затворил все окна, снова открыл одно из них и тотчас же закрыл опять; потом начал открывать их одно за другим, вводя каждую штору в соответственный стальной цилиндр. Раздался дребезжащий звук, и мы покатались кувырком, ударяясь о стекло и о большой тюк с багажом и цепляясь друг за друга. А снаружи какое-то белое вещество разлеталось брызгами, как будто мы катились вниз по снежному склону...

Хлоп — трах — бац!.. Хлоп — трах!..

Раздался глухой удар, и меня придавил к стеклу тюк с нашим имуществом. На некоторое время все стихло. Затем я услышал пыхтение и ворчание Кавора и щелканье последней свертывающейся шторы. Я сделал усилие, оттолкнул в сторону завернутый в одеяло багаж и выбрался из-под него. Открытые окна казались полосами черной тьмы, усеянной звездами.

Мы были живы и лежали во мраке у подножья стены большого кратера, в который свалились.

Мы сели, тяжело переводя дыхание и ощупывая свои ушибы. Мы никак не ожидали, что нам так круто придется при посадке. Я поднялся с мучительным усилием на ноги.

— А теперь, — сказал я, — поглядим на лунный пейзаж. Но только здесь чертовски темно, Кавор.

Стекла запотели, и я, разговаривая, протираю их одеялом.

— Осталось еще полчаса или около того до рассвета, — сказал он. — Надо ждать.

Невозможно было различить что-либо. Если б мы находились в стальном шаре, то видели бы то же самое. Протирание одеялом ни к чему не привело: стекло тотчас же помутнело вновь от сгустившейся сырости, смешанной на этот раз с шерстяными волокнами. Конечно, не следовало пользоваться одеялом для этой цели. Стараясь протереть стекло, я поскользнулся на влажной поверхности и ударился подбородком о цилиндр с кислородом, высунувшийся из тюка.

Можно было прийти в отчаяние, так все выходило нелепо. Мы только что прибыли на Луну, неведомые чудеса окружали нас, а мы видели только серую влажную стену стеклянного пузыря, в котором прилетели.

— Чорт побери, — сказал я, — да, ведь, с таким же успехом мы могли остаться дома!

Я присел на тюк, дрожа от холода, и крепче закутался в одеяло.

Вдруг сырость превратилась в ледяные кристаллы и сосульки.

— Не можете ли вы дотянуться до калорифера? — спросил Кавор. — Да, вот до этой черной кнопки. Иначе мы замрем.

Я не заставил просить себя дважды.

— А теперь, — сказал я, — что нам делать?

— Ждать, — ответил он.

— Ждать?

— Конечно. Нам придется подождать, пока воздух внутри шара опять нагреется и стекло прочистится. До тех пор мы ничего не можем предпринять. Здесь еще ночь; надо дожидаться наступления дня. А пока что, не хотите ли поесть?

Некоторое время я не отвечал ему и продолжал трястись от холода. Затем нехотя отвернулся от мутного загадочного стекла и посмотрел прямо в лицо Кавору.

— Да, — сказал я с расстановкой, — я голоден. И кроме того я ужасно разочарован. Я ожидал... Не знаю, право, чего именно я ожидал, но только не этого.

Я призвал на помощь всю мою философию, оправил одеяло, в которое был закутан, снова уселся на тук и приступил к моей первой трапезе в лунном мире. Не помню, успел ли я ее закончить. Отдельными полосками, которые вскоре слились в более обширные участки, стекло стало светлеть, и взвилась туманная завеса, скрывавшая до сей поры все окружающее от наших глаз.

И мы увидели лунный пейзаж.

VII

ВОСХОД СОЛНЦА НА ЛУНЕ

Этот пейзаж при первом взгляде показался нам чрезвычайно диким и пустынным. Мы находились посреди огромного амфитеатра, на обширной круглой равнине, образовавшей дно гигантского кратера. Стены его, состоявшие из высоких утесов, окружали нас со всех сторон. На западе их уже коснулся свет невидимого Солнца. Он достигал даже их подножья и позволял различать беспорядочное нагромождение темных сероватых скал, окаймленных здесь и там расщелинами и снежными насыпями.

Утесы эти находились от нас, быть может, в километрах двадцати, но, благодаря отсутствию атмосферы, сверкающие очертания их обрисовывались совершенно отчетливо. Стены кратера поднимались, ослепительно яркие, на фоне усеянной звездами черноты, которая нашим земным глазам представлялась скорее богато вышитым бархатным занавесом, чем широким небесным простором.

Восточные утесы казались лишь темной кромкой звездного купола. Над ними не было ни розового отблеска, ни брезжащей белизны, словом никаких признаков наступления дня. Только зодиакальный свет,¹ огромный конус мерцающего тумана, направленный острием к блестящей утренней звезде, возвещал о скором появлении Солнца.

К нам проникал лишь свет, отраженный западными утесами. Он озарял обширную, слегка пересеченную равнину, застывшую и серую, которая постепенно темнела к востоку и становилась неприглядно черной у подножия утесов. Бесчисленные круглые серые вершины, призрачные курганы и насыпи какого-то снегоподобного вещества, тянувшиеся подобно горным хребтам и исчезающие в далекой тьме, дали нам возможность впервые составить себе некоторое понятие об истинных размерах кратера. Курганы эти напоминали снежные кучи. В то время я думал, что это и вправду снег. Но нет, это были нагромождения замерзшего воздуха.

Такой вид имела окружающая местность на первых порах. Но затем вдруг с поразительной быстротой наступил лунный день.

Солнечный свет спустился с утесов; он коснулся снеговых масс, нагроможденных у их подножья, и стал приближаться семимильными шагами. Казалось, что все далекие утесы задрожали и задвигались; облако серого тумана поднялось со дна кратера; раздвигающиеся серые клубы становились все крупнее, все шире, все гуще, пока, наконец, западная часть равнины не задымилась вся сплошь, словно мокрое полотно, и лишь отраженное сияние вершин пробивалось сквозь туманную пелену.

— Это воздух, — сказал Кавор, — это несомненно воздух; иначе он не испарялся бы от одного прикосновения солнечного луча. И с такой быстротой...

Он поднял глаза вверх:

— Смотрите, — сказал он.

— Куда? — спросил я.

— На небо. Уже начинается...

На черном поле появилось маленькое синее пятно.

¹ Зодиакальный свет — слабое сияние, нередко наблюдаемое у нас в западной части неба в ясные безлунные ночи, особенно отчетливо — весной. Свет этот — отраженный солнечный; его отбрасывают бесчисленные мелкие частицы вещества, рассеянные далеко кругом Солнца и окружающие его облаком в форме огромной сплюснутой чечевицы. (Прим. ред.)

Звезды кажутся крупнее. А мелкие звезды и туманности, которые мы видели в пустом пространстве, теперь исчезли.

Быстро и неотвратно день приближался к нам. Одна серая вершина за другой озарялась солнечным светом и немедленно расплывалась в клубящийся белый пар. Наконец к западу от нас ничего не осталось, кроме разрастающейся стены тумана, кроме шумно надвигающегося и увеличивающегося дымного облака. Далекие утесы отступали все дальше и дальше, тускнели, меняли свои очертания и наконец совсем исчезли в этой белой мути.

Все ближе и ближе надвигался этот туманный прилив, перемещавшийся быстро, как тень облака, подгоняемого свежим юго-западным ветром. Вокруг нас закурилась тонкая передовая дымка.

Кавор схватил меня за руку.

— Что такое? — спросил я.

— Смотрите, Солнце восходит! Солнце!

Он заставил меня повернуться и указал на вершину восточного утеса, выступавшего из тумана перед нами и едва заметного на черном небе. Но теперь его очертания были обозначены странными красноватыми вспышками, языками малинового пламени, которые тряслись и плясали. Я предположил, что это, должно быть, спирально закрученные струи пара, отразившие солнечный свет и создавшие на небе этот гребень огненных языков. Но оказалось, что это были солнечные выступы, — огненная корона Солнца, навсегда скрытая от земных глаз завесой атмосферы.

И затем — показалось Солнце.

Решительно и непреклонно выступила блестящая линия, выступил тонкий ободок яркого света, который принял форму полукруга, превратился в арку, превратился в пылающий скипетр, — и метнул в нас волну зноя, точно копье.

Право, мне показалось, будто мне выкололи глаза. Я громко вскрикнул и отвернулся, совсем ослепший, ошущую отыскивая одеяло позади тюка с багажом.

И одновременно с появлением этого жгучего света раздался звук, первый звук, долетевший до нас с тех пор, как мы покинули Землю, — шипение и свист, бурный шорох одежды наступающего дня. Тут шар накренился, и мы, незрячие и ошеломленные, повалились друг на друга. Шар еще раз покачнулся, а шипение стало громче. Я закрыл глаза, я делал неуклюжие усилия, чтобы прикрыть

Я собрался с силами и подскочил. (Стр. 68.)

голову одеялом, и этот второй толчок опрокинул меня. Я свалился на тюк и, приоткрыв на секунду глаза, мельком увидел воздух по ту сторону стекла. Воздух разбегался, воздух кипел, как снег, в который воткнули раскаленный добела железный прут. При первом прикосновении солнечных лучей затвердевший воздух обратился в месиво, в грязь, в талую жижу. Он шипел и, лопааясь пузырями, превращался в газ.

Шар закачался еще сильнее, и мы уцепились друг за друга. В следующий миг нас подбросило, перевернуло, и я очутился на четвереньках. Лунный рассвет схватил нас в свои объятия. Он как будто хотел показать нам, жалким людишкам, что может сделать с нами Луна.

Вторично я мельком увидел все то, что творилось снаружи, — клубы пара, полужидкую грязь, плескавшуюся, опадавшую, растекавшуюся. Мы барахтались в темноте. Я очутился внизу, и колени Кавора упирались мне в грудь. Затем он, кажется, отлетел прочь от меня, и одну секунду я лежал, вытянувшись во весь рост, и глядел кверху. Огромная глыба тающего вещества обрушилась на шар, похоронила его под собою и теперь разжижалась и кипела вокруг нас. Я видел пузыри, танцовавшие на стекле. Чуть слышным голосом Кавор крикнул что-то. Новая лавина тающего воздуха налетела на нас, и, бормоча бессильные жалобы, мы начали катиться вниз по склону, все быстрее и быстрее, перелетая через трещины, подпрыгивая на буграх, уносясь прямо к западу, в шумное и неистовое кипение лунного дня.

Уцепившись друг за друга, мы крутились и вертелись, перекатываясь туда и сюда. Тюк с багажом вскакивал на нас, колотил нас, мы сталкивались, мы хватались друг за друга, потом нас снова разбрасывало в разные стороны. Вдруг наши головы встретились, — и казалось, — вся вселенная рассыпалась огненными стрелами и звездами. На Земле мы успели бы раз двадцать расшибиться насмерть, но на Луне, к счастью для нас, вес наш был в шесть раз меньше земного, и мы, падая, ушибались не слишком сильно. Я вспоминаю ощущение нестерпимой тошноты, как будто мозг перевернулся у меня в черепе, и затем...

Кто-то ощупывал мое лицо; чьи-то слабые прикосновения неприятно раздражали мои уши. Потом я заметил, что нестерпимый блеск окружающего пейзажа несколько ослаблен синими очками. Кавор склонился надо мной.

Я увидел его обращенное вниз лицо и глаза, тоже защищенные цветными стеклами. Он тяжело и неровно дышал, и из его рассеченной губы струилась кровь.

— Вам лучше? — спросил он, вытирая тыловой частью руки окровавленный рот.

Мне чудилось, что все качается вокруг меня. Но в действительности у меня просто кружилась голова. Я заметил, что Кавор закрыл несколько ставней во внешней оболочке шара с целью оградить меня от падавших отсюда лучей. Все предметы вокруг меня блестели необычайно ярко.

— Господи, — вздохнул я, — но, ведь, это...

Я приподнял шею, чтобы осмотреться. Я увидел, что снаружи все сияло ослепительным светом — разительная перемена после угрюмой тьмы, встретившей нас на первых порах.

— Долго ли я пролежал без чувств? — спросил я.

— Не знаю, хронометр разбился. Не очень долго... Мой милый мальчик, я так испугался...

Некоторое время я лежал неподвижно, стараясь собраться с мыслями. На лице Кавора я видел следы только что пережитого волнения. Я не говорил ни слова. Я ощущал свои ушибы и внимательно посмотрел на лицо Кавора, желая знать, не потерпел ли он каких-нибудь повреждений. Тыльная часть моей левой руки пострадала всего сильнее: кожа с нее была содрана начисто. Лоб у меня распух, и из него сочилась кровь. Кавор дал мне небольшую дозу подкрепляющего лекарства, — какого, не помню, — которое он захватил с собой, отправляясь в путь. Немного спустя я почувствовал себя гораздо бодрее. Я начал осторожно шевелить членами. Вскоре я уже мог говорить.

— Этого не должно было случиться, — сказал я, как будто в нашем разговоре не было никакого перерыва.

— Нет, не должно.

Кавор задумался, упершись руками в колени. Он поглядел сквозь стекло наружу и затем снова уставился на меня.

— Господи, боже мой, — сказал он, — нет!

— Что же произошло? — спросил я после недолгого молчания. — Мы перескочили в тропики?

— Случилось именно то, чего я ожидал. Воздух испарился... если только это воздух. Во всяком случае это вещество испарилось, и показалась поверхность Луны. Мы

лежим на каменистой насыпи. Кое-где видна почва. Довольно странная почва.

Тут ему вероятно пришло в голову, что в дальнейших пояснениях нет никакой надобности. Он помог мне сесть, и я увидел все собственными глазами.

VIII

ЛУННОЕ УТРО

Резкая отчетливость, беспощадная белизна и чернота окружающей картины совершенно исчезли. Солнечный свет приобрел слабую янтарную окраску. Тени на стенах кратера были темнопурпурового цвета. На востоке серая полоса тумана еще убегала, прячась от солнца, но на западе небо было синее и чистое. Я начал догадываться, что пролежал без сознания довольно долго. Мы больше не находились в пустоте. Вокруг нас образовалась атмосфера. Очертания предметов стали более характерными, более выразительными и разнообразными. Если не считать мест, находившихся в тени и покрытых белым веществом, — не затвердевшим воздухом, однако, а обыкновенным снегом, — полярный облик окружающего пейзажа исчез совершенно. Широкие рыжеватые полосы обнаженной неровной почвы тянулись на солнцепеке. Здесь и там, у окраины снежных сугробов, появились недолговечные лужицы и ручейки текущей воды. Только они одни двигались в этой обширной пустыне. Солнечный свет вливался в два верхние окошка нашего шара и создавал внутри температуру жаркого лета. Но наши ноги были еще в тени, и шар лежал на снежном сугробе.

Здесь и там, разбросанные по откосу и издалека заметные благодаря маленьким полоскам нерастаявшего снега вдоль теневой стороны, виднелись какие-то предметы, похожие на палочки... Да, — на сухие искривленные палочки такого же ржавого цвета, как скала, на которой они лежали. Палочки в совершенно мертвом мире! Затем, внимательнее присмотревшись к ним, я заметил, что почти вся окрестная почва имеет волокнистое строение, напоминающее ковер из коричневых игл, который можно видеть под хвойными деревьями.

— Кавор, — сказал я.

— А?

— Быть может, теперь это мертвый мир... Но когда-то...

Вдруг одно пустячное обстоятельство привлекло мое внимание. Я различил между иглами несколько маленьких кругляшей, и мне показалось, что один из них шевельнулся.

— Кавор, — прошептал я.

— Что?

Я ответил не сразу. Я смотрел, охваченный недоумением. В первый миг я не мог поверить собственным глазам. Я нечленораздельно вскрикнул, схватил Кавора за руку и указал ему:

— Глядите! — крикнул я, вновь получив дар слова. — Вот там, да. Там!

Он посмотрел туда, куда я указывал пальцем.

— Эге, — сказал он.

Как описать то, что я увидел. Это была сущая бездевица. Однако она показалась мне такой чудесной, такой волнующей. Я уже говорил, что на иглистом покрове лежали маленькие тельца, круглые или, говоря точнее, овальные, которые издали можно было принять за очень мелкие камешки. Но вот сперва одно такое тельце, потом другое, двинулось, перевернулось, лопнуло, и из каждой образовавшейся таким образом трещины показался миниатюрный желтовато-зеленый росток, потянувшийся навстречу горячей ласке только что взошедшего Солнца. На первых порах этим все и ограничилось, но затем шевельнулось и лопнуло третье тельце.

— Семена, — сказал Кавор. И затем я расслышал, как он прошептал тихонько: — Жизнь!

Жизнь! Тотчас же нас обоих осенила мысль, что путешествие наше было не напрасно, что мы прилетели не в мертвую минеральную пустыню, но в мир, который живет и движется. Мы продолжали наблюдать, затаив дыхание. Помню, я протираю рукавом стекло, бывшее передо мной, стараясь удалить с него остатки сырости. Картина казалась отчетливой и ясной только в самой середине поля зрения. Вокруг этого центра мертвые волокна и семена увеличивались и искажались вследствие кривизны стекла. Но нам было довольно и того, что мы видели. На освещен-

ном Солнцем косогоре эти чудесные коричневые тельца одно за другим лопались и раскрывались, как стручки, как кожура плодов. Они разевали жаждающие уста и пили тепло и свет, лившиеся к ним каскадами от только что взошедшего Солнца.

Ежеминутно лопались новые семена, а тем временем передовые разведчики уже выбирались из своих расколотых скорлупок и переходили в следующую стадию роста. С твердой уверенностью, с быстрой, непреклонной решимостью эти удивительные растеньица внедряли корешок в почву, а в воздух выпускали причудливую маленькую почку, похожую на узелок. Через короткое время весь косогор был усеян крохотными кустиками, выстроившимися на солнцепеке.

Но не долго простояли они так. Напоминавшие узелок почки распухали, надувались и раскрывались порывистыми толчками, выбрасывая наружу коронку из маленьких острых язычков. Распускаявшиеся колечком тонкие, заостренные коричневатые листья быстро удлинялись, удлинялись в то самое время, как мы на них смотрели. Движения их были медленнее, чем у самого медлительного животного, но гораздо быстрее, чем у всех известных мне растений. Не знаю, право, с чем можно сравнить скорость их роста? Кончики листьев росли так проворно, что мы простым глазом могли видеть их движение. Коричневые стручки морщились и опадали с такой же быстротой. Случалось ли вам в холодный день взять в теплую руку термометр и следить, как тоненькая ниточка ртути поднимается вверх по трубке? Именно так росли лунные растения.

Всего через несколько минут, как нам показалось, наиболее развившиеся экземпляры превратились в стебельки и выпустили второе кольцо листьев. Весь косогор, еще так недавно казавшийся безжизненным под сухим хвойным настилом, теперь потемнел от низкой, оливково-зеленой травы, оцетинившиеся острия которой вздрагивали от силы своего роста.

Я обернулся, — и что же: по верхнему краю скалы, к востоку от нас, такая же бахрома, только немного менее разросшаяся, покачивалась и изгибалась, чернея на фоне ослепительного солнечного неба. А позади нее обрисовы-

вался какой-то неуклюжий силуэт с толстыми разветвлениями, словно у кактуса. Этот силуэт распухал у нас на глазах, надувался, как пузырь, который наполняют воздухом.

Вскоре я заметил, что и на западе над низкой порослью поднимается другой такой же пузырь. Но тут свет падал на его гладкие бока, и я различил их яркооранжевую окраску. Пузырь разрастался в то время, как мы смотрели на него. Если мы отворачивались на одну минуту, то после этого замечали, что его очертания уже успели совершенно измениться. Он выпускал во все стороны тупые набухшие ветви и через короткое время стал похож на коралловое дерево в несколько футов высотой. По сравнению с такой проворной растительностью земной гриб-дождевик, который иногда за одну ночь достигает целого фута в диаметре, может показаться безнадежным лентяем. Но гриб-дождевик растет, преодолевая силу тяготения в шесть раз большую, чем на Луне.

Из всех оврагов, со всех плоских равнин, которые были скрыты от наших глаз, но не от живительных лучей Солнца, над гребнями и обрывами ярко блистающих скал поднималась щетинистая борода колючей растительности, буйно спешившей воспользоваться недолгим днем, чтобы зацвести, дать плод и новые семена и к вечеру умереть. Этот рост был похож на чудо. Так в библейской легенде деревья и травы спешили прикрыть наготу только что сотворенной Земли.

Вообразите это! Вообразите эту зарю. Воскресение замороженного воздуха, возбуждение и оживление почвы, затем это молчаливое распространение растительности, этот невиданный нигде на Земле натиск острых и мясистых листьев. Представьте себе все это, залитое ослепительным сиянием, по сравнению с которым самый интенсивный солнечный свет, видимый у нас на Земле, казался бы тусклым и слабым. И, однако, вокруг этих стремительно разраставшихся джунглей, всюду, где только была тень, еще тянулись синеватые полосы снега. А чтобы завершить картину наших впечатлений, вспомните, что мы глядели сквозь толстое стекло, искажавшее очертания предметов. Отчетливым и ярким был только центр картины. А по ее краям все казалось преувеличенно крупным и нереальным.

НАЧАЛО РАЗВЕДОК

Вдруг мы перестали смотреть наружу сквозь стекло. Мы обернулись друг к другу с одной и той же мыслью, с одним и тем же молчаливым вопросом в глазах. Чтобы эти растения могли развиваться, нужен был воздух, хотя бы разреженный, — воздух, которым могли дышать также и мы.

— Открыть люк? — спросил я.

— Да, — ответил Кавор, — если то, что мы видим, действительно воздух.

— Очень скоро, — сказал я, — эти растения будут одного роста с нами. Но предположите, предположите в конце концов... так ли это? Почему вы знаете, что это воздух? Быть может, это азот... Быть может, даже углекислота.

— Это легко проверить, — сказал он.

Он достал из тюка большой лоскут смятой бумаги, поджег его и проворно выкинул в клапан люка. Я бросился вперед и сквозь толстое стекло начал следить за этим маленьким огоньком, от свидетельства которого зависело теперь так много.

Я увидел, как бумага вылетела наружу и легко свалилась на снег. Розовое пламя исчезло. Одну секунду можно было думать, что оно совсем погасло. Но потом я заметил у самого края маленький синий язычок, который задрожал, вырос и распространился.

Очень скоро весь бумажный лист, кроме той его части, которая непосредственно соприкасалась со снегом, обуглился и сморщился. Над ним поднялась дрожащая струйка дыма. У меня больше не осталось никаких сомнений: атмосфера Луны состояла либо из чистого кислорода, либо из воздуха, подобного земному. Значит, если она не слишком разрежена, то способна поддерживать нашу, чуждую ей жизнь. Мы могли выйти наружу и жить.

Я сел, обхватив люк ногами, и уже готовился отвинтить его, но Кавор меня остановил.

— Сперва надо принять маленькую меру предосторожности, — сказал он. Далее он объяснил, что, хотя снаружи несомненно имеется атмосфера, содержащая кислород, — она, чего доброго, настолько разрежена, что может причинить нам серьезный вред. Он напомнил мне о горной болез-

ни и о кровотечениях, которыми часто страдают воздухоплаватели, слишком быстро поднимающиеся ввысь. Затем он потратил несколько минут на приготовление очень противной на вкус микстуры, которую заставил меня проглотить. От этого питья я слегка оглох, но в остальном оно не произвело на меня никакого неприятного действия. Тогда Кавор позволил открыть люк.

Крышка была уже настолько отвинчена, что более густой воздух из внутренности шара начал вырываться вдоль нарезок винта со звуком, напоминавшим пение чайника, готового закипеть. Тут Кавор велел мне остановиться. Вскоре стало совершенно очевидно, что снаружи давление гораздо слабее, чем внутри. Но насколько слабее, этого мы не могли определить.

Я сидел, придерживая крышку руками и готовясь завинтить ее вновь в случае, если, вопреки нашей страстной надежде, лунная атмосфера окажется слишком разреженной для нас, а Кавор держал наготове цилиндр со сгущенным кислородом, чтобы немедленно восстановить нормальное давление. Мы оба молчали, поглядывая то друг на друга, то на фантастическую растительность, которая быстро и бесшумно продолжала распространяться снаружи. А тем временем пронзительное посвистывание не умолкало.

Кровь начала стучать у меня в ушах, и шум от движений Кавора ослабел. Я заметил, что вдруг стало очень тихо. То было первое следствие разреженности воздуха.

По мере того, как наш воздух вырывался из-под винта, влага, заключенная в нем, сгущалась в маленькие клубы пара.

Теперь я почувствовал затрудненность дыхания, которая не прекращалась за все время нашего пребывания во внешней атмосфере Луны. Кроме того, довольно неприятное ощущение в ушах, в кончиках пальцев и в задних стенках гортани также привлекло мое внимание, но вскоре все это прошло.

Тут, однако, началось головокружение и тошнота, которые внезапно поколебали мое мужество. Я завинтил крышку люка на пол-оборота и с боязливым вопросом обратился к Кавору. Но теперь он был храбрее меня. Он ответил мне голосом, необычайно слабым и как бы доносившимся издалека, вследствие разреженности воздуха, передававшего звук. Он выпил глоток водки и посоветовал мне последовать его примеру. Действительно, мне стало немного легче.

Я снова отвернул крышку люка. Шум в ушах стал гораздо громче, и я заметил, что свистящий звук прекратился. Но некоторое время я как-то не мог поверить этому.

— Ну? — сказал Кавор еле слышным голосом.

— Ну? — отозвался я.

— Будем продолжать?

На одну секунду я задумался.

— И это все?

— Если только вы можете выдержать...

Вместо ответа я продолжал отвинчивать. Я снял круглую заслонку и осторожно положил ее на тюк. Пара снежинок закружилась и исчезла, когда разреженный чуждый воздух¹ вторгся в пределы нашего шара. Я сел на край люка, выглядывая наружу. Внизу, на расстоянии одного метра от моего лица, расстился девственный лунный снег.

Последовала короткая пауза. Наши взгляды встретились.

— Вы не чувствуете сильной боли в легких? — спросил Кавор.

— Нет, — сказал я, — я могу это выдержать.

Он протянул руку за своим одеялом, сунул голову в отверстие, сделанное в нем, и закутался. Затем он тоже сел на край люка и спустил ноги, так что они оказались на высоте шести дюймов над лунным снегом. Одну минуту он колебался. Затем поддался вперед и ступил обеими ногами на девственную почву Луны.

Он сделал несколько шагов. Края стекла в комически исковерканном виде оразили его фигуру. Одну секунду он стоял, озираясь по сторонам. Затем оттолкнулся и прыгнул.

Я знал, что стекло все искажает и преувеличивает. И однако мне показалось, что это был совершенно необычайный прыжок. Одним махом Кавор отлетел от шара футов на двадцать или тридцать. Теперь он стоял высоко на скале и махал руками, обращаясь ко мне. Но как он ухит-

¹ Физически нельзя допускать, что на Луне существует воздух, который на почвой ее стороны замерзает. Если бы атмосфера Луны на одной стороне переходила в жидкое или твердое состояние, то весь газ, находящийся на другой половине, устремился бы в холодную область и здесь сгустился бы или замерз, — как устремляется в холодильник и сгущается там пар из цилиндра паровой машины. В этом пункте автор романа делает недопустимое предположение. (*Прим. ред.*)

рился это проделать? Я был сбит с толку, как чел век, только что увидевший непонятный новый фокус.

Не зная, что думать, я тоже выбрался из люка. Прямо подо мною оседал и таял снежный сугроб. Перед ним образовалось нечто вроде канавки с проточной водой. Я сделал один шаг и подскокил.

Я почувствовал, что лечу по воздуху, увидел, что скала, на которой стоял Кавор, несется мне навстречу, уцепился за нее и повис, испытывая неивъяснимое удивление.

Я истерически захохотал. Я был страшно смущен. Кавор склонился надо мной и пискливым голосом посоветовал быть осторожнее.

Я совсем позабыл, что на Луне, которая по своей массе в восемь раз уступает Земле и в четыре раза меньше ее в поперечнике, мой вес стал приблизительно в шесть раз легче. Но теперь факты властно требовали, чтобы я вскинул об этом.

— Мы скинули с себя помочи нашей матери Земли, — сказал Кавор.

Рассчитывая усилия и подвигаясь вперед осторожно, как хилый ревматик, я взобрался на вершину и встал рядом с Кавором на солнцепеке. Шар лежал внизу, на постепенно уменьшающемся сугробе, футах в тридцати от нас.

Насколько хватал глаз, в чудовищном беспорядке были разбросаны скалы, заполнявшие дно кратера. Та же колючая поросль, которая окружала нас, пробуждалась к жизни и в других местах. Здесь и там она чередовалась с разбухшими массами кактусов и с багряными и пурпуровыми лишайниками, которые разрастались так быстро, что можно было подумать, будто они карабкаются вверх по скалам. Вся площадь кратера показалась мне тогда совершенно однообразной пустыней, тянувшейся до самого подножья внешних утесов.

Эти утесы, повидимому, не были покрыты растительностью. Их отвесные стены, террасы и платформы не привлекали тогда к себе нашего внимания. По всем направлениям они находились в нескольких километрах от нас. Мы, очевидно, стояли в самом центре кратера и глядели на них сквозь туманную дымку, медленно расползавшуюся от ветра.

Ибо теперь даже ветер чувствовался в разреженном воздухе, быстрый, но слабый ветер, который заставлял нас

ежиться, хотя мы почти не ощущали его давления. Казалось, он дул поперек кратера, направляясь к ярко освещенной части его со стороны туманного сумрака у подножья обращенной к Солнцу стены. Очень трудно было рассмотреть что-либо в этом ступившемся на востоке тумане. Мы были вынуждены глядеть туда, сощурившись и прикрывая глаза руками, чтоб защититься от лютой силы неподвижного Солнца.

— Как видно, здесь одна сплошная пустыня, — сказал Кавор, — совершенная пустыня.

Я еще раз оглянулся по сторонам. Вопреки очевидности я все еще рассчитывал заметить какие-нибудь признаки человеческого присутствия — башню или дом, или какое-нибудь сооружение. Но глаз встречал повсюду только беспорядочно разбросанные вершины, гребни скал, колючие кустарники и раздувшиеся кактусы, которые все пухли да пухли, наглядно опровергая все подобные надежды.

— Кажется, эти растения здесь — единственные хозяева, — сказал я. — Я не замечаю ни малейших следов какого-нибудь другого существа.

— Ни животных, ни птиц, ничего. Да и что делали бы животные в течение ночи?.. Нет, здесь только растения.

Я закрыл глаза рукой.

— Это напоминает пейзажи, которые можно видеть во сне. Эти штуки меньше похожи на земные растения, чем те чудовища, которые живут среди скал, на дне оксана. Взгляните-ка туда, не правда ли — настоящая ящерица, превратившаяся в растение? И какой ослепительный свет!

— А, ведь, еще только раннее утро, — сказал Кавор.

Он вздохнул и оглянулся.

— Этот мир не создан для людей... И, однако, есть в нем что-то неизъяснимо привлекательное.

Некоторое время он молчал, потом начал задумчиво жуужать по своему обыкновению.

Я почувствовал какое-то мягкое прикосновение и увидел, что тонкий побег синебагрового лишайника обвился вокруг моего башмака. Я дернул ногою, лишайник рассыпался в порошок, и каждая его частичка тотчас же начала расти.

Тут я услышал пронзительный крик Кавора: оказалось, его уколол острый шип кустарника.

Он стоял в нерешительности, глаза его блуждали по окрестным скалам. Вдруг какой-то розовый отблеск про-

— Мы должны снова отыскать шар, — сказал Кайвор.
(Стр. 72)

мелькнул на шероховатой поверхности каменной глыбы. Это был совершенно необычайный цветок, багрово-алый, с сине-ватым отливом.

— Глядите, — сказал я оборачиваясь; и что же: Кавор исчез.

Одну секунду я стоял на месте, совсем ошеломленный. Затем поспешно сделал шаг вперед, чтобы посмотреть вниз; с обрыва скалы. Но в моем удивлении я опять позабыл, что мы находимся на Луне. На Земле усилие, которое я сделал, заставило бы меня передвинуться на один метр; на Луне оно швырнуло меня метров за шесть, т. е. по крайней мере на пять метров дальше края. Это было похоже на те ночные кошмары, когда нам мерещится, будто мы падаем, падаем без конца. Ибо если при падении на Земле тела пролетают в первую секунду шестнадцать футов, то на Луне они пролетают только два фута, имея при этом лишь одну шестую своего земного веса. Полагаю, что я падал или, вернее, спускался с высоты около десяти метров. Это длилось довольно долго — секунд пять или шесть. Я парил в воздухе и падал, как перо, и наконец увяз по колену в снежном сугробе на дне оврага, у подножья серо-синей, испещренной голубыми жилками скалы.

Я оглянулся по сторонам.

— Кавор! — позвал я. Но Кавора нигде не было видно. — Кавор! — крикнул я громче, и скалы ответили мне эхом.

Я неистово метался среди скал и карабкался обратно на вершину.

— Кавор! — вопил я. Мой голос звучал, как бляенные заблудившегося ягненка.

Шар тоже пропал из виду, и на один миг ужасное ощущение беспомощности и одиночества заставило сжаться мое сердце.

Потом я увидел Кавора. Он смеялся и махал руками, стараясь привлечь мое внимание. Он стоял на голый вершине скалы в двадцати или тридцати метрах от меня. Его голоса я не мог слышать, но жесты говорили: «Прыгай!» Я колебался. Расстояние казалось мне огромным. Я рассудил однако, что без сомнения могу прыгнуть дальше, чем Кавор.

Я сделал шаг назад, собрался с силами и подскочил. Мне показалось, что я взлетел на воздух и никогда больше не опущусь вниз...

Летать таким манером было и страшно, и приятно, и дико неправдоподобно, как в кошмаре. Я понял, что сделал слишком большое усилие. Я пронесся над головою Кавора и увидел колючую чашу под собой в овраге. Я вскрикнул от испуга, широко раскинул руки и вытянул ноги.

Я ударился о какую-то большую губчатую массу, которая тотчас же рассыпалась, выбросив множество оранжевых спор по всем направлениям и обдав меня оранжевым порошком. Я покатился в самую гущу оранжевых плевков и лежал там, корчась от беззвучного смеха.

Я заметил круглое личико Кавора, выглядывавшее поверх колючей заросли. Он кричал, спрашивая о чем-то. Я тоже попробовал крикнуть, но не мог. Он спустился ко мне, бережно пробираясь между кустарниками.

— Надо остерегаться, — сказал он. — Луна не признает никакой дисциплины. Она заставит нас переломать себе все кости.

Он помог мне встать на ноги.

— Вы слишком напрягаете свои силы, — сказал он, сбивая рукой желтое вещество с моей одежды.

Я стоял смиренно и пытался, позволяя ему чистить мои локти и колени и слушая его наставления:

— Мы совсем не считаемся с разницей в силе тяготения. Наши мускулы еще не приспособились к новым условиям. Надо будет попрактиковаться немного после того, как вы отдохнете.

Я вытащил два или три небольших шипа у себя из руки и присел на обломок скалы. Все мышцы мои дрожали. Я чувствовал себя так, как будто первый раз в жизни свалился на землю, обучаясь езде на велосипеде.

Вдруг Кавору пришло в голову, что после солнечного зноя я могу простудиться в холодном овраге. Поэтому мы вскарабкались обратно на солнцепек. Если не считать нескольких осадин, я ничуть не пострадал во время падения. И по совету Кавора мы стали искать место, удобное для следующего прыжка. Наш выбор остановился на гладкой каменной площадке, находившейся метрах в десяти и отделенной от нас невысокой зарослью оливково-зеленых колючих растений.

— Вообразите, что это находится здесь, — сказал Кавор с видом спортивного инструктора и указал место приблизительно на расстоянии одного метра от моих ног. Я перескочил совершенно благополучно и, признаюсь, по чувсто-

вал некоторое удовольствие, когда Кавор промахнулся на полметра и в свою очередь отведал колючек.

— Вы видите, что надо быть осторожнее, — сказал он, вытаскивая из рук воткнувшиеся шипы. После этого он перестал быть моим наставником и сделался просто товарищем в изучении искусства ходьбы на Луне.

Мы наметили еще более короткое расстояние и перескочили его без труда. Затем прыгнули обратно, потом снова вперед и повторили это упражнение несколько раз, приучая свои мускулы к новым условиям. Я бы никогда не поверил, если бы не узнал на опыте, как быстро нам удалось приспособиться. В самом деле, в изумительно короткое время, — менее, чем после тридцати прыжков, — мы уже могли заранее определять размер требуемого усилия с такой же почти точностью, как на Земле.

А тем временем лунные растения распространялись вокруг нас, делаясь все больше и все гуще, утолщаясь, переплетаясь и запутываясь, — колючие кустарнички, зеленые кактусовые массы, грибы, мясистые лишайники, поражавшие своими странными, изогнутыми формами. Но мы были так заняты своей чехардой, что некоторое время не обращали никакого внимания на их безостановочный рост.

Необычайное возбуждение овладело нами. Я думаю, оно отчасти объяснялось сладостным чувством освобождения из тесного шара. Но главную роль, однако, играл здесь мягкий разреженный воздух, несомненно гораздо более богатый кислородом, чем наша земная атмосфера. Несмотря на странный характер окружающей обстановки, я чувствовал себя совсем беззаботно, как лондонский обыватель, впервые за свою жизнь очутившийся в горах. И ни одному из нас в голову не приходило бояться чего бы то ни было, хотя всевозможные неожиданности подстерегали нас со всех сторон.

Веселый задор охватил нас. Мы наметили поросший лишайничками бугор метрах в пятнадцати от нас и один за другим благополучно перескочили на его вершину.

— Отлично! — кричали мы. — Отлично!

Кавор сделал три шага и прыгнул на приглянувшийся ему снеговой косогор, расположенный в добрых двадцати метрах, если не дальше. На одну секунду я замер на месте, разинув рот: такой смешной казалась его маленькая фигурка, распластанная в воздухе. Вы только представьте себе запачканную крикетную шалочку и взбешенные во-

лосы, маленькое круглое тельце и широко разгнутые ноги над фантастической ширью лунного пейзажа. Смех напал на меня, но затем я поспешил в свою очередь прыгнуть. Гоп-ла! — и я уже стоял рядом с Кавором.

Мы сделали еще несколько скачков, достойных Гаргантюа¹, прыгнули раза три или четыре и наконец уселись в заросшей лишайниками впадине. Мы испытывали резь в легких. Мы сидели, держась за бока и тяжело переводя дух, и с одобрением смотрели друг на друга. Кавор просипел что-то насчет «изумительных переживаний». И затем мне в голову пришла одна мысль. В первый миг это была не слишком страшная мысль, а просто весьма естественный вопрос, подсказанный создавшимся положением.

— Кстати, — сказал я, — а где, собственно говоря, находится наш шар?

Кавор поглядел на меня.

— Эге?

Истинное значение моих собственных слов вдруг поразило меня с необычайной остротой.

— Кавор, — воскликнул я, хватая его за руку, — где наш шар?!

Х

ЛЮДИ ЗАБЛУДИЛИСЬ НА ЛУНЕ

По лицу его я увидел, что он заразился моей тревогой. Он встал и окинул взглядом кустарники, которые теснились и поднимались вокруг нас в своем бурном неистовом росте. С видимым сомнением он поднес руку к губам. Заговорил с внезапной неуверенностью:

— Я думаю, — сказал он медленно, — что мы оставили шар... где-то... там.

Палец его нерешительно описал широкую дугу.

— Я не знаю наверное. — Смущение, которое выражал его взгляд, усилилось. — Во всяком случае, он не может быть далеко.

Тут и я вскочил на ноги. Впившись глазами в дремучую чащу, непрерывно сгущавшуюся вокруг нас, мы обменивались бессвязными восклицаниями.

¹ Гаргантюа — сказочный богатырь, герой сатирического романа французского писателя Франсуа Рабле. (Прим. ред.)

Повсюду на озаренных Солнцем склонах полстелети и показывались колючие кустарники, раздувшиеся кактусы, ползучие лишайники, а там, где еще оставалась тень, медленно подтаивали снежные сугробы. К северу, к югу, к востоку, к западу простиралось однообразное нагромождение непривычных нашему глазу растительных форм. И где-то между ними, уже погребенный под этой путаницей стеблей, скрывался наш шар, наше жилище, наша кладовая с припасами, наша единственная надежда на спасение из этой фантастической пустыни, в которой мы теперь заблудились.

— В конце концов я думаю, — сказал Кавор, указывая пальцем на запад, — что он может быть там.

— Нет, — возразил я. — Мы описали кривую линию. Смотрите. Вот отпечаток моих каблучков. Совершенно очевидно, что шар должен лежать где-то дальше к востоку, гораздо дальше. Нет, он наверное там!

— Мне помнится, — сказал Кавор, — что Солнце все время было по правую сторону от меня.

— А я помню, что при каждом прыжке тень моя передвигалась прямо передо мной.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Внутренняя поверхность кратера представилась нашему воображению небывало огромной, а разраставшаяся чаща совершенно непроходимой.

— Господи, какие же мы дураки!

— Очевидно, мы должны снова отыскать шар, — сказал Кавор. — И как можно скорее. Солнце начинает жечь. Мы бы уже совсем обессилели от жары, если б здесь не было так сухо. И кроме того... я голоден.

Я уставился на него. До сих пор я совсем не думал о пище, но тут сразу почувствовал звериный голод.

— Да, — сказал я выразительно, — я тоже хочу есть.

С твердой решимостью во взгляде Кавор обернулся.

— Конечно, мы должны найти шар.

Стараясь по возможности схранять спокойствие, мы начали осматривать бесконечные каменные гряды и заросли, покрывавшие дно кратера. Каждый из нас молчаливо спрашивал себя: есть ли у нас хоть какая-нибудь надежда отыскать шар, прежде чем зной и голод успеют нас прикончить.

— Он не может находиться дальше, чем в пятидесяти метрах отсюда, — сказал Кавор, нерешительно помашивая

рукой. — Нам остается только бродить здесь поблизости, пока мы не наткнемся на него.

— Это все, что мы можем сделать, — сказал я, не спеша, однако, пуститься на поиски. — Но мне бы хотелось, чтобы проклятые колючки не росли так быстро.

— Вся беда в этом, — сказал Кавор. — Но, ведь, шар лежал на снежной насыпи.

Я оглянулся по сторонам в тщетной надежде узнать какой-нибудь бугор или куст, который прежде видел вблизи шара. Но повсюду расстиралось то же пестрое однообразие; повсюду поднимавшиеся вверх кустарники, пучившиеся грибы, уменьшавшиеся снежные сугробы изменялись неудержимо и непрерывно. Солнце обжигало и жалило; слабость, вызванная нестерпимым голодом, увеличивала наше душевное смятение. И в то время, как мы стояли растерянные и заблудившиеся среди всех этих невиданных диковин, мы впервые за все время пребывания на Луне услышали звук, который не был ни шелестом поднимающихся растений, ни слабыми вздохами ветра, ни шумом наших собственных шагов:

Бум!.. Бум!.. Бум!..

Звук раздавался у нас под ногами, он вылетал из-под почвы. Казалось, мы слышали его не только ушами, но и ступнями ног. Его медлительные раскаты заглушались расстоянием, делались гуще, проходя сквозь толщу отделявшего его от нас вещества. Право, не знаю, какой другой звук мог бы сильнее удивить нас или резче изменить наше отношение ко всему окружающему. Ибо этот звук, гармоничный, медленный и уверенный, — судя по нашему первому впечатлению, — не мог быть ничем иным, кроме боя гигантских подземных часов.

Бум!.. Бум!.. Бум!..

Звук, напоминавший о тихих монастырских обителях, о бессонных ночах в людных городах, о бодрствовании и размеренном чередовании часов, многозначительно и таинственно раздавался в этой загадочной пустыне. Для глаза все осталось неизменным: кустарники и кактусы тихо покачивались на ветру; сплошной стеною тянулись далекие утесы; все еще темное небо было совсем пустынно, и неподвижное Солнце палило и жгло. И посреди всего этого, как предупреждение или угроза, мерно ударял этот непонятный звук.

Бум!.. Бум!.. Бум!..

Внезапно ослабевшими и понизившимися голосами мы спрашивали друг у друга:

— Часы?

— Похоже на часы.

— Что это такое?

— Что это может значить?

— Считайте, — посоветовал Кавор, но опоздал, потому что на этом слове бой прекратился. Эта тишина, наступившая так внезапно, еще более потрясла нас. На один миг можно было усомниться, действительно ли мы слышали этот звук. Или, быть может, он все еще продолжался... В самом деле, неужели я слышал звон?

Я почувствовал, как на моей руке сжались пальцы Кавора. Он заговорил вполголоса, словно опасаясь разбудить какое-то спящее существо.

— Будем держаться вместе, — прошептал он, — и отыщем шар. Мы должны вернуться к шару. Здесь творится что-то непонятное.

— Но куда идти?

Он колебался. Непререкаемое убеждение, что вокруг нас, совсем близко, находятся невидимые существа, вытеснило все другие помыслы из наших голов. Кто эти существа? Где они? Неужели эта бесплодная пустыня, попеременно замерзающая и выгорающая, — только скорлупа, только личина некоего подземного мира? И если это так, то какого мира, каких обитателей может он каждый миг извергнуть на нас?

Тут, пронизывая и разрывая тишину, внезапно и резко, словно неожиданный удар грома, послышался звон и лягз, как будто большие металлические ворота вдруг распахнулись настежь.

Мы замерли на месте. Разинув рты, мы беспомощно переглядывались. Затем Кавор подкрался ко мне.

— Я не понимаю, — прошептал он, близко придвинувшись к моему лицу. Он протянул руку к небу, — неясный намек на еще более неясные мысли.

— Надо найти убежище на случай, если...

Кивком головы я дал понять, что совершенно согласен с ним.

Мы двинулись вперед, ступая украдкой и стараясь как можно меньше шуметь. Мы пошли по направлению к густой заросли кустарников. Стук, напоминавший удары молотков по котлу, заставил нас ускорить шаги.

— Надо ползти, — прошептал Кавор.

Нижние листья колючих растений, затененные верхними, уже начали вянуть и свертываться. Поэтому мы могли прокладывать себе путь между быстро утолщавшимися стеблями без особого вреда для себя. На случайные уколы в лицо или в руки мы уже не обращали внимания. В самой глубине чащи я остановился и, отдуваясь, посмотрел в лицо Кавора.

— Под землю, — прошептал он. — Внизу.

— Они могут выйти наружу.

— Мы должны найти шар.

— Да, — сказал я. — Но как?

— Надо ползти, пока не доберемся до него.

— А если не доберемся?

— Надо прятаться. Надо поглядеть, что они собой представляют.

— Будем держаться вместе, — сказал я.

Он задумался.

— Но куда идти?

— Все равно. Надо попытаться счастья.

Мы внимательно посмотрели вправо и влево. Затем поползли сквозь чащу с величайшими предосторожностями, описывая, насколько я мог судить, кривую линию, останавливаясь перед каждым случайно шевельнувшимся грибом, при каждом звуке, думая только о своем шаре, который покинули с таким легкомыслием. Время от времени под землей слышались содрогания, удары, странные, необъяснимые металлические звуки; один раз, немного спустя, нам опять показалось, что мы различаем слабый лязг и шум возни, доносившийся к нам по воздуху. Но мы были слишком напуганы, мы не смели взобраться на какой-нибудь возвышенный пункт, чтобы осмотреть оттуда весь кратер. В течение долгого времени мы не замечали никаких признаков близости тех существ, которые напоминали о себе такими частыми, настойчиво повторявшимися звуками. Если бы не дурнота, вызванная голодом, и не сухость в горле, — это ползание на четвереньках было бы похоже на сон. Оно казалось совершенно нереальным. И только звуки, долетавшие до нас, имели характер самой несомненной действительности.

Вы только представьте себе наше положение. Вокруг нас непроходимая чаща, у нас над головами безмолвная колючая листва, под нашими руками и коленями тоже безмолвные, но будто живые, ярко окрашенные лишайники,

ходившие ходуном от силы своего роста, словно ковер, раздуваемый снизу ветром. То и дело пузырьчатые грибы, разбухшие на солнце, неясно обрисовывались над нами. То и дело нам преграждало путь какое-нибудь новое растение, отливавшее яркими красками. Клеточки, из которых состояли эти растения, были величиною с сустав большого пальца. Они напоминали бусы из цветного стекла. Все это озарялось ослепительным блистанием солнца и обрисовывалось на иссиня-черном небе, на котором, несмотря на солнечный свет, еще можно было различить редкие звезды. Здесь все было необычайно, вплоть до формы и строения камней. Все внешние впечатления были для нас новы, каждое движение кончалось каким-нибудь сюрпризом. Дыхание застревало в гортани, кровь колотилась в ушах: стук, стук, стук...

А тем временем снова и снова откуда-то доносились шум отдаленной суматохи, удары молотков, лязг и грохот машин и наконец послышалось мычание каких-то огромных животных.

XI

ЛУННЫЙ СКОТ

Так мы, бедные земные изгнанники, заблудившиеся в буйно разраставшихся лунных джунглях, ползли, жестоко напуганные звуками, доносившимися до нас. Помнится, мы ползли довольно долго, прежде чем увидели первого селенита или первую лунную корову, хотя уже давно слышали непрерывно приближавшееся к нам мычание и хрюканье. Мы ползли по каменистым балкам, по осыпанным снегом откосам, среди грибов, которые лопались, как пузыри от нашего прикосновения, извергая водянистую жидкость; ползли по настоящей мостовой из каких-то растений, напоминавших наши земные грибы-дождевики, ползли сквозь нескончаемые поросли кустарника. Все безнадежнее глаза наши отыскивали покинутый шар. Звуки, издаваемые лунными коровами, иногда напоминали громкое и протяжное мычание теленка, а иногда разрастались до удивленного и яростного рева, чтобы затем тотчас же превратиться в приглушенное чавканье, как будто эти невидимые для нас твари старались есть и реветь в одно и то же время.

*Рядом с лунными коровами селенит казался совсем крошкой.
(Стр. 79.)*

В первый раз мы увидели их мельком и здорово испугались, хотя и не успели рассмотреть их как следует. Каков в это время полз впереди и первый заметил их приближение. Он замер на месте и остановил меня молчаливым жестом.

Шумная поступь и треск ломающегося кустарника приближались как будто прямо к нам. И вдруг, в то время, как мы, сидя на корточках, старались определить направление этого шума, позади нас раздался страшный рев, такой близкий и неистовый, что вершины колючих кустарников наклонились, и мы почувствовали на себе чье-то жаркое и влажное дыхание. Тогда, обернувшись, мы смутно различили сквозь гущу раскачиваемых стеблей лоснящиеся бока лунной коровы и длинную линию ее спины, обрисовавшуюся на фоне неба.

Конечно, мне теперь трудно сказать, что именно разглядел я в тот раз, ибо я после того видел лунных коров неоднократно, и первое впечатление несомненно изгладилось. Но прежде всего я был поражен огромными размерами животного. Тело его имело в обхвате футов двадцать, а в длину не меньше двухсот. Бока его поднимались и опускались от затрудненного дыхания. Я заметил, что гигантская дрибляя туша почти касалась почвы, и что кожа была морщинистая, беловатая, с черной полосой вдоль спинного хребта. Ног я не видел. Мне помнится также, что мы разглядели в тот раз — по крайней мере в профиль — почти безмозглую голову на густо обросшей жиром шее, слюнявый всеядный рот, маленькие ноздри и плотно зажмуренные глаза (потому что лунная корова всегда жмурит глаза на солнечном свете). Мы мельком увидели огромную красную яму, когда животное раскрыло рот, чтобы снова замыкать. Из ямы на нас пахнуло дыхание. Потом чудовище накренилось, словно корабль, который волокут по отмели, подобрало все складки своей кожи, еще раз перевернулось и проползло мимо нас, проложив тропу среди кустарников. Вскоре густая, перепутавшаяся заросль совершенно закрыла его. Другое животное показалось немного дальше, за ним третье, и, наконец, в близости пастуха, гнавшего на пастбище эти живые мешки для фуража, глазам нашим предстал селенит¹. Увидя его, я су-

¹ Луна по-латыни — *selema*; отсюда селенит — житель Луны. (Прим. ред.)

дорожно вцепился в ногу Кавора, мы замерли на месте и не смели пошевелиться долгое время после того как он исчез из вида.

Рядом с лунными коровами селенит казался совсем крошкой, простым муравьем, ростом не более пяти футов. Он был одет в платье из какого-то вещества, напоминавшего кожу, так что нельзя было рассмотреть по-настоящему ни одной из частей его тела, но мы тогда, конечно, не догадывались об этом. Поэтому он показался нам плотным колючим созданием, чем-то вроде сложного насекомого, с похожими на хлысты щупальцами и с дребезжащей металлической рукой, прикрепленной к лоснящемуся цилиндрическому телу. Голова его была скрыта под огромным шлемом, снабженным многочисленными остриями. Впоследствии мы узнали, что этими остриями селениты подгоняют непослушных коров. Кроме того у него были окуляры из темного стекла, глядевшие в разные стороны, что сообщало несколько птичий облик металлическому аппарату, прикрывавшему его лицо. Руки его не высовывались наружу из ящика, облекавшего его тело, и он выступал на коротких ногах, которые, хотя и были завернуты во что-то теплое, показались чрезвычайно тощими нашим земным глазам. У этих ног были очень короткие бедра, очень длинные голени и маленькие ступни.

Несмотря на такое, видимо очень тяжелое, одеяние, селенит подвигался вперед довольно крупными, с нашей земной точки зрения, шагами, и его дребезжащая рука работала непрерывно. Когда он проходил мимо нас, его движения выражали поспешность и гнев. И вскоре после того, как он исчез в чаще, мы услышали мычание лунной коровы, внезапно превратившееся в короткий резкий визг. Мычание, удаляясь, постепенно становилось тише и затем вдруг смолкло. Вероятно, это означало, что животные достигли пастбища.

Мы прислушивались. Некоторое время в лунном мире господствовала полная тишина. И все-таки далеко не сразу мы решились ползти дальше на поиски затерявшегося шара.

Когда мы снова увидели лунных коров, они паслись на небольшом расстоянии от нас в местности, усыпанной обломками скал. Наклонные поверхности этих скал густо поросли какими-то пятнистыми зелеными растениями, имевшими вид плотных мясистых пучков. Их-то и поедали жи-

Вотные. Завидев стадо, мы остановились на опушке чащи, по которой ползли, и стали рассматривать невиданную скотину, осторожно оглядываясь в то же время по сторонам в надежде еще раз увидеть селенита. Лунные коровы лежали на пастбище, как громадные слизняки, как большие жирные глыбы, и ели прожорливо и шумно, с какой-то всхлипывающей алчностью. Неуклюжие и неповоротливые, они, казалось, состояли из одного только сала. По сравнению с ними тучный смитфильдский вол мог бы показаться образцом проворства. Их искривленные, непрерывно жующие рты и зажмуренные глаза и их смачное причмокивание говорили о полнейшем физическом блаженстве, которое возбуждающим образом действовало на наши пустые желудки.

— Свиньи, — пробормотал Кавор с необычным для него возбуждением, — отвратительные свиньи!

И, бросив на них взгляд, полный сердитой зависти, он пополз вправо через кусты. Я оставался на месте, пока не убедился, что пятнистые растения совсем не годятся в пищу человеку; после этого пополз следом за моим товарищем, пережевывая сорванный стебель.

Вскоре нас опять заставило остановиться появление селенита, и на этот раз мы могли рассмотреть его более подробно. Мы увидели, что его оболочка была действительно одеждой, а не ракообразной скорлупой. По своему облачению он был во всем подобен первому селениту, встреченному нами, если не считать того, что клочки чего-то, похожего на вату, торчали из его шеи. Он стоял на высоком утесе и вертел головой вправо и влево, как бы обзоревая кратер. Мы лежали совсем тихо, опасаясь привлечь его внимание, и он через некоторое время повернулся и исчез.

Мы наткнулись на другое стадо лунных коров, мычавших в овраге, и затем миновали какое-то место, где раздавались звуки, напоминавшие стук работающих машин, как будто под нами, недалеко от поверхности, находилась огромная фабрика. И еще прежде, чем эти звуки успели смолкнуть в отдалении, мы очутились у окраины обширного открытого пространства, имевшего метров двести в поперечнике, и совершенно ровного. Не считая ползучих лишайников, кое-где выступавших по краям, все это пространство было пусто и посыпано желтой пылью. Сначала мы побаивались двинуться через эту площадку, но так как

ползти здесь было гораздо легче, чем по зарослям, мы разобрались и начали осторожно пробираться вдоль ее края.

Немного спустя шум, доносившийся снизу, прекратился, и некоторое время все было тихо, если не считать шороха быстро развивавшихся растений. Затем вдруг поднялся грохот, гораздо более неистовый и близкий, чем все, слышанное нами до сих пор. Вне всякого сомнения этот грохот доносился снизу. Мы инстинктивно бросились ничком, готовясь к прыжку в чащу, находившуюся рядом с нами. Нам представлялось, что каждый удар отдается в наших телах. Громыканье и стук становились все громче и громче, прерывистое дрожание усилилось, пока, наконец, нам не стало мерещиться, что дрожит и пульсирует весь лунный мир.

— Прячьтесь, — шепнул Кавор, и я повернул к кустам.

В этот миг грянул удар, похожий на выстрел из пушки, и затем случилось то, что доныне преследует меня во сне, как кошмар. Я приподнял голову, чтобы посмотреть в лицо Кавору, а руку протянул вперед. Но рука ничего не встретила на своем пути. Она внезапно погрузилась в бездонную дыру.

Грудью я ударился обо что-то твердое и увидел, что лежу, касаясь подбородком самого края неизмеримой бездны, которая внезапно разверзлась передо мною, а руки мои болтаются в пустоте. Все это плоское круглое пространство оказалось не чем иным, как гигантской крышкой, которая теперь скользила в сторону, уходя в специально предназначенную для нее выемку и открывая жерло шахты.

Если бы не Кавор, то я, вероятно, так бы и остался висеть над пропастью, пока удар о стенку выемки не столкнул бы меня вниз. Но Кавор не испытал душевного потрясения, парализовавшего мои силы. Он находился несколько позади меня, когда впервые двинулась крышка, и, заметив мою растерянность, схватил меня за ноги и оттащил прочь. Я приподнялся, отполз на четвереньках подалеже от провала, потом вскочил и побежал следом за Кавором по грохотававшему и подгибавшемуся металлическому листу. Очевидно, крышка отодвигалась со все возрастающей быстротой, и кусты за ее пределами, бывшие прямо против меня, перемещались в сторону, в то время как я бежал.

Еще немного, и было бы слишком поздно. Спина Кавора исчезла в колючих зарослях, и, пока я карабкался

Вслед за ним, чудовищный люк окончательно задвинулся с громким звоном. Мы долго лежали, пытая и отдуваясь и не смея приблизиться к шахте.

Наконец, с величайшими предосторожностями и понемножку, мы заняли положение, позволявшее нам заглянуть вниз. Кусты вокруг нас трещали и раскачивались от движения воздуха, врывавшегося в шахту. Сперва мы ничего не могли рассмотреть, кроме гладких вертикальных стен, сливавшихся с темнотой. И затем постепенно мы различили множество маленьких и слабых световых точек, передвигавшихся взад и вперед.

На некоторое время эта громадная таинственная бездна заставила нас позабыть все на свете, даже наш шар. Когда мы несколько освоились с темнотой, нам удалось рассмотреть крохотные призрачные фигурки, двигавшиеся между этими светящимися булавочными головками. Мы глядели вниз, изумленные, не веря собственным глазам, сбитые с толку до такой степени, что почти потеряли дар слова. У нас не было никакого ключа для решения этой загадки.

— Что это значит? — спрашивал я. — Что это может значить?

— Инженерные работы. Должно быть, эти существа проводят ночи в пещерах и выходят наружу только днем.

— Кавор, — спросил я, — неужели возможно, что там живут какие-то существа... похожие на людей?

— Те, которых мы видели, — не люди.

— Нам надо остерегаться.

— Ничего нельзя предпринять, пока мы не отыщем шар.

— Мы ничего не можем предпринять, пока не отыщем шар.

С громким стоном Кавор согласился со мной и стал на четвереньки, чтобы продолжать путь. Он осмотрелся, вздохнул и указал направление. Мы стали пробираться сквозь чащу. Некоторое время мы ползли вперед очень решительно, потом ослабели.

Вдруг среди пурпуровых зарослей над нами послышался шум шагов и крики. Мы легли ничком, и некоторое время звуки раздавались где-то совсем близко от нас. Но на этот раз мы ничего не видели. Я хотел шепнуть Кавору, что не в силах двигаться дальше без всякой пищи, но рот мой слишком пересох, шептать было невозможно.

— Кавор, — сказал я громко, — я должен что-нибудь съесть.

Он обратил ко мне свое лицо, изображавшее глубокую тревогу.

— На этот раз вам придется воздержаться, — сказал он.

— Но я должен, — настаивал я. — И пить! Взгляните-ка на мои губы.

— Ничего не поделаешь! Мне тоже хочется пить.

— Если б здесь осталось хоть немного снега.

— Он весь растаял. Мы перемещаемся из полярной области в тропики со скоростью одного градуса в минуту.

Я начал грызть свою руку.

— Шар! — сказал я. — Нам нужен только шар!

Мы возобновили поиски. Но мои мысли были заняты исключительно едой и прохладительными напитками. Особенно хотелось пива. Как навязчивая идея меня преследовало воспоминание о бочонке, оставленном в погребе в Лимне. Мечтал я также о примыкающей к погребу кладовой, в частности о паштете из мяса и почек — нежное мясо, множество почек, а между ними густая, жирная подливка. Приступы голодной зевоты то и дело одолевали меня. Наконец мы добрались до ровного места, сплошь поросшего красными мясистыми растениями красивого кораллового цвета. Когда мы дотрагивались до них, они щелкали и лопались. Я внимательно осмотрел поверхность излома. Эта проклятая штука несомненно имела съедобный вид. Мне даже показалось, что она довольно хорошо пахнет.

Я отколул кусочек и понюхал.

— Кавор! — сказал я хриплым шопотом.

Он поглядел на меня и сморщился.

— Не надо, — сказал он. Я положил сломанный кусок, и некоторое время мы ползли вдоль этих соблазнительных мясистых порослей.

— Кавор, — спросил я, — почему не надо?

— Яд, — ответил он, не оборачиваясь.

Мы проползли еще некоторое расстояние, прежде чем я окончательно решился.

— Попытаю счастья, — сказал я.

Он сделал запоздалое движение рукой, чтобы помешать мне. Я набил рот доотказа. Кавор присел на корточки, наблюдая за мною с каким-то странным выражением лица.

— Хорошо! — сказал я.

— О господи! — воскликнул он.

Он смотрел, как я жую. На лице его отражалась борьба между желанием и страхом. Наконец он поддался соблазну и тоже начал откусывать огромные куски. Некоторое время мы жадно ели.

По вкусу это растение слегка напоминало земные грибы, но было более рыхло и при проглатывании слегка обжигало горло. Сначала мы испытывали чисто физическое наслаждение от самого процесса еды. Потом кровь наша стала разогреваться, мы почувствовали покалывание в губах и кончиках пальцев, и новые, довольно несурзные мысли зародились в наших умах.

— Хорошо! — сказал я. — Чертовски хорошо! Какая находка для наших безработных, для наших бедных голодных безработных.

И я отломил себе новую порцию.

Необычайно отрадно было думать, что на Луне имеется такая хорошая пища. Голодная тоска уступила место беспричинной веселости. Страх и отчаяние, терзавшие меня, совершенно рассеялись. Я уже больше не считал Луну планетой, с которой надо бежать как можно скорее. Нет, она казалась мне убежищем для обездоленной части человеческого рода. Отведав этих грибов, я тотчас же позабыл селенитов, лунных коров, крышку и подземные шумы.

Когда я в третий раз повторил мою фразу о «находке для безработных», Кавор стал одобрительно поддакивать. Я чувствовал, что у меня шумит в голове, но приписал это действию пищи после долгого поста.

— Пр'входное 'ткрытие, Кавор, — сказал я. — П'хоже на к'ртофель.

— Что? — спросил Кавор, — 'ткрытие Луны только кт'офель?

Я взглянул на него, пораженный его, охрипшим голосом и неотчетливым произношением. Мне вдруг пришло в голову, что мы, быть может, отравились этими грибами. Я вообразил также, сам не знаю почему, будто Кавор приписывает себе открытие Луны. Но, ведь, он вовсе не открыл ее! Он только первый до нее добрался. Я взял его за руку и попробовал растолковать ему это, но мои рассуждения были слишком сложны для его отяжелевшего мозга. Вдобавок, мне вдруг стало необычайно трудно излагать мои мысли. Кавор тщетно силился меня понять. Помню, я тогда подумал, что под влиянием гри-

бов и у меня, должно быть, сделались такие же рыбы глаза, как у него. Но он скоро перестал меня слушать и сам пустился в разглагольствования.

— Мы, — объявил он с торжественной икотой, — только продукты пищи и питья.

Он повторил это еще раз, и так как я вдруг почувствовал охоту к философским рассуждениям, то и решил его опровергнуть. Возможно, что при этом я несколько запутался. Но Кавор, несомненно, очень плохо меня слушал. Он с трудом поднялся на ноги, опираясь на мою голову, что было довольно невежливо. Он стоял теперь, поглядывая по сторонам и очевидно не испытывая больше никакого страха перед обитателями Луны.

Я попробовал указать ему, что это опасно, хотя сам уже лишь очень смутно понимал, в чем заключается опасность, но слово «опасно» как-то перемешалось у меня со словом «нескромно», и я промолвил что-то, прозвучавшее как «укромно» или «огромно». После безуспешной попытки как-нибудь разъединить эти слова, я продолжал мои философские рассуждения, обращаясь главным образом к незнакомым, но внимательным коралловым побегам, окружавшим меня. Я чувствовал, что надо как-то выяснить эту путаницу между Луной и картофелем. Я пустился в длиннейшие рассуждения, доказывая, что прежде всего необходима величайшая точность терминологии. Я тщетно старался не замечать того обстоятельства, что мои телесные ощущения были уже далеко не так приятны, как прежде.

Я теперь сам не помню, в силу какого сцепления идей я опять начал рассуждать о проектах колонизации.

— Мы должны завоевать Луну, — сказал я. — Никаких поблажек! Это удел белого человека, Кавор. Мы — ик! — сатапы... Я хочу сказать, сатрапы, империя, какая не снилась и Цезарю. Все будет в газетах. Кавордеция, Бедфордеция — ик! — с ограниченной ответственностью.¹ Я хочу сказать — с неограниченной! Этак будет практичнее.

Вне всякого сомнения я был пьян.

Теперь я повел речь о том, какими великими благоденствиями для Луны чревато наше прибытие. Для начала я поставил себе довольно трудную задачу доказать, что

¹ В Англии и Америке акционерные общества официально именуются компаниями с ограниченной ответственностью». (Прим. ред.)

прибытие Колумба было, вообще говоря, благотельно для Америки. Я, однако, запутался в собственных доводах и повторял:

— Подобно К'лумбу!

Начиная с этого момента, мои воспоминания окончательно спутываются. Помню, как оба мы заявили, что не желаем больше церемониться с проклятыми насекомыми и что неприлично людям трусливо прятаться на каком-то там спутнике Земли. Помню также, что мы вооружились огромными охалками грибов, вероятно собираясь использовать их в качестве метательных снарядов, и, не обращая внимания на колючки, вышли из чащи.

Почти тотчас же мы наткнулись на селенитов. Их было шестеро. Они шли среди скал, переговариваясь причудливыми чирикающими и хныкающими звуками. Все они, очевидно, заметили нас одновременно. Они мгновенно смолкли и остановились, как животные, обратив к нам свои лица.

На одну секунду я совсем отрезвел.

— Гниды, — пробормотал Кавор. — Гниды! И они воображают, что я буду пресмыкаться перед ними на брюхе, на моем позвоночном брюхе. На брюхе! — повторил он медленно, как бы стараясь обуздать свое негодование.

Потом вдруг, с яростным воплем, он сделал три больших шага и прыгнул прямо на селенитов. Прыгнул плохо. Он несколько раз перевернулся в воздухе, пролетел над своими врагами и с громким плеском исчез среди пузырчатых кактусов.

Что подумали селениты об этом изумительном и по-моему весьма неприличном вторжении обитателей другой планеты, я сказать не могу. Кажется, я видел их спины в то время, как они разбегались в разные стороны, но наверное ничего не помню. Все, случившееся в последние минуты перед тем, как я окончательно потерял сознание, рисуется в уме моем смутно и слабо. Знаю, что я шагнул вперед с целью последовать за Кавором, но споткнулся и упал головой вперед среди скал. Мне вдруг стало ужасно худо. Помню также яростную борьбу и сжатие металлических клещей.

Мое следующее отчетливое воспоминание относится к тому времени, когда мы были уже пленниками в неве-

домых глубинах под поверхностью Луны. Мы лежали в темноте, и вокруг нас раздавались какие-то странные назойливые звуки. Тела наши были покрыты царапинами и ушибами, и головы болели нестерпимо.

XII

ЛИЦО СЕЛЕНИТА

Я почувствовал, что сижу на корточках в грохочущей темноте. Долгое время я не мог понять, где нахожусь и каким образом попал в эту передрагу. Я вспомнил шкаф, в который меня иногда запирали, когда я был ребенком; затем вспомнил темную и очень шумную спальню, где лежал когда-то, будучи болен. Но звуки, раздававшиеся теперь вокруг меня, не были похожи ни на один из знакомых мне шумов, и в воздухе чувствовался слабый запах конюшни. Тогда я вообразил, что мы все еще продолжаем работать над постройкой шара, и что я спустился в погреб, находившийся под домом Кавора... Потом я припомнил, что мы уже закончили шар, и мне померещилось, что я все еще нахожусь в нем и лечу по мировому пространству.

— Кавор, — сказал я, — нельзя ли зажечь здесь свет? Он не отозвался.

— Кавор! — повторил я.

В ответ послышался стон.

— Голова! Ох, как болит голова!

Я попробовал приложить руки ко лбу, в котором тоже чувствовал боль, и заметил, что они связаны. Это сильно поразило меня. Я поднес их к губам и ощутил холодную гладкость металла. Я попытался раздвинуть ноги и увидел, что они тоже скованы, и что кроме того я прикован к полу более толстой цепью, обвивавшей мою поясницу.

Это испугало меня гораздо больше, чем все испытанное с самого начала наших необычайных походов. Некоторое время я молча старался вырваться из своих уз.

— Кавор, — наконец закричал я пронзительным голосом, — почему я связан? Зачем вы сковали мне руки и ноги?

— Я вас не сковывал, — ответил он. — Это сделали селениты.

Селениты! В течение нескольких минут мой ум беспомощно цеплялся за это слово, потом я припомнил все: снежную пустыню, оттаивание воздуха, появление растений, наши дикие прыжки и карабкание среди скал и зарослей, покрывавших дно кратера. Весь ужас лихорадочных поисков опять ожил в моей душе... И наконец я вспомнил огромную крышку, отодвинувшуюся над жерлом шахты.

В то время как я пытался восстановить в памяти самые последние события, предшествовавшие нашему плену, боль в голове сделалась нестерпимой. Я наткнулся на непреступную преграду, на пустоту, которую никак не удалось заполнить.

— Кавор!

— Что?

— Где мы?

— Почему я знаю!

— Быть может, мы умерли?

— Вот глупости!

— Значит, они поймали нас?

Он ответил невнятным хрюканьем. Очевидно, под еще непрекратившимся действием грибного яда он стал необычайно раздражительным.

— Что же вы намерены делать?

— Откуда мне знать, что делать?

— Ах, вот как! — сказал я и смолк.

Теперь я окончательно вышел из оцепенения.

— О господи, — сказал я, — пожалуйста, перестаньте жужжать.

Мы опять замолчали, прислушиваясь к несмолкаемой путанице звуков, которая напоминала заглушенный стенами шум улицы или фабрики. Я ничего не мог понять. Мой слух улавливал то один ритм, то другой, и я тщетно старался разгадать их значение. Но спустя долгое время я различил новый, гораздо более определенный звук, не смешивавшийся с остальными и как бы выделявшийся на общем смутном звуковом фоне. То был последовательный ряд не очень громких, но отчетливых постукиваний и шорохов, напоминавших удары ветвей плюща по оконному стеклу или порханье птицы в клетке. Мы прислушивались и всматривались, но тьма окружала нас со всех сторон, как бархатный занавес. Затем последовал звук, похожий на щелканье хорошо смазанного замка. И вот

Странный конический силуэт обрисовался на сапфировом фоне (стр. 90).

передо мною из бездонной черноты возникла тонкая светлая линия.

— Глядите, — шепнул Кавор чуть слышно.

— Что это такое?

— Не знаю.

Мы смотрели во все глаза.

Тонкая светлая линия превратилась в ленту, более широкую и более бледную. Теперь она казалась лучом голубоватого света, падающего на белую стену. Ее края перестали быть параллельными. С одной стороны появилась глубокая зубчатая выемка. Я хотел сказать об этом Кавору и с удивлением вдруг заметил, что его ухо ярко освещено, тогда как все остальное тело продолжает оставаться во тьме. Я повернул голову, насколько позволяли оковы.

— Кавор, — сказал я. — Это позади нас.

Ухо исчезло, — уступило место глазу.

Вдруг щель, пропускавшая свет, расширилась и превратилась в отворенную дверь. Позади ее открылось пронизанное голубоватым мерцанием пустое пространство, и странный комический силуэт обрисовался на сапфировом фоне.

Мы оба делали судорожные усилия, чтобы обернуться, но это нам не удалось, и мы были вынуждены смотреть через плечо. При первом взгляде мне показалось, что на пороге стоит какое-то неуклюжее четвероногое с низко опущенной головой. Потом я различил тупеющее тело и коротенькие, тощие ножки селенита, глубоко втянувшего голову в плечи. Он был без шлема и внешней оболочки, которую эти существа носят на поверхности Луны.

Он предстал нам в виде неопределенной черной фигурки, но наше воображение инстинктивно дополнило его облик чисто человеческими чертами. По крайней мере мне на одну секунду представилось, что это горбун с высоким лбом и продолговатой физиономией.

Он сделал три шага и снова остановился. Движения его были совершенно бесшумны. Затем он опять пошел вперед. Он ступал как птица, ставя одну ногу прямо перед другой. Он удалился в сторону от светового луча, падавшего сквозь дверь, и совершенно исчез в темноте.

Одну секунду мои глаза искали его совсем не там, где он действительно находился, и потом я заметил, что он стоит, — ярко освещенный, — прямо против нас. Но только

тех человеческих черт, которые я приписал ему, у него не было вовсе!

Конечно, мне следовало бы ожидать этого, но только я не ожидал. Его внешний вид совершенно ошеломил меня. Казалось, у него было не лицо, а уродливая страшная маска, которая должна была немедленно исчезнуть или получить какое-нибудь объяснение. Нос совсем отсутствовал, а тусклые навывкате глаза сидели по бокам, так что я в первую минуту предположил, что это уши. Но, как оказалось, ушей тоже не было... Впоследствии я пробовал нарисовать одну из этих голов и не мог... Рот, изогнутый книзу, напоминал рот человека, искаженный злобной гримасой; шея, поддерживавшая голову, разделялась на три сочленения, как ножка краба. Других сочленений я не мог рассмотреть, потому что они были скрыты обмотками, составлявшими единственную одежду этого создания.

И эта тварь теперь разглядывала нас.

Некоторое время мой ум бессильно боролся с сумасшедшей нелепостью представшего предо мной видения. Я полагаю, что селенит тоже был удивлен, и, быть может, с гораздо большим основанием, чем мы. Но только — чорт его побери — он ничем не выказывал этого! Мы по крайней мере знали, чем объясняется наша встреча с этими несуразными созданиями. Но вы представьте себе, что должен был почувствовать, например, благовоспитанный лондонский обыватель, натолкнувшись на парочку живых существ, ростом с человека, совершенно непохожих на других земных животных и резвящихся на лужайках Гайд-Парка. Вы только постарайтесь вообразить нашу внешность! Мы были скованы по рукам и ногам, измучены и грязны. Бороды у нас отросли дюйма на два, лица были испараланы и окровавлены. Кавора вы должны представить себе в коротких штанишках, во многих местах разорванных колючками, в егеровской фуфайке и в старой крикетной шалочке, из-под которой взъерошенные волосы торчали по всем румбам компаса. При голубоватом свете лицо его казалось не красным, а очень темным, его губы, а также кровь, запекшаяся на моих руках, были совсем черные. Я, кажется, выглядел еще хуже, чем он, потому что с головы до ног был покрыт желтой пылью гриба, на который свалился. Куртки наши были расстегнуты, а башмаки сняты и лежали возле наших ног. И мы сидели, повернувшись спиной к причудливому голубоватому свету и

глядя на чудовище, которое могла породить только фантазия какого-нибудь Дюрера.¹

Кавор первый нарушил молчание. Он заговорил, внезапно охрип и начал откашливаться. Снаружи донесся неистовый рев, как будто лунная корова завывала от боли; все это закончилось пронзительным воплем, после чего вновь наступила тишина.

Тут селенит повернулся и опять исчез во тьме, постоял с минуту у двери и, наконец, затворил ее. И мы снова остались в этом таинственном бормочущем мраке, в котором недавно пробудились.

XIII

М-Р КАВОР СТРОИТ ГИПОТЕЗЫ

Несколько минут мы оба молчали. Наши умственные силы были явно недостаточны, чтобы до конца понять все случившееся с нами.

— Они поймали нас, — сказал я наконец.

— А всему причиной ваши грибы!

— Но, ведь, без них мы бы ослабели и умерли с голода.

— Мы могли найти шар.

Его упрямство заставило меня потерять терпение, и я выругался сквозь зубы. Некоторое время мы кипели молчаливой яростью друг против друга. Я барабанил пальцами по полу и перебирал звенья оков. Наконец не выдержал и заговорил снова.

— Что же вы все-таки думаете обо всем этом? — спросил я смиренно.

— Они разумные существа; они выделяют различные орудия и работают... Огоньки, которые мы видели...

Он запнулся. Ясно было, что из всего сказанного нельзя сделать никаких выводов.

— В конце концов они гораздо человечнее, чем мы имели право ожидать. Я полагаю...

Он опять замаялся. Это раздражало меня ужасно.

¹ Альбрехт Дюрер — знаменитый немецкий живописец и гравер (1471—1528). Уэллс имеет здесь в виду его рисунки фантастического характера «Меланхолия», «Рыцарь и смерть» и др. (*Прим. ред.*)

— Ну?!

— Я полагаю, что на каждой планете, где встречаются разумные животные, они имеют руки и череп, прикрепленный к верхней половине тела, и ходят выпрямившись...

Тут его мысли приняли другое направление.

— Мы здорово удалились от поверхности, — сказал он. — Тысячи на две футов или даже больше.

— Почему вы так думаете?

— Здесь гораздо прохладнее. И голоса наши звучат громче. Чувство слабости совсем исчезло. Шум в ушах и жжение в горле — тоже.

До сих пор я этого не замечал, но теперь заметил.

— Воздух сгустился. Мы спустились километра на полтора. Мы внутри Луны.

— Мы никогда не предполагали, что целый мир находится внутри Луны.

— Нет.

— Да и как могли мы догадаться...

— Нет, могли. Но... так легко свыкаешься с ложными мнениями.

Он задумался.

— Теперь, — сказал он, — это кажется совершенно очевидным... На Луне несметное множество пещер, она обладает внутренней атмосферой, и в самом центре пещер должно находиться море. Известно, что Луна имеет меньший удельный вес, чем Земля; известно, что на лунной поверхности мало воздуха и воды; известно также, что Луна — планета, родственная Земле, и не может отличаться от нее по своему составу. Итак, ясно, как день, что Луна должна быть полой внутри. Однако никто не подозревал до сих пор этого обстоятельства. Правда, Кеплер...

Голос его оживился, как у человека, натолкнувшегося на интересную цепь выводов.

— Да, Кеплер в своей фантастической повести,¹ в конце концов, сказал правду

— Как жаль, что вы не потрудились выяснить все это, прежде чем мы прилетели сюда, — огрызнулся я.

¹ Кеплер — гениальный германский астроном XVII века, открывший законы движения планет, оставил нам, между прочим, описание физических условий, господствующих на Луне. Жителей той половины Луны, которая всегда обращена к Земле, и, следовательно, на вес которой Земля неизменно висит в одной точке, вращаясь лишь вокруг

Он ничего не ответил и лишь начал тихонько жужжать, что всегда свидетельствовало у него о напряженной работе мысли.

Я почувствовал, что терпение мне изменяет.

— Как вы думаете, что случилось с нашим шаром?

— Затерялся, — проговорил он таким тоном, как будто это был совершенно неинтересный вопрос.

— Затерялся среди растений?

— Если только селениты не нашли его...

— И тогда?

— Почему я знаю!

— Кавор, — начал я с истерической раздражительностью, — перед задуманной мною акционерной компанией открываются самые блестящие перспективы...

Он опять ничего не ответил.

— Господи! — воскликнул я. — Подумать только, как мы усердно трудились и хлопотали, чтоб угодить в этот капкан. Чего ради мы сюда явились? Что нам нужно? Что такое Луна для нас или мы для Луны? Мы захотели слишком многого. Мы слишком сильно рисковали. Следовало начать с чего-нибудь поменьше. Это вы предложили лететь на Луну. Дались вам каворитовые свертывающиеся шторы! Я убежден, что можно было использовать их для земных целей... Совершенно убежден! Разве вы обдумали как следует то, что я вам предлагал? Стальной цилиндр...

— Чепуха! — сказал Кавор.

Мы прекратили нашу беседу.

Некоторое время Кавор продолжал несвязный монолог без всякого участия с моей стороны.

— Если селениты нашли шар, — начал он, — если они найдут его... Что они с ним сделают? Вот вопрос! Вот, быть может, самый важный вопрос. Конечно, они не поймут, что это за штука. Если бы они знали толк в таких вещах, они уже давно прилетели бы на Землю. Во всяком случае они прислали бы нам что-нибудь. Такую возможность они уж, наверное бы, использовали. Нет! Но теперь

своей осц, Кеплер называл «sub-volant», т. е. живущие под Вольвой (volva от volvere, вращаться — название, которое будто бы присвоено Земле лунными жителями). Эти sub-volant, по мнению Кеплера, спасаются от дневного зноя и ночного холода в глубоких пещерах, где проводят большую часть времени; лишь под вечер выходят они из подземелий на поверхность Луны. (Прим. ред.)

они пожелают обследовать шар. Совершенно очевидно, что они умны и любознательны. Они станут рассматривать шар, заберутся внутрь, начнут играть кнопками. И тогда — трах!.. Это будет значить, что нам суждено окончить нашу жизнь на Луне... Странные существа, необычайный предмет для изучения.

— Что касается необычайных предметов изучения... — начал я, но от злости язык изменил мне.

— Послушайте, Бедфорд, — сказал Кавор, — вы отправились в экспедицию по доброй воле.

— Вы говорили мне: считайте это путешествием в неисследованную страну.

— При таких путешествиях риск неизбежен.

— Особенно, если вы отправляетесь в дорогу без оружия и не обдумав предварительно всех возможностей.

— Я был исключительно занят постройкой шара. Мы слишком увлеклись. Все это свалилось на нас совсем незаметно.

— Свалилось на меня, следовало бы сказать.

— И на меня тоже. Мог ли я думать, начав заниматься молекулярной физикой, что это приведет меня именно сюда... а не в какое-нибудь другое место.

— Во всем виновата ваша проклятая паука! — крикнул я. — Это настоящий дьявол. Средневековые инквизиторы и попы были правы, а люди нашего времени заблуждаются. Вы начинаете с мелочей, и вдруг наука сулит вам богатейшие дары. Но лишь только вы соглашаетесь приять эти дары, наука разрывает вас в клочья каким-нибудь совершенно непредвиденным способом. Людские страсти ничуть не меняются; а оружие становится все более смертоносным... Сегодня наука опрокидывает вверх дном вашу религию, завтра — все ваши понятия об обществе, повергает вас в отчаяние и в нищету.

— Бесполезно ссориться со мной именно теперь. Эти существа, селениты, — называйте их как хотите, — изловили нас и сковали по рукам и по ногам. Угодно вам запастись терпением или нет, все равно надо идти до конца... Предстоят испытания, во время которых нам потребуются все наше хладнокровие.

Он смолк, как бы ожидая, что я соглашусь с ним. Но я продолжал капризничать.

— К чорту вашу науку! — пробормотал я.

— Теперь встает вопрос, каким способом можем мы объяснить с селенитами. Боюсь, что жесты у них и у нас совершенно различны. Из всех живых существ только люди и обезьяны указывают...

Мне было ясно, что он говорит вздор.

— Почти все животные, — крикнул я, — указывают глазами или носом!

Кавор задумался.

— Да, — сказал он наконец. — А мы так не делаем. Такая разница во всем... Такая огромная разница... Пожалуй, можно попробовать... Но разве я знаю... Существует речь... Селениты издают звуки, нечто вроде по-свистывания или чирикания. Не думаю, чтобы нам удалось подражать им. Да и соответствуют ли у них эти звуки разговору? Быть может, их органы чувств совсем не похожи на наши, и они сообщают друг другу свои мысли иначе, чем мы. Конечно, у нас есть разум и у них есть разум. Должно найтись что-нибудь общее. Кто знает, как далеко можем мы зайти по дороге взаимного понимания.

— Ну нет, это нам не по плечу, — сказал я. — Они отличаются от нас больше, чем самые дикие земные животные. Они созданы совсем из другого теста. Не стоит и толковать об этом.

— Я не согласен с вами. Там, где имеются умственные способности, они должны иметь нечто схожее, если даже развились на различных пластах. Конечно, если бы все сводилось к одному инстинкту, если бы мы или они были только животными...

— А разве они не животные? Они больше похожи на муравьев, ставших на задние лапки, чем на людей. А кому удалось объясниться с муравьями?

— Вспомните, однако, их машины и одежды. Нет, я не согласен с вами, Бедфорд, разница велика.

— Она непреодолима!

— Сходство должно перекинуть через все мост. Помню, я когда-то читал статью профессора Гальтона¹ о возможности сообщения между планетами. К несчастью, и в то время не предвидел, что этот вопрос когда-нибудь может приобрести для меня чисто практическое значение,

¹ Френсис Гальтон — выдающийся английский антрополог, умерший в 1911 г. (*Прим. ред.*)

и потому, боюсь, не отнесся к нему с должным вниманием. Однако погодите, дайте вспомнить...

«Идея Гальтона заключалась в том, что следует начинать с простейших истин, которые должны входить в состав всякого мышления. Таковы, прежде всего, великие принципы геометрии. Гальтон предлагал взять какую-либо из главных теорем Эвклида и дать понять посредством чертежа, что она нам известна. Например, доказать, что углы у основания равнобедренного треугольника равны, что если мы начертим равные стороны, то углы будут одинаковы. Или, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Обнаружив наше знакомство с вещами такого рода, мы тем самым покажем, что одарены логически мыслящим разумом... Теперь, предположим, что я начерчу геометрическую фигуру мокрым пальцем или просто изображу ее в воздухе...»

Он умолк. Я сидел, обдумывая его слова. На одну минуту его безумная надежда вступить в сношения с этими страшными существами сообщила мне. Потом гневное отчаяние — результат усталости и физических лишений — опять взяло верх. С необычайной живостью я вновь осознал непростительное безумие всех поступков, совершённых мною в жизни.

— Осел, — повторял я, — безнадежный осел! Как видно, я только для того и живу, чтобы садиться в калошу на каждом шагу. Зачем мы бросили шар... Чтобы прыгать по лунному кратеру в поисках за патентами и концессиями... Если бы у нас по крайней мере хватило здравого смысла повесить носовой платок на палке, чтоб мы знали, куда вернуться.

Я смолк, задыхаясь от ярости.

— Совершенно очевидно, — рассуждал сам с собою Кавор, — что селениты вполне разумные существа. Далее можно допустить целый ряд гипотез. Так как они не умертвили нас сразу, им вероятно доступна идея милосердия... Или во всяком случае идея самообуздания и, кто знает, быть может, они даже собираются вступить в общение с нами... Они могут пойти нам навстречу... А это помещение и его стражи, — все, что мы видели до сих пор лишь мельком. А эти кандалы! Все свидетельствует о высоком умственном развитии.

— Боже мой! — кричал я. — Почему я не обдумал всего как следует. Промах за промахом. Сперва одно су-

масбродство, потом другое. А все потому, что я верил вам. Как жаль, что я не продолжал работать над моей пьесой! Это было мне как раз по плечу, То был мой мир, я создан для такой жизни. Я мог бы уже закончить пьесу. Я уверен... что это была бы очень недурная пьеса. Сценарий был почти готов. А вместо того... Извольте радоваться! Прыжок на Луну. Я сам загубил свою жизнь. Старая трактирщица в Кентербери была гораздо умнее меня.

Я оглянулся и не договорил последней фразы. Тьма опять уступила место голубоватому свету. Дверь открылась, и несколько селенитов бесшумно вошли в нашу келью. Я притих, всматриваясь в их уродливо комические лица.

Потом внезапно чувство тягостного враждебного отчуждения сменилось интересом. Я заметил, что два первых селенита несли чаши. В понимании простейших потребностей умы наши имели, в конце концов, нечто общее. Чаши, сделанные из того же металла, что наши цепи, казались совсем темными при этом голубоватом свете. И в каждой чаше лежало несколько кусков какого-то беловатого вещества. Вся тоска, все душевные и телесные муки, угнетавшие меня, вдруг свелись к чувству голода. Я жадно глядел на чашу, и, — хотя воспоминание об этом до сих пор преследует меня во сне, — мне в то время казалось безразличным, что на концах рук, протянувшихся ко мне, были не пальцы, а перепонка с одним суставом, напоминавшим кончик слоновьего хобота.

Вещество, наполнявшее чаши, имело студенистое строение и беловато-бурую окраску. Оно напоминало мне ломтики холодного суфле и слегка пахло грибами. Позднее, после того, как мне удалось увидеть разрубленные туши лунных коров, я начал догадываться, что нас тогда попочевали лунной говядиной.

Мои руки были так крепко скованы, что я едва мог дотянуться до чаши. Но лишь только селениты заметили эти тщетные усилия, они проворно ослабили мои наручники. Их щупальцы были мягки и холодны на ощупь. Я немедленно набил себе рот пищей. Она была такая же дряблая, как все органические ткани на Луне. По вкусу она напоминала вафли или меренги и отнюдь не казалась неприятной. Я снова набил себе рот.

— Я давно только этого и ждал, — сказал я, откусывая еще более объемистый кусок.

Некоторое время мы ели, позабыв обо всем на свете. Мы ели и пили, как бродяги, забравшиеся в чужую кухню. Никогда, ни прежде, ни после я не испытывал такого волчьего голода. Если б я не пережил этого на опыте, то никогда бы не поверил, что в трехстах пятидесяти тысячах километров от нашего собственного мира, в ужасной душевной тоске, ощущая на себе взгляды и прикосновения существ, более уродливых и страшных, чем наихудшие порождения кошмара, я буду в состоянии жрать до отвала, совершенно позабыв обо всем окружающем. Селениты стояли вокруг и следили за нами, то и дело издавая тихое нечленораздельное щебетание, которое, как я полагаю, заменяет у них речь. Я даже не вздрагивал, когда они прикасались ко мне. Утолив первые порывы голода, я заметил, что Кавор ест с такой же бесстыдной жадностью.

XIV

ПОПЫТКИ ОБЩЕНИЯ

Когда мы наконец насытились, селениты снова крепко стянули нам руки, после чего ослабили цепи на ногах и таким образом возвратили нам некоторую свободу движений. Затем они отстегнули кандалы, прикрепленные к нашим поясам. Чтобы проделать все это, они должны были обращаться с нами довольно бесцеремонно. То и дело их уродливые головы почти вплотную приближались к моему лицу, и я чувствовал прикосновение их щупальцев к своему затылку и шее. Помню, что их близость не внушала мне тогда ни страха, ни отвращения. Я полагаю, что наш неисправимый антропоморфизм¹ заставил нас воображать, будто человеческие головы скрыты под масками селенитов. Их кожа, как и все окружающее, казалась синеватой, но это зависело от освещения. Она была твердая и блестящая, как крылья жуков, а не мягкая, влажная или волосатая, как кожа позвоночных животных. Вдоль макушки, от лба к затылку у них тянулась низкая

¹ Антропоморфизм — склонность приписывать всем живым существам и даже природным явлениям человеческие свойства. (Прим. ред.)

поросль белесоватой щетины, и такая же щетина, только более длинная, в виде дуги окаймляла сверху каждый глаз. Селенит, развязывавший меня, помогал иногда ртом работе рук.

— Они, как видно, решили освободить нас, — сказал Кавор. — Помните, что мы на Луне. Не делайте резких движений.

— А вы не попробуете пустить в ход вашу геометрию?

— Попробую, если представится удобный случай. Но, конечно, они должны сделать первый шаг.

Мы продолжали сидеть неподвижно, а селениты, закончив свою работу, отошли прочь и, казалось, рассматривали нас. Я говорю — «казалось» потому, что глаза их глядели не вперед, а вбок, и определить направление их взгляда было так же трудно, как направление взгляда курицы или рыбы. Они переговаривались щебечущими звуками, которые я не в состоянии ни воспроизвести здесь, ни точно описать. Дверь, находившаяся у нас за спиной, растворилась шире, и, глядя через плечо, я увидел широкое пустое пространство, где собралась небольшая толпа селенитов. Видимо, то была весьма смешная и пестрая компания.

— Быть может, они хотят, чтобы мы повторяли за ними эти звуки? — спросил я у Кавора.

— Не думаю, — сказал он.

— Мне кажется, они стараются растолковать нам что-то.

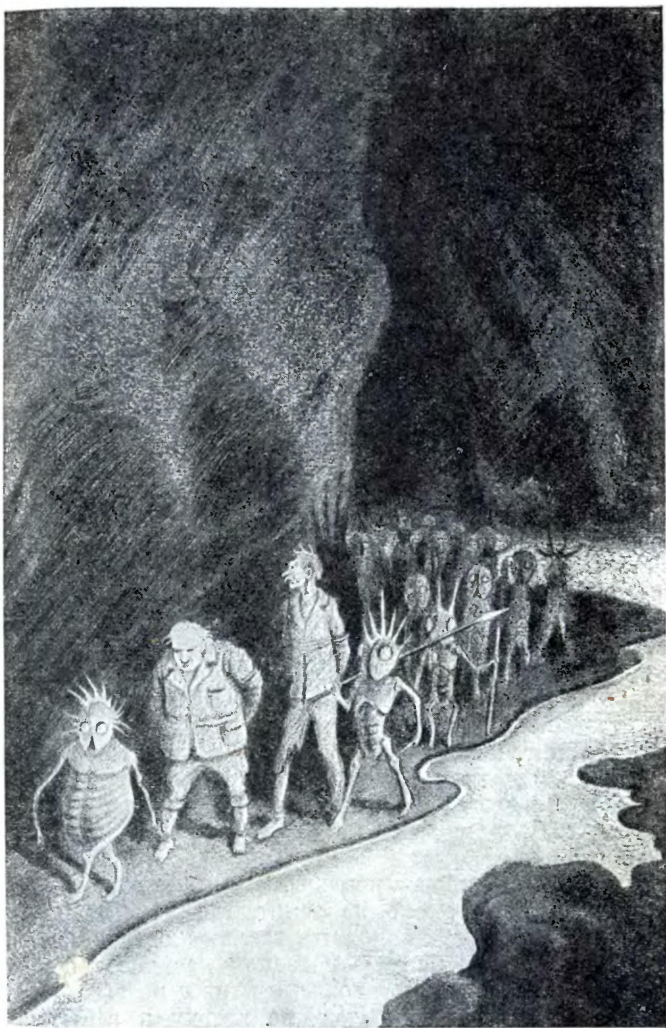
— Но я не вижу никакого смысла в их жестах. Взгляните на этого молодца, который вертит головой, как человек, надевший слишком узкий воротничок.

— Давайте кивать ему головами.

Мы так и сделали, но, не добившись никакого результата, начали подражать движениям других селенитов. Это, видимо, заинтересовало их. Все они одновременно стали повторять то же самое движение. Но так как это ни к чему не привело, мы наконец бросили это занятие, а они опять зачирикали что-то по-своему. Затем один из них, низкий и гораздо более толстый, чем все остальные, выделявшийся также своим непомерно широким ртом, присел на корточки, привел свои руки и ноги в то положение, в котором был скован Кавор, и после этого проворно поднялся.

— Кавор, — крикнул я, — они хотят, чтоб мы встали! Он поглядел на меня, разинув рот.

— Это верно, — сказал он.

По этому туннелю мы шли очень долго (стр. 107).

С чрезвычайными усилиями и стонами, потому что руки наши были скованы, мы сделали попытку подняться на ноги. Селениты расступились, очищая место для наших слоноподобных движений, и зачирикали еще усерднее. Лишь только мы, наконец, очутились на ногах, толстый селенит приблизился к нам, погладил своими подульцами наши лица и направился к отворенной двери. Это тоже было достаточно ясно, и мы последовали за ним. Мы заметили, что четыре селенита, стоявшие у входа, были гораздо выше остальных и носили такую же одежду, как те, которых мы встретили в кратере, — а именно, круглые колючие шлемы и цилиндрические футляры, облежавшие тело. Все четверо держали в руках палки с остриями и рукоятками, сделанные из того же тускло блистающего металла, что и чаши. Эти палки были похожи не столько на копья, сколько на стрекала, которыми у нас на Земле погоняют скот. Четыре вооруженных селенита окружили нас, лишь только мы вышли из нашей кельи в пещеру, откуда проникал свет.

На первых порах эта пещера не произвела на нас особого впечатления. Мы смотрели только на селенитов, маршировавших рядом с нами; кроме того надо было внимательно следить за нашими собственными движениями, потому что иначе мы могли удивить и испугать стражей и себя самих неожиданно высоким прыжком. Впереди всех шагал низкорослый, приземистый селенит, сообразивший, каким образом можно заставить нас подняться на ноги. Теперь, посредством движений, которые почти все были нам столь же понятны, он предлагал нам следовать за ним. Его лицо, похожее на водосточную трубу, оборачивалось то ко мне, то к Кавору с быстротой, свидетельствовавшей о живейшем любопытстве. Итак, повторяю, в течение некоторого времени мы были заняты только этими мелочами.

Но наконец обширное помещение, по которому мы проходили, также не могло не заинтересовать нас. Вскоре стало совершенно очевидно, что главным источником тех нестройных звуков, которые поразили нас после пробуждения от сна, вызванного ядовитыми грибами, была работа огромной машины. Ее взлетающие кверху и вертящиеся лопасти были неясно видны над головами и между телами шагавших вокруг нас селенитов. И не только звуки, сотрясавшие воздух, исходили от этого механизма, но также

и тот особенный голубоватый свет, который озарял помещение. Мы считали как нельзя более естественным, что подземная пещера освещается искусственным светом, и даже тогда я оценил по достоинству значение этого факта не прежде, чем снова очутился в темноте. Я не могу объяснить устройство виденного мною огромного аппарата, потому что ни я, ни Кавор не имели возможности внимательно присмотреться к его работе. Помню, что огромные металлические цилиндры один за другим вылетали из центра машины. Их головки описывали, как мне показалось, параболическую линию. Каждый цилиндр, достигнув высшей точки своего полета, выпускал нечто вроде свободно движущейся руки, которая погружалась в другой, поставленный вертикально цилиндр, и толкала его вниз. Вокруг аппарата двигались рабочие — маленькие фигурки, своим телосложением значительно отличавшиеся от наших провожатых. Каждый раз, когда одна из трех подвижных рук машины погружалась в соответственный цилиндр, раздавался резкий металлический звон, затем рев, и из верхнего конца вертикального цилиндра выливалось светоносное вещество, озарявшее пещеру. Оно убегало, как закипевшее молоко убегает из кастрюли, и затем сияя струилось в блистающий чан, который стоял внизу. Это был холодный голубой свет, похожий на фосфорическое свечение, но гораздо более яркий. Из чана жидкость растекалась по желобам во все концы пещеры.

— Стук... Стук... Стук... — отстукивали движущиеся руки непонятного аппарата, и светоносное вещество шипело и разливалось. На первых порах машина показалась нам не слишком большой, и мы были уверены, что находимся совсем близко от нее. Но потом я заметил, какими крохотными представляются фигурки селенитов, толпящихся вокруг, и лишь после этого догадался об истинных размерах машины и пещеры. Теперь с гораздо большим почтением смотрел я на наших провожатых. Мы остановились, и Кавор с жадным вниманием стал рассматривать громяющий механизм.

— Это замечательно, — сказал я. — Что это такое по-вашему?

Озаренное голубым светом лицо Кавора выражало почтительное удивление.

— Мне кажется, что я вижу сон. Поистине эти существа... Люди не могут создать ничего подобного. Обра-

тите внимание па эти поршни. Ведь, они не соединены с рычагами.

Приземистый селенит прошел несколько шагов не оглядываясь. Потом он вернулся и стал между нами и машиной. Я избегал глядеть на него, так как догадывался, что он хочет заставить нас итти дальше. Он шагал в том направлении, в котором ему угодно было вести нас, затем вернулся и потрогал наши лица, чтобы привлечь наше внимание.

Мы с Кавором переглянулись.

— Нельзя ли как-нибудь показать ему, что мы интересуемся машиной? — спросил я.

— Да, — сказал Кавор, — надо попробовать.

Он повернулся к проводнику, улыбнулся, указал пальцем на машину, потом на свою голову, потом опять на машину. В силу странного заблуждения он, кажется, вообразил, будто ломаный английский язык сделает его жесты более понятными.

— Моя на это смотрит, — сказал он. — Моя думает очень много. Да.

Его поведение на один миг, видимо, смутило селенитов, спешивших вперед. Они поглядели друг на друга, их уродливые головы задвигались, чирикающие голоса что-то запищали скороговоркой. Один из них, высокий и тощий, носивший нечто вроде плаща в придачу к обмоткам, заменившим одежду у всех остальных, обхватил своей похожей на слоновый хобот рукой поясницу Кавора и тихонько потащил его вслед за проводником, снова двинувшимся вперед.

Кавор упирался.

— Надо наконец объясниться с ними. Они вероятно считают нас какими-то животными, быть может новой породой лунных коров. Мы должны показать им, что нам доступны серьезные умственные интересы.

Он начал неистово трясти головой.

— Нет, нет, — говорил он. — Моя не хочет итти, одну минуту. Моя глядеть на это.

— Не думаете ли вы, что теперь будет очень кстати доказать им какую-нибудь геометрическую теорему, — посоветовал я, в то время как селениты опять начали совещаться.

— Быть может, парабола. . . — начал Кавор.

Вдруг он громко вскрикнул и подскочил фугов на шесть или даже выше.

Один из четырех вооруженных стражников уколол его своим стрекалом.

С быстрым и угрожающим движением руки я обернулся к владельцу стрекала, стоявшему позади меня, и он попятился. Мой жест, а также внезапный крик и скачок Кавора очевидно удивили селенитов. Они поспешно отступили. В течение целой минуты, которая, казалось, длилась целую вечность, мы с выражением негодующего протеста стояли перед внезапно расширившимся полукругом этих чудовищных существ.

— Он уколол меня! — сказал Кавор прерывающимся голосом.

— Я это видел, — ответил я. — Чорт вас побери! — крикнул я, обращаясь к селенитам. — Мы не желаем спосить такое обращение. За кого вы нас принимаете?

Я быстро поглядел вправо и влево. В синеватом полумраке пещеры я увидел много селенитов, подбегавших к нам. Среди них были толстые и тонкие, и один — с гораздо более крупной головой, чем у прочих. Пещера была широкая и низкая. Ее дальние концы исчезали во тьме. Помню, что своды словно выгибались под тяжестью скал, давивших сверху. И выхода не было видно нигде. Неведомое подстерегало нас сверху, снизу, со всех сторон. Впереди стояли чудовищные существа со стрекалами, — и лицом к лицу с ними мы, два беззащитных человека.

Х V

МОСТИК НАД ПРОПАСТЬЮ

Враждебное молчание продолжалось несколько секунд. Я полагаю, что за это время и мы и селениты успели обдумать создавшееся положение. Моей самой ясной мыслью было сознание, что мне не к чему прислониться спиной, и что мы несомненно будем окружены со всех сторон и убиты. В то же время меня не переставала мучить совесть: в самом деле, ведь все наше путешествие было сплошным непростительным безумием! Почему согласился я отправиться в эту сумасшедшую, нечеловеческую экспедицию?

Подойдя ближе, Кавор взял меня за локоть. Его бледное испуганное лицо казалось совсем призрачным в синеватом свете.

— Мы ничего не можем сделать, — сказал он. — Произошла ошибка. Они не понимают нас. Надо идти. Они хотят, чтобы мы шли вперед.

Я посмотрел сперва на него, потом на новых селенитов, которые спешили на помощь к товарищам.

— Ах, если б руки мои были свободны!

— Это бесполезно, — пропыхтел он.

— Нет!

— Надо идти!

Он повернулся и пошел в том направлении, которое нам указывали.

Я последовал за ним, стараясь казаться возможно более послушным и в то же время ощупывая цепи у себя на руках. Кровь моя кипела. Я больше не обращал внимания на устройство пещеры, хотя нам понадобилось немало времени, чтобы пройти ее всю насквозь, — а если и заметил тогда что-нибудь, то все позабыл. Помню, что я думал, во-первых, о моих цепях, а во-вторых, о селснитах, особенно о тех, у которых на головах были шлемы, а в руках стрекала. Сначала они шли в один ряд с нами и на почтительном расстоянии, но когда к ним присоединились трое других, они подошли ближе и опять очутились на расстоянии вытянутой руки. Я затрепетал, как побитая лошадь, когда они приблизились к нам. Низенький толстый селенит сперва шел справа от нас, но потом снова зашагал впереди.

Какими неизгладимыми чертами вся эта картина запечатлелась у меня в памяти: затылок низко опущенной головы Кавора прямо передо мной, его устало поникшие плечи, лицо проводника с широко разинутым ртом, то и дело оборачивающееся в нашу сторону, и бдительные конвойные со стрекалами. Все это, взятое вместе, напоминало одноцветный рисунок, отиснутый синей краской. И если не считать этого, то я припоминаю теперь только одну вещь, не имевшую прямого отношения ко мне лично, — а именно нечто вроде жолоба, тянувшегося сперва по дну пещеры, а потом вдоль каменистой тропинки, по которой мы шли. Жолоб был наполнен тем ярко светящимся голубым веществом, которое вытекало из большой машины. Я шел как раз возле него и могу засвидетельствовать, что

светоносное вещество совсем не излучало тепла. Оно ярко сияло, но не было ни теплее, ни холоднее, чем все остальные предметы в пещере.

Кланг, кланг, кланг! — Мы прошли прямо под глухо стучавшими рычагами другой огромной машины и достигли широкого туннеля, который, если не считать голубой ниточки, струившейся справа от нас, совсем не был освещен. Здесь было тихо, и мы уже могли расслышать шаги наших необутых ног. Гигантские причудливые тени, отбрасываемые нашими телами и телами селенитов, падали на неровные стены и своды туннеля; здесь и там покрывавшие их кристаллы сверкали, как драгоценные камни. Местами туннель расширялся, превращаясь в сталактитовую пещеру, ответвления которой исчезали во мраке.

По этому туннелю мы шли очень долго. С легким журчанием струился жидкий свет, и топот наших ног будил нестройное эхо. Я не переставал думать о своих цепях. Если повернуть одно кольцо так, а потом отогнуть вот так... Заметят ли селениты, что я пытаюсь освободить руки? И что сделают, если заметят?

— Бедфорд, — сказал Кавор, — мы спускаемся. Мы спускаемся все ниже.

Его замечание отвлекло меня от мрачных мыслей.

— Если бы они хотели убить нас, — сказал он, замедляя шаги, чтобы поравняться со мной, — они уже давно могли бы сделать это.

— Да, — сказал я, — это верно.

— Они не понимают нас — говорил он. — Они думают, что мы какие-то невиданные звери, быть может одичавшая разновидность лунных коров. Но когда они присмотрятся к нам внимательнее, то поймут, что мы разумные существа.

— Это случится тогда, когда вы начнете им доказывать ваши геометрические теоремы, — откликнулся я.

— Это очень вероятно.

Некоторое время мы шагали молча.

— Видите ли, — сказал Кавор, — я полагаю, что это селениты низшего класса.

— Адские шуты! — сказал я, злобно глядя на их отвратительные рожи.

— Если мы будем терпеливо сносить все, что они...

— Мы вынуждены все сносить, — сказал я.

— Но, должно быть, существуют и другие, не столь глухие. Ведь, это лишь внешняя корка их мира. Он несомненно спускается далеко вглубь, — пещеры, переходы, туннели и, наконец, море на глубине нескольких сот километров.

Слова его заставили меня вспомнить о двух с лишним километрах скал и туннелей, которые, быть может, уже лежали над нашими головами. Мне казалось, что страшная тяжесть давит мне на плечи.

— Так далеко от солнца и свежего воздуха, — сказал я. — В рудниках даже на глубине одного километра бывает очень душно.

— Здесь мы этого, однако, не замечаем. Вероятно действует вентиляция. Воздух с неосвященной части Луны стремится к Солнцу. Он выдувает из пещер всю углекислоту, питающую растения. Вы чувствуете здесь легкий ветерок... И какой это, должно быть, удивительный мир. Вспомните шахту и машину.

— И стрекала, — подхватил я, — пожалуйста, не забывайте стрекал.

Некоторое время он шагал чуть-чуть впереди меня.

— И стрекала тоже, — сказал он.

— В самом деле?

— Я тогда рассердился, но... Быть может, это было неизбежно. У них не такая кожа, как у нас, и вероятно совсем другие нервы. Они не понимают нашего негодования... Совершенно так же существу, прилетевшему с Марса, мог бы не понравиться наш земной обычай толкаться локтями.

— Я бы посоветовал им быть осторожнее и не толкать меня.

— Да, вот еще геометрия... Избранный ими способ, в конце концов, тоже ведет к взаимному пониманию. Они начинаются с главных стихий жизни, а не мышления. Пища. Принуждение. Боль. Они пускают в ход самое существенное.

— О, в этом не может быть никакого сомнения, — сказал я.

Кавор стал говорить о чудесном, поразительном мире, в который мы теперь поневоле углублялись. По тону его голоса я постепенно начал догадываться, что его вовсе не ужасала перспектива спуска в самые глубокие норы этой чуждой нам планеты. Мысли его были заняты машинами

и изобретениями, и он отнюдь не разделял мрачных опасений, терзавших меня. Он интересовался всеми этими вещами совсем не потому, что хотел извлечь из них какую-нибудь практическую пользу; нет, он просто мечтал изучить их.

— В конце концов, — сказал он, — это несбывало счастливым случаем. Встреча двух миров! Чего только мы не увидим! Подумайте, что находится внизу, у нас под ногами.

— Ну, мы не много увидим при этом освещении, — заметил я.

— Это только внешняя корка... Там внизу... Там вы найдете все, что угодно. Заметили вы, как сильно эти селениты отличаются друг от друга? Нам будет о чем порассказать, когда мы вернемся обратно на Землю.

— Какое-нибудь редкое животное, — возразил я, — может утешаться такими же мыслями, в то время как его ведут в зоологический сад... Откуда вы взяли, что нам будут показывать все эти вещи?

— Когда они заметят, что мы разумные существа, — сказал Кавор, — они пожелают узнать что-нибудь о Земле. Если даже чувство великодушия им неизвестно, они будут учить нас, чтобы самим учиться... А чего они только не знают! Вещи, которых мы и вообразить не в состоянии.

Кавор принялся рассуждать о том, что селениты, вероятно, обладают такими знаниями, о которых на Земле нельзя и мечтать. Он философствовал как ни в чем не бывало, тогда как рана, нанесенная стрелой, должно быть, еще не подсохла у него на теле. Много из того, что он тогда говорил, улетучилось из моей памяти; к тому же я был занят совсем другим: я заметил, что туннель, по которому мы шли, становится все шире и шире. Движение воздуха указывало, что мы приближаемся к какому-то весьма обширному помещению. Но истинные размеры этого помещения мы определить не могли, потому что оно не было освещено. Маленький поток света изгибался и исчезал где-то далеко впереди. Скалистые стены по обе стороны от нас тоже исчезли. Теперь ничего нельзя было различить, кроме тропинки и журчащего быстрого ручейка, излучавшего голубое сияние. Фигуры Кавора и селенитов, шедших впереди меня, их ноги и головы, обращенные к ручейку, были ярко озарены голубым светом, но с про-

тивоположной стороны их тела, больше не освещаемые отблесками стен туннеля, слились с окружающим мраком.

Вскоре я увидел, что мы приближаемся к какому-то провалу, потому что маленький голубой поток внезапно пропал из вида.

Несколько минут спустя мы достигли самого края обрыва. Сияющий ручеек, как бы испугавшись, сворачивал под прямым углом и затем низвергался вниз. Он падал с такой большой высоты, что звук от его падения совершенно не долетал до нас. Где-то далеко внизу, в неизмеримой глубине, виднелось голубоватое сияние, нечто вроде светящегося тумана, а тьма, — после того как исчез ручеек, — казалась совсем пустой и черной, и в ней можно было рассмотреть лишь что-то вроде дощечки, начинавшейся на краю обрыва и уходящей во мрак. Из пропасти на нас повеяло жарким воздухом.

Одну минуту мы с Кавором стояли у самого края, так близко, как только было возможно, и всматривались в озаренную синеватым мерцанием бездну. Затем проводник потянул меня за руку.

После этого он оставил меня, подошел к концу дощечки и остановился там, глядя назад. Потом, видя, что мы следим за ним, повернулся и пошел по доске так уверенно, как будто это была твердая земля. Одну секунду его фигура была видна совершенно отчетливо, потом обратилась в расплывающееся синеватое пятно и наконец исчезла во мраке. Мне почудилось, что неясные очертания какого-то предмета обрисовываются в черноте.

Наступило короткое молчание.

— Несомненно... — сказал Кавор.

Другой селенит сделал несколько шагов по дощечке, обернулся и посмотрел на нас, как ни в чем не бывало. Остальные попрежнему стояли вокруг, готовясь следовать за нами. Вновь показалась фигура проводника. Он вернулся узнать, почему мы не двигаемся вперед.

— Что там такое? — спросил я.

— Я не вижу.

— Мы ни в каком случае не можем пройти здесь.

— Я не пройду здесь и трех шагов, если мне даже освободят руки, — сказал Кавор.

Лица у нас вытянулись. В совершенном смятении мы глядели друг на друга.

— Они не знают, что такое головокружение, — сказал Кавор.

— По этой доске пройти немислимо!

— У них другое зрение, чем у нас. Я наблюдал за ними. Они, вероятно, не понимают, что значит для нас темнота. Как объяснить им?

Кажется, мы обменивались этими замечаниями в смутной надежде, что селениты поймут нас, хотя бы отчасти. Я помню ясно, что в ту минуту мы желали только одного, а именно объясниться с ними. Но, взглянув на их лица, я понял, что никакое объяснение невозможно. Сходство, существовавшее между нами, не могло преодолеть отчуждавших нас различий. Как бы там ни было, я твердо решил, что не пойду по доске. Я быстро освободил руку из распутившейся цепи и начал вертеть кулаки в противоположных направлениях. Я стоял ближе всех к мосту, и, в то время как я постепенно разламывал цепь, два селенита схватили меня и стали осторожно подталкивать вперед. Я неистово мотал головой.

— Не пойду! — говорил я. — Ни за что! Вы не понимаете!

Третий селенит пришел на помощь двум первым. Я был вынужден сделать шаг вперед.

— Подождите, — сказал Кавор. — Мне пришла в голову хорошая идея.

Но я уже знал, чего стоят его идеи.

— Эй вы! — крикнул я селенитам. — Полегче! Быть может, это хорошо для вас...

Тут я подпрыгнул и разразился проклятиями. Дело в том, что один из вооруженных селенитов кольнул меня сзади своим стрекалом.

Я вырвал руки из маленьких щупальцев, удерживавших меня. Я повернулся к владельцу стрекала.

— Будьте вы прокляты! — крикнул я. — Ведь, я же предупреждал вас! Кто я такой по-вашему, что вы колете меня? Если вы прикоснетесь ко мне еще раз!..

Вместо ответа он кольнул меня вторично.

Послышался умоляющий, испуганный голос Кавора. Я полагаю, он все еще хотел так или иначе объясниться с этими тварями.

— Говорю вам, Бедфорд, — кричал он, — я придумал способ!..

По вторичный укол, казалось, освободил скрытые запасы энергии, таившиеся во мне. В тот же миг металлическое кольцо, сжимавшее мое запястье, сломалось, и вместе с ним отпали все соображения, побуждавшие меня до сих пор оставаться покорным в лапах этой лунной нежити. В ту секунду я совсем обезумел от страха и гнева. О последствиях своих поступков я больше не думал. Цепь обмоталась вокруг моего кулака, и я ударил прямо по лицу существо, вооруженное стрекалом...

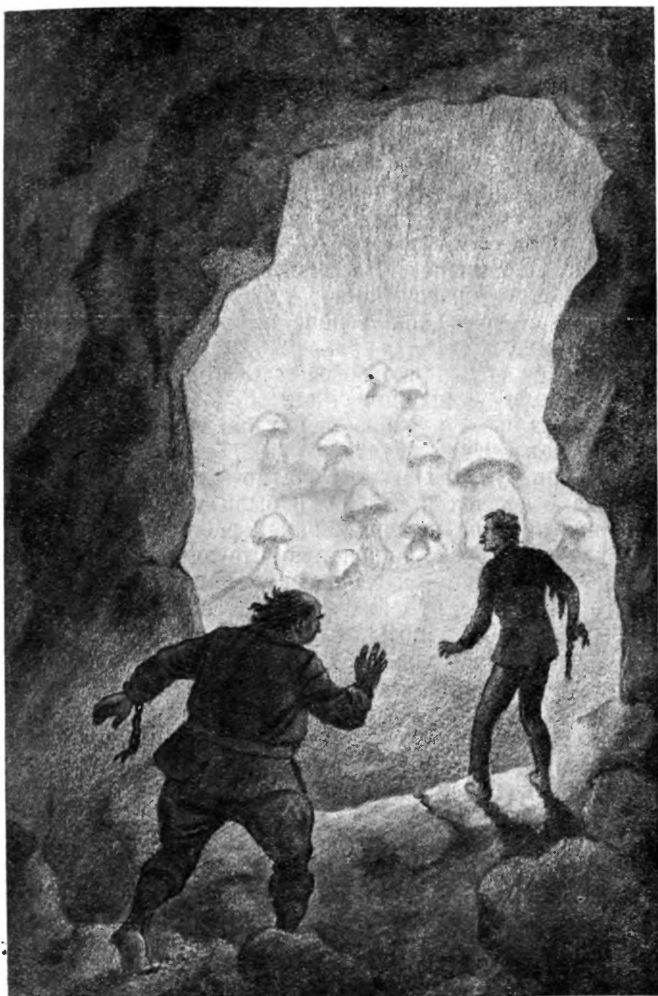
Последовал один из тех дурацких сюрпризов, которыми так богат лунный мир.

Моя бронированная рука пробила селенита насквозь. Она расквасила его как... как конфету с жидкой начинкой. Он был разбит вдребезги. Он рассыпался и расплскался. Можно было подумать, что я ударил по гнилому грибу. Его хилое тело отскочило метров на двенадцать и мягко плепнулось при падении. Я был очень удивлен. Никогда бы я не поверил, что живое существо может быть таким хрупким. На один миг мне почудилось, что все это только сон.

Потом опять все стало совершенно реальным и грозным. Ни Кавор, ни селениты ничего не успели сделать за промежуток времени, прошедший от того момента, когда я впервые обернулся, — и до падения мертвого селенита на землю. Все торопливо отступили подальше от нас обоих. Общее оцепенение длилось по меньшей мере еще секунду после того, как свалился селенит. Вероятно, каждый старался сообразить, что именно случилось. Смутно помню, что я стоял, вытянув вперед руку и тоже пытаюсь сообразить с мыслями. «Что же дальше?», пронеслось у меня в мозгу, «что же дальше?». Затем все опять пришло в движение.

Я понял, что мы должны освободиться от цепей, а для этого прежде всего надо отогнать стоящих перед нами селенитов. Я повернулся лицом к трем вооруженным стражам. В ту же секунду один из них метнул в меня свое стрекало. Оно просвистело над моей головой и, кажется, свалилось в находящуюся позади бездну.

Лишь только стрекало пронеслось мимо, я, собрав все силы, прыгнул прямо на селенита. Он хотел бежать, но я сшиб его на землю, вскочил на него, поскользнулся на его раздавленном теле и упал. До сих пор помню, как он извивался у меня под ногами.

*Миновав это пространство, мы выбрались на солнцепек
(стр. 136).*

Я тотчас же сел и справа и слева от себя увидел голубые спины селенитов, искавших спасения во мраке. Резким усилием я отогнул кольцо, сорвал цепь, опутывавшую мои лодыжки, и вскочил на ноги. Второе стрекало прожужжало мимо меня как дротик, и я кинулся в темноту, откуда оно прилетело. Затем я обернулся к Кавору, все еще стоявшему возле светящегося ручейка у самой пропасти. Он судорожно возился со своими цепями, не переставая молотить какой-то вздор о своей «идее».

— Идите сюда! — крикнул я.

— У меня руки связаны, — ответил он.

Затем, догадавшись, что я боюсь подбежать к нему, потому что плохо рассчитанное движение может сбросить меня вниз с обрыва, он, волоча ноги и вытянув руки, подошел ко мне.

Я тотчас же начал освобождать его от цепей.

— Где они? — прохрипел он.

— Убежали. Но скоро вернутся. Они бросают в нас свои стрекала. Куда идти?

— Вдоль ручейка света. Обратно в туннель.

— Да, — сказал я. Его руки были уже свободны.

Я опустился на колени и начал работать над его ножными оковами. Трах — пролетело что-то, — я не успел заметить, что именно, — и сверкающие капли полетели во все стороны из синего ручейка. Вдалеке, справа от нас, слышалось чириканье и посвистывание.

Я сорвал цепи с ног Кавора и сунул их ему в руку.

— Деритесь этим, — сказал я и, не ожидая ответа, понеся большими скачками обратно вдоль тропинки, по которой мы только что пришли. Меня подгоняло гнусное ощущение, что в любую минуту одна из этих тварей может прыгнуть из темноты мне прямо на спину. Позади себя я слышал топот Кавора.

Мы подвигались вперед большими скачками. Но здесь надо иметь в виду, что этот бег сильно отличается от всякого бегания на Земле. На нашей планете человек прыгает и почти тотчас же снова касается грунта. Но на Луне — вследствие значительно меньшей силы притяжения — вы в течение нескольких секунд несетесь по воздуху, прежде чем опять падаете наземь. Как мы ни торопились, все же создавалось впечатление долгих пауз, во время которых можно было сосчитать до семи или до восьми. — Гоп, — и я взлетал кверху. Всевозможные вопросы теснились

у меня в мозгу. «Где сселениты? — Что они теперь делают? — Успеем ли добраться до туннеля? — Далеко ли отстал Кавор? — Неужели им удалось его отрезать?» — Затем — хлоп! — удар ногами о почву и новый прыжок.

Я заметил впереди селенита, удиравшего от меня. Ноги его передвигались совершенно так же, как у человека, который бежит на Земле. Я видел, как он оглянулся на меня через плечо, слышал его испуганный крик, когда он сворачивал с моего пути в темноту. Кажется, это был наш проводник, но я в этом не уверен. Затем, после нового большого прыжка, скалистые стены появились справа и слева от меня; еще два или три прыжка, и я очутился в туннеле. Здесь я был вынужден замедлить бег, чтобы не удариться головой о низкие своды. Я добрался до поворота, остановился и посмотрел назад. Шлеп, шлеп, шлеп! — вдали появился Кавор, разбрызгивавший при каждом прыжке светоносную жидкость, и вскоре налетел на меня. Мы стояли, опираясь друг на друга. На одну минуту нам удалось избавиться от наших преследователей, и мы были одни. Мы оба почти задохлись. Пыхтя и отдуваясь, мы обменивались бессвязными фразами.

— Вы все испортили, — просипел Кавор.

— Вздор! — крикнул я. — Все равно нам грозила смерть.

— Что же теперь делать?

— Прятаться.

— Разве это возможно?

— Здесь достаточно темно.

— Но где?

— В одной из этих боковых пещер.

— А потом?

— Там видно будет.

— Хорошо. Пойдем.

Мы побежали вперед и вскоре добрались до разветвлявшейся в разные стороны темной пещеры. Кавор был впереди. Некоторое время он колебался и, наконец, выбрал какую-то черную щель, где, вероятно, можно было хорошо спрятаться. Он пошел вперед и тотчас же вернулся.

— Здесь слишком темно, — сказал он.

— Ваши ноги будут освещать нам дорогу. Вы совсем пропитались этим светоносным веществом.

— Но...

Тут стали слышны какие-то нестройные звуки, среди которых выделялось что-то, напоминавшее звон гонга. Звуки приближались по главному туннелю. То было грозное предвестие начавшейся погони. Мы устремились дальше в неосвещенную пещеру. Пока мы бежали вперед, сияющие ноги Кавора озаряли наш путь.

— Какое счастье, — пропыхтел я, — что они сняли с нас сапоги. Не будь этого, здесь повсюду был бы слышен наш топот.

Мы бежали по возможности маленькими скачками, чтобы не ушибаться о своды пещеры. Спустя некоторое время мне показалось, что мы удаляемся от испугавшего нас шума. Он слышался все глуше, все менее отчетливо и наконец стих совершенно.

Я остановился и посмотрел назад. Я слышал только топот Кавора, все еще продолжавшего бежать. Но вскоре он тоже остановился.

— Бедфорд, — прошептал он, — там, впереди, я вижу какой-то свет.

Я взглянул и сперва ничего не мог рассмотреть. Потом заметил, что голова и плечи Кавора смутно обрисовываются в поредевшем мраке. Я заметил также, что это мерцание было не голубое, как всякий другой свет, виденный нами до сих пор внутри Луны, но бледно-серое, напоминавшее слабый отблеск дневного света. Кавор обратил внимание на эту разницу одновременно со мной или, быть может, немного раньше, и это внушило нам обоим одну и ту же страстную надежду.

— Бедфорд, — прошептал он, и голос его задрожал. — Этот свет... быть может...

Он еще не смел сказать, на что он надеется. Наступило недолгое молчание. Вдруг по удаляющемуся стуку его шагов я понял, что он идет навстречу этому бледному мерцанию. С сильно бьющимся сердцем я последовал за ним.

XVI

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

По мере того, как мы подвигались вперед, свет становился все ярче. Немного спустя, он светил уже почти так

же сильно, как смоченные светоносной жидкостью ноги Кавора. Туннель, расширившись, превратился в пещеру, и свет падал из ее дальнего конца. Тут я заметил нечто, заставившее мое сердце запрыгать от радости.

— Кавор, — сказал я, — свет льется сверху. — Я совершенно уверен, что сверху.

Он ничего не ответил, но еще проворнее запагал вперед. Несомненно, это был серый свет, серебристый свет...

В следующую минуту мы уже находились прямо под ним. Он проникал сквозь щель в стене пещеры, и в то время как я впился в него глазами, на лицо мое упала водяная капля. Я вадрогнул и отступил. Тут вторая капля с совершенно отчетливым звуком ударилась о каменный пол.

— Кавор, — сказал я, — если один из нас подсадит другого, то можно взобраться в эту расщелину.

— Я подсажу вас, — сказал он, и тотчас же поднял меня с такой легкостью, как будто я был грудным ребенком.

Я просунул руку в расщелину, и пальцы мои нащупали маленький карниз, за который можно было ухватиться. Теперь белый свет казался гораздо ярче. Я подтянулся на двух пальцах почти без всякого усилия, хотя на Земле мой вес равняется шестидесяти килограммам, добрался до еще более высокого выступа скалы и поставил ноги на узкий карниз. Здесь я выпрямился во весь рост и стал ощущать скалу пальцами. Расщелина расширялась вверх.

— Здесь не трудно будет взобраться, — сказал я Кавору. — Если вы подпрыгнете, то, вероятно, успеете схватиться за руку, которую я протяну вам.

Словно клин, я втиснулся между стенами расщелины, упёрся в карниз ступней и коленом и протянул руку вверх. Я не мог видеть Кавора, но слышал шорох его движений, когда он приседал, чтобы прыгнуть. — Гос-ла! — Он повис на моей руке и показался мне не тяжелее котенка. Я тащил его вверх, пока он не уцепился за карниз и не освободил мою руку.

— Чорт побери, — сказал я. — На Луне не трудно быть альпинистом

После этого я очень рьяно начал карабкаться вверх. В течение нескольких минут я лез, не поднимая головы,

и потом снова поглядел кверху. Расщелина непрерывно расширялась, и свет становился ярче. Только...

Это совсем не был дневной свет.

В следующую секунду я уже мог рассмотреть, что это такое, и от разочарования едва не начал биться головой о скалы. Дело в том, что я очутился на неровном открытом склоне, поросшем целым лесом небольших булавовидных грибов, из которых каждый ярко сиял, излучая серебристо-розовый свет. Один миг я тупо глядел на это мягкое свечение, затем прыгнул вперед и оказался по самой середине грибной заросли. Я сорвал полдюжины грибов, расплющил их о скалу и сел, хохоча горьким смехом, когда красное лицо Кавора выглянуло из расщелины.

— Это тоже фосфоресценция, — сказал я. — Не стоит торопиться. Садитесь и будьте как дома.

И пока он плевался и ругался от разочарования, я от нечего делать сшибал макушки грибов в расщелину.

— Я думал, что это дневной свет, — сказал он.

— Дневной свет! — воскликнул я. — Рассвет! Закат! Облака! Голубое небо! Да разве мы увидим их когда-нибудь вновь?

Когда я говорил эти слова, целая картина нашего мира встала передо мной, — крохотная, но яркая и отчетливая, как задний план на полотне старого итальянского живописца.

— Изменчивое небо, изменчивое море, холмы и зеленые деревья, города и селения, озаренные солнцем... Кавор, представьте себе мокрую от дождя крышу, на которой играет закат; представьте окна дома, обращенные к западу...

Он ничего не ответил.

— Здесь мы ползаем в норах гнуснейшего мира, который и миром назвать нельзя, с чернильным океаном, скрытым в мрачных глубинах, с палящим днем и мертвенным молчанием ночи на поверхности. И за нами охотятся отвратительные твари, иглокожие существа, люди-насекомые, порождения кошмара. Что ж, в конце концов они правы по-своему! Зачем явились мы сюда давить их и нарушать установленные ими порядки... Вероятно, теперь уже вся планета гонится за нами по пятам. Каждую минуту мы можем услышать их хныканье и звуки их гонгов. Что нам делать? Куда идти? Здесь мы чувствуем себя так же уютно, как змеи, забравшиеся в пригородную дачу.

— Это ваша вина, — сказал Кавор.
— Моя вина? — воскликнул я. — О, господи!
— Ведь я уже придумал план действия.
— Чорт побери ваши планы!
— Если б мы отказались двинуться с места...

— Несмотря на стрекала?
— Да. Селениты понесли бы нас.
— По этому мосту?
— Да. Им пришлось бы перенести нас на ту сторону.
— Пусть лучше муха пронесет меня по потолку!

Я снова занялся уничтожением грибов. Вдруг я заметил кое-что, поразившее меня даже в ту минуту.

— Кавор, — сказал я, — наши цепи сделаны из золота.

Он сосредоточенно думал о чем-то, подперев щеки руками. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня, а когда я повторил мои слова, он закрутил цепь вокруг своей правой руки.

— Действительно, это так, — сказал он. — Действительно.

Но мимолетное выражение интереса уже исчезло с его лица. Одну секунду он как будто колебался, но потом снова углубился в размышления. Некоторое время я сидел, недоумевая, как это я не распознал золота гораздо раньше; потом сообразил, что голубой свет делает металл совершенно бесцветным. Неожиданное открытие дало новое направление моим мыслям, которые унеслись далеко. Я уже позабыл, что только что спрашивал Кавора, зачем явились мы на Луну. Золото...

Кавор заговорил первый.

— Мне кажется, что у нас остались два выхода из нашего положения.

— Какие?

— Мы можем попробовать снова выйти на поверхность... Если нужно, то прорваться с боем, — и затем отыскивать шар, пока не найдем его. Или пока ночной холод не убьет нас. Или...

Он замялся.

— Ну, — сказал я, хотя знал заранее, куда он клонит.

— Мы можем еще раз попытаться так или иначе установить взаимное понимание с разумными существами населяющими Луну.

— Поскольку дело касается меня, я стою за первый выход.

— А я сомневаюсь.

— А я нет!

— Видите ли, — сказал Кавор, — я не думаю, чтобы мы имели право судить о селенитах по тем образчикам, которые видели до сих пор. Их центральный цивилизованный мир лежит гораздо ниже, в глубоких пещерах вокруг моря. Здесь, во внешней коре, расположен пограничный округ, пастушеская область. Так по крайней мере полагаю я. Селениты, которых мы видели, соответствуют нашим ковбоям или кочегарам. Их стрекала, по всем вероятностям служащие для понукания лунных коров, отсутствие воображения, которое они проявили, ожидая, что мы в состоянии делать все, что делают они, их несомненная грубость, — словом все подтверждает правоту моего взгляда. Если б мы согласились вытерпеть...

— Никто из нас не мог бы вытерпеть переход по доске шириной в шесть дюймов над бездонной пропастью.

— Нет, — сказал Кавор, — но тогда...

— Я бы не вытерпел! — воскликнул я.

Тут он указал на целый ряд других возможностей.

— Представьте, что мы отыщем какой-нибудь угол, где сможем отбиваться от этих батраков и крестьян. Если мы продержимся там с неделю или около того, весть о нашем появлении вероятно достигнет более цивилизованных и просвещенных частей Луны...

— Если только они существуют.

— Они должны существовать. Иначе откуда взялись бы эти удивительные машины?

— Это возможно, но это наихудший исход.

— Мы будем чертить надписи на стенах.

— Почему вы знаете, что глаза селенитов заметят эти надписи?

— Ну, мы будем вырезывать их очень глубокими чертами.

— Это, конечно, возможно.

Мои мысли приняли другое направление.

— Мне начинает казаться, — сказал я, — что вы считаете селенитов бесконечно умнее людей.

— Они должны знать гораздо больше, чем мы. Или, на худой конец, их знания сильно отличаются от наших.

— Да, но... — я запнулся. — Я полагаю, Кавор, вы согласитесь со мною, что вы человек исключительный.

— Почему?

— Ну, вы... человек одинокий, всегда были одиноки. Вы не женились.

— Не чувствовал в этом ни малейшей надобности. Но какое отношение...

— И вы никогда не старались разбогатеть?

— Это тоже было мне совсем не нужно.

— Вы стремились только к познанию?

— Что ж, некоторая любознательность вполне естественна.

— Это вы так думаете. И в этом все дело. Вы полагаете, что каждый человек прежде всего желает знать. Помню, однажды, когда я спросил вас, что заставило вас заняться научными исследованиями, вы ответили, что хотите сделаться членом Королевского общества, приготовить новое вещество, которое назовут каворитом, и т. д. Вы прекрасно знаете, что это не так. Но в то время мой вопрос застал вас врасплох, и вы постарались придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение для ваших поступков. В действительности вы занимались научными исследованиями потому, что это вам приятно. Такой у вас нрав, вот и все.

— Быть может, это верно...

— Только у одного человека из миллиона бывает такой нрав. Большинство людей желает... ну, весьма различных вещей, но лишь весьма немногие стремятся к познанию ради познания. Я, например, совсем не стремлюсь и отлично сознаю это... Повидимому, селениты очень энергичные и деятельные существа, но кто сказал вам, что самый развитой из них способен заинтересоваться нами или нашим миром? По-моему, они даже не знают, что такой мир существует. Они никогда не выходят на поверхность в ночное время. Они бы замерзли, если бы вышли. Они наверное никогда не видели ни одного небесного тела, кроме пылающего Солнца. Откуда им знать, что существует другой мир? А если они и знают, то какое им до него дело? Если даже они видели мельком звезды или земной полумесяц, что из этого следует? С какой целью народ, обитающий внутри планеты, станет наблюдать за явлениями такого рода? Люди не занимались бы астрономией, если бы она не нужна была им для летосчисления и мореплавания. Но для чего станут заниматься ею лунные жители?...

«Ладно, допустим далее, что здесь имеется несколько философов, вроде вас. Именно они среди всех селенитов никогда не услышат о нашем существовании. Предположите, что какой-нибудь селенит свалился на Землю в то время, как мы жили в Лимне. Да вы были бы последним человеком в целом свете, узнавшим о его появлении. Ведь, вы никогда не читаете газет. Итак, вы видите, что все шансы против вас. И, однако, для обсуждения этих шансов мы сидим здесь и ничего не делаем, а драгоценное время летит. Говорю вам, мы попали в очень трудное положение. Мы явились сюда без оружия, мы потеряли наш шар, мы не захватили с собой пищи, мы показались селенитам и дали им основание предположить, что мы дикие, сильные и опасные звери. Если селениты не совсем дураки, они теперь будут гоняться и охотиться за нами, пока не найдут. А когда найдут, попробуют схватить нас живьем, а если это им не удастся, то убьют нас. И этим кончится все дело. Если даже они поймают нас, то, вероятно, все-таки убьют в результате какого-нибудь недоразумения. Покончив с нами, они, быть может, начнут спорить и препираться о том, кто мы такие, но нам от этого будет мало пользы».

— Продолжайте.

— С другой стороны, золото валяется здесь, как у нас дома старое железо. Если нам удастся захватить его с собой, если мы успеем отыскать шар прежде, чем на него натолкнутся селениты, и вернемся на Землю, тогда...

— Ну?

— Мы можем поставить все это дело на более солидную основу. Мы вернемся сюда в шаре более крупных размеров, с ружьями...

— Господи помилуй! — воскликнул Кавор, как будто услышал что-то ужасное.

Я швырнул в расщелину еще один светящийся гриб.

— Послушайте, Кавор, — сказал я, — мне, как никак, принадлежит половина решающих голосов в нашем предприятии, и мы обсуждаем чисто практический вопрос. Я человек деловой, а вы нет. Поскольку от меня зависит, я больше не стану объясняться с селенитами посредством геометрических чертежей. Вот и все! Я предлагаю вернуться на Землю, сохранить в тайне наше открытие и затем прилететь сюда снова.

Он сидел в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он, — лучше было бы мне явиться сюда одному.

— Теперь, — сказал я, — прежде всего надо решить вопрос, каким образом отыскать шар.

Некоторое время мы сидели молча, обхватив руками колени. Затем Кавор, видимо, согласился с моими доводами.

— Я думаю, — сказал он, — что у нас есть кое-какие данные. Совершенно несомненно, что в то время, как Солнце освещает одну сторону Луны, воздух должен устремляться сквозь эту губчатую планету, передвигаясь к темной стороне. И во всяком случае на этой стороне воздух будет распространяться по лунным пещерам и вытекать в кратер... Ну, так вот, разве вы не чувствуете здесь сквозняка?

— Чувствую.

— А это значит, что где-то есть выход. Позади нас эта расщелина изгибается и идет вверх. Течение воздуха устремляется по ней, и мы тоже должны направиться этим путем. Если мы сделаем эту попытку и отыщем нечто вроде каминной трубы, то не только выберемся из этих переходов, где селениты преследуют нас, но и...

— А если труба окажется слишком узкой?

— Мы опять спустимся вниз. Тс... тсс, — сказал я вдруг, — что это такое?

Мы прислушались. Сперва раздавалось какое-то невнятное бормотание, затем прозвучал резкий звон гонга.

— Они, должно быть, считают нас за лунных коров, — сказал я, — если хотят застрашать такими способами.

— Они идут по проходу там внизу, — сказал Кавор.

— Должно быть, так.

— Они не обратят внимания на расщелину. Они пройдут мимо.

Снова я стал прислушиваться.

— На этот раз, — прошептал я, — они, вероятно, захватили с собой какое-нибудь оружие.

Тут я вдруг вскочил на ноги.

— Боже мой, — вскричал я. — Кавор, но они заметят грибы, которые я сбросил вниз. Они...

Я не договорил начатой фразы. Я обернулся и прыгнул через грибную заросль по направлению к дальнему концу пещеры. Я увидел, что пещера сворачивает там в сторону и опять становится узкой расщелиной, пронизанной сквозняком и уходящей в непроглядную тьму. Я уже готов был

углубиться туда, когда меня вдруг осенила счастливая мысль.

— Что вы делаете? — спросил Кавор.

— Идите, — сказал я, а сам вернулся, сорвал два светящихся гриба, сунул один из них в боковой карман моей фланелевой куртки, чтобы он освещал мне путь, а второй гриб вручил Кавору. Теперь селениты шумели так сильно, что, очевидно, должны были находиться под самой расщелиной. Но им было трудно влезть туда или, быть может, они колебались, опасаясь сопротивления с нашей стороны. Во всяком случае мы могли теперь утешаться мыслью об огромном мускульном превосходстве, которое нам давало рождение на другой планете. Минуту спустя я уже торопливо полз кверху, следуя за светящимися голубым светом пятками Кавора.

XVII

БИТВА В ПЕЩЕРЕ ЛУННЫХ МЯСНИКОВ

Я не знаю, как долго мы карабкались, прежде чем добрались до решетки. Быть может, мы поднялись на высоту лишь нескольких десятков метров, но в то время мне казалось, что мы ползли, протискивались и притягивались на мускулах больше километра, считая по вертикальной линии. Всякий раз, когда я вспоминаю об этом подъеме, в ушах моих отдается тяжелый лязг золотых цепей, сопровождавший каждое наше движение. Скоро суставы моих пальцев и колени были ободраны в кровь, и я здорово поцарапал себе щеку. Некоторое время спустя наша первоначальная прыть уменьшилась, движения стали более обдуманными, и мы уже не ушибались так больно. Шум, производимый преследовавшими нас селенитами, постепенно замер в отдалении. Быть может, в конце концов, они не заметили наших следов у решетки, несмотря на улику в виде кучи грибов, которые должны были валяться внизу. Порой расщелина настолько суживалась, что мы едва могли пробираться сквозь нее; порой она расширялась, образуя большие пустоты, щетинившиеся колючими кристаллами или густо поросшие тускло мерцающими прыщевидными грибами. Иногда она извивалась спиралью, а иногда тянулась

Я увидел шар (стр. 146).

вперед почти по горизонтальной линии. То и дело мы слышали падение капель и журчание воды. Раз два мне почудилось, что какие-то маленькие живые существа прошмыгнули мимо нас, но мы так и не успели их как следует рассмотреть. Весьма возможно, что это были ядовитые гады. Впрочем, они не причинили нам вреда, а мы были в таком состоянии духа, что эта мелкая ползучая нечисть ничего не значила для нас... Наконец, далеко вверх, опять блеснул знакомый голубоватый свет, и мы увидели, что он проникает сквозь решетку, преграждавшую нам путь.

Мы стали шептаться, указывая друг другу на эту решетку, и поползли вверх гораздо осторожнее. Вскоре мы очутились непосредственно под нею — и, прижавшись лицом к брусам, я мог рассмотреть некоторую часть находившейся впереди пещеры. Это было весьма обширное помещение, освещавшееся ручейком того же самого голубого света, который струился из виденной нами машины. У самого моего лица, между брусками решетки, непрерывно капала вода.

Прежде всего я, естественно, постарался разглядеть, что находится на полу пещеры. Но решетка лежала в углублении, края которого скрывали ближайшие предметы от наших глаз. Тут мое внимание было вновь привлечено разнообразными звуками, доносившимися до нас, и я различил множество смутных теней, которые двигались по тускло освещенному своду высоко вверх.

Было совершенно несомненно, что в этом пространстве находятся селениты, быть может весьма многочисленные, потому что мы могли слышать их чириканье и какие-то слабые звуки, которые я счел топотом ног. Кроме того раздавались мерные, правильно повторявшиеся удары: тук, тук, тук. Они то смолкали, то начинались вновь и напоминали стук ножей или заступов по чему-то мягкому. Затем раздавалось лягание цепей, свист и грохот, как будто грузовая платформа катилась вдоль пустого помещения, после чего стук возобновлялся. Тени на потолке двигались быстро и ритмично, в такт этому правильно повторявшемуся стучанию, и останавливались, когда оно прекращалось.

Мы тесно сдвинули наши головы и неслышным шопотом начали обсуждать создавшееся положение.

— Они чем-то заняты, — сказал я. — Они работают.

— Да.

— Они не ищут нас. Они ничего о нас не знают.

— Быть может, они никогда о нас не слыхали.

— Те, которые гонятся за нами, остались внизу. Если мы внезапно появимся здесь...

Мы поглядели друг на друга.

— Быть может, удастся вступить в переговоры, — сказал Кавор.

— Нет, — сказал я, — только не теперь!

— Некоторое время мы молчали, поглощенные своими мыслями.

Тук, тук, тук! — раздавались удары ножей, и тень двигались взад и вперед.

Я осмотрел решетку.

— Она не слишком прочна, — сказал я. — Можно отогнуть два прута и пробраться между ними.

Мы потеряли немало времени в бесплодных пререканиях. Затем я ухватился обеими руками за один из брусьев решетки, уперся ногами в скалу так, что они оказались почти на одном уровне с моей головой, и изо всей силы потянул за брус. Он поддался так внезапно, что я едва не полетел вниз. Тогда я вскарабкался повыше, отогнул соседний брус, вынул из кармана светящийся гриб и швырнул его в расщелину.

— Только не будьте, пожалуйста, опрометчивы, — шепнул мне Кавор, в то время как я пробирался в расширившееся отверстие. Пролезая сквозь решетку, я мельком увидел хлопотливые фигурки селенитов, и тотчас же упал ничком так, что края углубления, в котором помещалась решетка, скрыли меня от их глаз. Уткнувшись носом в землю, я знаком посоветовал Кавору следовать за мной. Вскоре мы уже лежали бок-о-бок в углублении, рассматривая поверх его краев пещеру и ее обитателей.

Пещера оказалась гораздо обширнее, чем мы предполагали с первого взгляда, и мы находились в самом дальнем конце ее покатого дна. Она расширялась по мере удаления от нас, своды ее становились ниже и совершенно скрывали от наших глаз более отдаленные части. И вытянувшись в ряд вдоль стены, исчезая, наконец, в глубине далекой перспективы, лежали во множестве какие-то огромные предметы, объемистые бледные цилиндры, над которыми хлопотали селениты. Сначала эти предметы показались мне крупными белыми болванками, о назначении

которых я не мог догадаться. Потом я заметил обращенные в нашу сторону безглазые и ободренные головы, напоминавшие головы баранов в лавке мясника, и различил, что позади их находятся туловища лунных коров, которых селениты разрубали так, как экипаж китобойного судна разрубает туши пришвартованного к борту кита. На одной из дальних туш уже виднелись обнажившиеся белые ребра. Удары топориков производили постукивание, слышанное нами. Какая-то штука, вроде тележки, двигавшаяся вдоль стального каната, бегала по наклонному дну пещеры с грузом уже разрубленного мяса. Эта огромная вереница туш, предназначавшихся в пищу, подтверждала догадку о многочисленности лунного населения, зародившуюся у нас, когда мы в первый раз мельком поглядели в шахту.

Сначала мне показалось, что селениты стоят на досках, положенных на козлы,¹ но потом я увидел, что и доски, и козлы, и топорики отбрасывают такой же свинцовый отблеск, как мои цепи. Много толстых металлических полос валялось на земле. Как видно, ими пользовались, чтобы перевертывать с боку на бок мертвых коров. В длину эти полосы имели футов до шести, и каждая была снабжена рукояткой, словно заступ. В случае нужды эти металлические брусья могли послужить весьма удобным оружием. Вся пещера освещалась тремя поперечными потоками голубой жидкости.

Долгое время мы лежали молча, рассматривая все бывшее перед нами.

— Что же дальше? — спросил наконец Кавор. Я согнулся еще ниже и повернулся к нему. Блестящая мысль осенила меня.

— Если они не спускают сюда этих туш при помощи подъемного крана, то мы, должно быть, находимся гораздо ближе к поверхности, чем я думал.

— Почему?

— Лунная корова не может прыгать и у нее нет крыльев.

¹ Сколько помнится, я совсем не видел на Луне предметов, сделанных из дерева: двери, столы и все другие вещи, изготавливаемые у нас на Земле плотниками, там выделяются из металла, и притом, как я полагаю, главным образом из золота. В самом деле, при прочих равных условиях, золото может считаться наиболее удобным из всех металлов вследствие легкости его обработки, ковкости и прочности. (*Прим. Бедфорда.*)

Кавор снова посмотрел через край впадины.

— Этого следовало ожидать, — начал он, — ведь, мы, в конце концов, все время оставались довольно близко от поверхности...

И схватил его за руку и заставил замолчать: я услышал шум в расщелине позади нас.

Мы съезжились и лежали тихо как мертвые, напрягая зрение и слух. Вскоре я уже более не сомневался, что кто-то преспокойно взбирается вверх по расщелине. Медленно и совершенно беззвучно я обмотал руку цепью и ждал, что будет дальше.

— А вы пока не спускайте глаз с этих молодцов с топориками, — сказал я.

— Они работают попрежнему, — сказал Кавор.

На всякий случай я попробовал, удобно ли будет бить кулаком наотмашь между брусьями решетки. Теперь я мог совершенно отчетливо слышать тихое щебетание поднимающихся селенитов, шлепание их ладоней по скале и шорох осыпавшегося щебня.

Затем я увидел, как что-то задвигалось в черной тьме пониже решетки, но что именно — рассмотреть не мог. Казалось, какое-то существо прицелилось в меня, и затем — трах! Я вскочил на ноги и изо всех сил ударил по направленному в меня тонкому острию копья. Впоследствии я догадался, что длина этого копья при чрезвычайной узости расщелины помешала ему попасть в меня. Как бы там ни было, оно просунулось сквозь решетку, как змеинное жало, ударило мимо цели, спряталось и выдвинулось опять. Но на этот раз я успел схватить его и вырвать, не прежде, однако, чем второе копьё было брошено в меня и опять мимо.

Я испустил вопль торжества, чувствуя, как селенит выпустил копьё после мгновенного сопротивления. Затем я начал колоть им между брусьями решетки. Пронзительные крики доносились из темноты, а тем временем Кавор, схватив второе копьё, прыгал и махал руками со мною рядом, тщетно стараясь подражать мне. Бац, бац, бац, — сыпались удары сквозь решетку, — и вдруг топор пролетел по воздуху и ударился в скалу над нашими головами, напомнив нам о мясниках, находившихся в пещере.

Я обернулся и увидел, что все они приближаются к нам развернутым строем, потрясая топориками. То были коротенькие толстенные карапузы с руками, гораздо более

длинными, чем у тех селенитов, которых мы видели прежде. Если они действительно никогда до сей поры не слышали о нас, то надо признаться, что они с невероятной быстротой сообразили, в чем дело. Одну секунду я глядел на них, не выпуская копыя из рук.

— Охраняйте решетку, Кавор! — крикнул я, потом громко завыл, чтобы смутить нападающих, и бросился к ним навстречу. Двос, бывшие впереди, метнули в меня свои топорики, но безуспешно, а все прочие немедленно разбежались. Тогда оба смельчака тоже пустились наутек вдоль пещеры, прижав руки к телу и наклонив головы. Я никогда не видел, чтобы люди так бегали.

Я знал, что копые — плохое оружие для меня. Оно было слишком тонко и слишком хрупко, им можно было только колоть, а при его длине нелегко было выдергивать его обратно. Поэтому я преследовал селенитов только до первой туши. Здесь я остановился и поднял один из металлических брусьев, валявшихся кругом. Он был достаточно тяжел и как нельзя лучше годился для расправы с целой ордой селенитов.

Тогда я отшвырнул копые в сторону и взял второй брус в другую руку. Теперь я почувствовал себя гораздо увереннее. Я погрозил моими брусьями селенитам, столпившимся в верхней части пещеры, и обернулся поглядеть на Кавора.

Он прыгал из стороны в сторону у решетки и наносил удары в пустоту древком уже сломавшегося копыя. Он мог удерживать селенитов внизу, — по крайней мере некоторое время. Я опять оборотился в сторону пещеры. Что оставалось нам делать, чорт побери?

В сущности мы были уже окружены; но наше внезапное появление ошеломило мясников; они вероятно растерялись, и у них не было никакого оружия, кроме маленьких топориков. Стало быть, именно через пещеру следовало спасаться.

Приземистые маленькие фигурки, гораздо более короткие и толстые, чем фигурки лунных пастухов, толпились по склону в беспорядке, красноречиво свидетельствующем о нерешительности. А на моей стороне были все преимущества бешеного быка, выбежавшего на людную улицу. Но при всем том мясников было, повидимому, страшно много. У селенитов, оставшихся внизу, в расщелине, оказались дьявольски длинные копыя. Быть может, они готовят нам

еще какой-нибудь сюрприз... Но, черт побери, если мы пойдем в атаку вдоль пещеры, то оставим их далеко позади себя, а если будем медлить, маленькие уродцы, находящиеся перед нами, вероятно получают подкрепление. Одному богу известно, какими диковинными орудиями для нашего уничтожения — пушками, бомбами, самодвижущимися минами — располагает неведомый мир, находящийся у нас под ногами, — обширный мир, которому мы успели разбредить только внешнюю кожу. Было совершенно ясно, что нам остается только одно — идти в атаку. И это стало еще яснее, когда показались новые селениты, бежавшие по направлению к нам по наклонному дну пещеры.

— Бедфорд! — крикнул Кавор и — глядь: он уже очутился на половине дороги между мной и решеткой.

— Назад! — крикнул я. — Что вы делаете?

— Они принесли... что-то вроде ружья.

И действительно, у решетки, между оцетинившимися копыями, показались голова и плечи необычайно худого и угловатого селенита, державшего какой-то сложный аппарат.

Я понял, что Кавор совершенно неспособен выдержать бой такого рода. Одну секунду я колебался; затем бросился назад, потрясая брусом и громко крича, чтобы помешать селениту правильно целиться.

Он целился очень странно, держа свое оружие около живота. З-з-з-з! — Это было не ружье. Это скорее напоминало самострел. Стрела поразила меня во время прыжка.

Я не упал; я просто опустился на землю немного раньше, чем следовало. По ощущению в плече я понял, что стрела слегка задела меня и скользнула мимо. Потом моя левая рука нащупала древко, и я заметил, что небольшое копые воткнулось в мое тело возле плеча. Мин спустя я уже твердо стоял на ногах с металлическим брусом в правой руке и наотмашь ударил им селенита. Он сломался, рассыпался на куски. Голова его разбилась как яйцо.

Я кинул брус, вытащил копые из плеча и начал колотить в темноту сквозь решетку. После каждого удара раздавались пронзительные вопли и чириканье. Наконец я из всех сил швырнул копые в селенитов, опять поднял брус и обратился против толпы, наполнявшей пещеру.

— Бедфорд! — кричал Кавор в то время, как я пробежал мимо него. — Бедфорд!

Помнится, я слышал его шаги позади меня.

Гоп, гоп, гоп!.. Каждый скачок длился целые века. С каждым скачком пещера становилась все обширнее, и число селенитов явно возрастало. Вначале казалось, что они бегают вокруг нас как муравьи в потревоженном муравейнике. Двое или трое сунулись мне навстречу, размахивая топориками, но большинство бежало, причем некоторые прятались между тушами лунных коров. Но тотчас же в виду появлялись другие, вооруженные пиками или совсем безоружные. Мне чудилось, что я вижу какое-то небывалое существо, сплошь состоящее из одних рук и ног и старающееся где-нибудь укрыться. В пещере становилось заметно темнее. — Фью! — что-то пролетело у меня над головой — фью, фью! Подпрыгивая, я увидел копье, воткнувшееся в одну из туш слева от меня. Потом, когда я опустился, другое копье ударилось о землю прямо передо мной, и я услышал впереди жужжание самострелов. Фью, фью! В течение одной секунды это был настоящий ливень. Они стреляли залпами. Я остановился как вкопанный.

Не думаю, чтобы мысли мои были совершенно ясны в ту минуту. Но, кажется, издавна запомнившиеся слова военной команды пронеслись в моем уме: «Зона обстрела! Ищи прикрытия». Как бы там ни было, я метнулся в сторону и остановился между двумя тушами, громко пыхтя и чувствуя себя очень скверно.

Я оглянулся, отыскивая глазами Кавора. Один миг казалось, что он исчез бесследно. Затем он вынырнул из темноты между вереницей туш и скалистой стеной пещеры. Я увидел его маленькое темно-синее лицо, лоснившееся от пота и искаженное волнением.

Он говорил мне что-то, но я не слышал. Я понял, что, перебегая от одной лунной коровы к другой, мы можем подвигаться вдоль пещеры, пока не представится случай сделать вылазку. Спасти нас могла только вылазка.

— Следуйте за мной, — сказал я и помчался вперед.

— Бедфорд! Бедфорд! — кричал он тщетно.

Мой ум лихорадочно работал в то время, как мы подвигались по тесному проходу между мертвыми тушами и стеной пещеры. Скалы изгибались, и селениты не могли обстреливать нас анфиладным огнем. Хотя в этом тесном пространстве нам нельзя было прыгать, все же, благодаря нашей земной силе, мы подвигались гораздо проворнее, чем наши противники. Я сообразил, что теперь мы находимся как раз посреди них. И лишь только нам удастся

подойти к ним вплотную, они будут не опаснее черных тараканов. Но... Сперва надо выдержать залп. Я придумал военную хитрость. Я снял на бегу свою фланселевую куртку.

— Бедфорд! — пыхтел Кавор позади меня.

Я оглянулся.

— Что? — спросил я.

Он указывал вдаль, туда, куда уводила вереница туш.

— Белый свет! — крикнул он. — Опять белый свет!

Я взглянул, и это была правда: смутный белый призрак полусвета маячил на потолке в дальнем конце пещеры. Это удвоило мои силы.

— Не отставайте! — крикнул я.

Плоский, длинный селенит высунулся из мрака, пронзительно взвизгнул и убежал. Я остановился, движением руки удержав Кавора, сторбился в три погибели у ближайшей туши, положил на землю куртку и брусья, показавшись селенитам и опять спрятался.

— Зззз — фью-у! — стрела пролетела тотчас же. Мы находились совсем близко от селенитов. Они столпились в кучу, — толстые, низкие и высокие, все вместе, — и поставили свою маленькую батарею метательных приборов поперек пещеры. Две или три стрелы пролетели вслед за первой, после чего залпы прекратились.

Я опять высунулся, и стрела просвистела на один волосок мимо моей головы. На этот раз последовало не менее дюжины выстрелов. Я слышал, как селениты, стреляя, щебетали и чирикали в величайшем возбуждении. Я снова поднял куртку и брусья.

— Пора, — сказал я и выставил вперед куртку.

— Зззз — зззз! — В один миг моя куртка обросла густой бородою стрел. Кроме того, они истыкали всю коровью тушу, находившуюся позади нас. Моментально я сорвал куртку с бруса, бросил ее, — полагаю, что она до сей поры лежит там, — и устремился на селенитов.

Минуты две продолжалась бойня. Я слишком рассвирепел, чтобы соразмерять удары, а селениты, вероятно, слишком растерялись, чтобы сопротивляться. Во всяком случае они не сделали ни малейших попыток вступить в битву со мною. Вся кровь бросилась мне в голову. Помню, что я шагал по этим кожистым щуплым существам, как человек шагает по высокой траве, взмахивая косою сперва вправо, потом влево. Шлеп, шлеп — во все стороны разле-

тались мелкие капли влаги. Я ступал по живым существам, которые ломались, пищали и превращались в скользкую жижу у меня под ногами. Толпа расступалась передо мной, смыкалась позади и растекалась, как вода. Никакого определенного плана действия у селенитов, видимо, не было. Несколько копий пролетело мимо меня; одно из них слегка поранило мне ухо. Кроме того у меня оказалась одна царапина на руке и одна на щеке, но я заметил это только тогда, когда льющаяся кровь успела охладиться, и я почувствовал мокроту.

Право, не знаю, что делал в это время Кавор. Мне тогда казалось, что битва длится целое столетие и будет продолжаться вечно. Затем все вдруг кончилось, и ничего больше не было видно, кроме голов и спин разбежавшихся во все стороны селенитов... В общем я был, повидимому, невредим. С громким криком я пробежал еще несколько шагов вперед и затем обернулся. Я совсем ошалел.

Длинными порхающими шагами я прорвался насквозь, через всю их толпу, и теперь они остались позади меня, и бежали взад и вперед, ища, где бы укрыться.

С величайшим удивлением и внезапной радостью я почувствовал, что закончилась великая битва, в которую я кинулся очертя голову. Мне чудилось, я одержал победу не потому, что селениты были невероятно хрупки, но потому, что сам я необычайно силен. Я рассмеялся идиотским смехом. Экая удивительная штука, эта Луна!

С неясной мыслью о новых убийствах я одну секунду глядел на раздавленные и скорченные тела, разбросанные по дну пещеры, и затем поспешил вслед за Кавором.

XVIII

СНОВА ПОД СОЛНЦЕМ

Вскоре мы увидели, что пещера расширяется перед нами в какую-то туманную пустоту. Минуту спустя мы достигли наклонной галереи, которая соединялась с огромной цилиндрической шахтой, тянувшейся вертикально вверх и вниз. Галерея, не имевшая ни дверей, ни барьеров, делала вокруг шахты полтора оборота и затем, высоко вверху, снова исчезала в скале. Она напоминала мне из-

вивающиеся спиралью железные дороги на Сен-Готарде. Все было поразительно велико. Мне вряд ли удастся описать здесь колоссальные размеры этого сооружения, грандиозное впечатление, которое оно производило. Скользя взглядом по исполинскому отвесу стен шахты, мы заметили высоко у себя над головами круглое отверстие с тускло мерцающими звездами, причем половина его была ослепительно озарена белым солнечным светом. Оба мы одновременно вскрикнули.

— Идем! — сказал я и первый двинулся вперед.

— Но что делается там? — спросил Кавор и осторожно приблизился к краю галереи. Я последовал его примеру, наклонился и заглянул вниз. Но яркий верхний свет ослепил меня, и теперь я мог видеть только бездонную тьму, в которой призрачно маячили пурпуровые и багровые пятна. Но если я ничего не видел, зато кое-что слышал. Из тьмы доносился звук, напоминавший гневное жужжание потревоженного пчелиного улья. Этот звук доносился со дна огромной ямы, которая, быть может, имела в глубину километров шесть, считая от того места, где мы стояли.

Один миг я прислушивался, потом схватил мои металлические брусья и двинулся вверх по галерее.

— Вероятно, это та самая шахта, в которую мы уже заглядывали, — сказал Кавор. — Та, что была под крыш-кой.

— И тогда внизу мы видели огни...

— Огни, — сказал он, — да, огни того мира, который нам никогда не суждено увидеть.

— Мы еще вернемся, — сказал я.

Теперь, когда нам удалось прорваться так близко к поверхности Луны, я был почти уверен, что мы найдем шар.

Ответа Кавора я не расслышал.

— Что? — переспросил я.

— Ничего, — ответил он, и мы молча начали подниматься вверх.

Я полагаю, что наклонная боковая дорога имела от шести до восьми километров, принимая в расчет ее кривизну, и была так крута, что на Земле нам было бы почти невозможно подниматься по ней. Но на Луне мы шагали с величайшей легкостью. На этом отрезке нашего пути мы встретили только двух селенитов, которые, заметив нас, тотчас же убежали сломя голову. Очевидно, они уже слы-

шали о нашей силе и свирепости. Вообще — сверх ожиданий — нам уже не пришлось больше преодолевать никаких серьезных препятствий. Спиральная галерея, сузившись, превратилась в круто поднимающийся вверх туннель, на дне которого виднелись многочисленные следы лунных коров. Туннель этот был так короток по сравнению со своим непомерно высоким сводом, что в него тотчас же начал проникать свет. Затем где-то далеко впереди ослепительным блеском засияло выходное отверстие — крутой горный склон, увенчанный порослью колючих кустарников, теперь уже высоких и изломанных, сухих и мертвых, рисовавшихся щетинистыми силуэтами против солнца.

И странно: мы, люди, которым недавно та же самая растительность казалась такой зловещей и страшной, теперь смотрели на нее с волнением изгнанников, возвращающихся к себе в отечество. Мы радовались даже разреженному воздуху, который заставлял нас задыхаться на бегу и сильно затруднял нашу беседу, ибо теперь снова приходилось напрягать голос, чтобы слова звучали отчетливо. Освещенный солнцем круг над нами становился все шире и шире, а позади нас туннель все более погружался в непроглядную черноту. Мы увидели колючие кустарники уже без малейшего проблеска зелени — бурые, сухие и толстые. Тень верхних ветвей, все еще невидимых для нас, запутанным узором покрывала беспорядочно нагроможденные скалы. Тотчас же за устьем туннеля простиралось обширное истоптанное пространство, по которому выходили и входили лунные коровы.

Миновав это пространство, мы, наконец, выбрались на солнцепек. Зной подействовал на нас угнетающе. Мы с трудом перебрались через открытую площадку, вскарабкались по склону между кустарниками и сели, пытая и отдуваясь, в тени, отбрасываемой нависшей массой лавы. Но даже в тени скала была горяча на ощупь.

Воздух был чрезвычайно жарок, и мы сразу почувствовали себя очень скверно, но все же, как-никак, мы избавились от кошмара. Мы воротились обратно в наши собственные владения, в звездный мир. Все страхи и все душевное напряжение нашего бегства по темным переходам и расщелинам остались позади. Последняя битва внушила нам безграничную веру в себя. Со смутным недоумением оглядывались мы назад, на черное отверстие, из

Доберусь ли я до шара? (стр. 153).

которого только что вышли. Там, внизу, в голубом мерцании, которое теперь представлялось нам совершенным мраком, нас встретили существа, казавшиеся нелепыми карикатурами на людей, — создания со шлемообразными головами. Мы боязливо следовали за ними и повиновались им, доколе повиновение не стало окончательно невозможным. И вот эти существа были раздавлены, как воск, разлетелись, как солома по ветру, рассеялись и исчезли, как порождения сна.

Протирая глаза, я спрашивал себя: полно, да уж не привиделось ли нам все совершившееся во сне, вызванном ядовитыми грибами. Но тут я вдруг заметил кровь у себя на лице, тотчас же почувствовал боль в руке и плече, к которым приклеилась рубашка.

— Чорт побери, — сказал я, осторожно ощупывая свои ранения, и вдруг далекое жерло туннеля представилось мне глазом, внимательно наблюдающим за нами.

— Кавор, — спросил я, — что они теперь сделают? И что делать нам?

Он покачал головой, не переставая глядеть на туннель.

— Как знать, что они теперь сделают? Все зависит от того, что они думают о нас, а разве мы можем это угадать? Многое также зависит от того, какими средствами борьбы они располагают. Вы правильно сказали, Кавор, что мы коснулись только внешнего покрова этого мира. У них там в глубине, вероятно, есть всякие штуки. Даже от их самострелов нам может прийти плохо.

— И все-таки, — продолжал я, — если мы даже не бтышем сразу наш шар, у нас есть шансы... Мы можем держаться... Даже ночью. Мы можем опять спуститься вниз и вступить в новый бой.

Я пытливо оглянулся по сторонам. Весь характер пейзажа совершенно переменялся, потому что чудовищно разросшиеся кустарники уже увядали и засыхали. Гребень, на котором мы сидели, был очень высок, и с него открывался обширный вид на кратер, высушенный осенним дыханием кончающегося лунного дня. Ряд за рядом тянулись продолговатые откосы и бурые истоптанные луга, на которых паслись лунные коровы. Вдали, на солнцепеке, дремало целое стадо — разбросанные там и сям туши, каждая с полоской тени вблизи себя, похожие на баранов, прикорнувших на холмике. Нигде не было видно ни малей-

шего следа селенитов. Я не мог решить, что с ними стало, — убеждали они, завидя наше появление, или вообще имели привычку удаляться, выгнав лунных коров на пастбище. В то время я склонялся к первому предположению.

— А что, если поджечь эти кусты? — спросил я. — Мы могли бы найти шар среди пепла.

Казалось, Кавор не слышал. Защитив глаза рукою, он смотрел на звезды, которые, несмотря на яркий солнечный свет, во множестве виднелись на небе.

— Как вы думаете, — спросил он наконец, — долго ли мы находимся здесь?

— Где здесь?

— На Луне.

— Два земных дня или около того.

— Больше десяти дней! Знаете ли вы, что Солнце уже прошло зенит и склоняется к западу. Дня через четыре и даже меньше наступит ночь.

— Но... ведь, мы ели только один раз.

— Я знаю. И... однако посмотрите на звезды.

— Но почему время представляется нам менее долгим, когда мы находимся на маленькой планете?

— Не знаю. Но это так.

— Как же надо измерять время?

— Голодом, усталостью... Но все это здесь совсем иное, чем у нас. Мне лично кажется, что с тех пор, как мы впервые вылезли из шара, прошло всего несколько часов, быть может очень долгих часов, но и только.

— Десять дней! — повторил я. — Это значит...

Я посмотрел на Солнце и увидел, что оно находится как раз на половине пути между зенитом и западным краем горизонта.

— Осталось только четыре дня... Мы не смеем сидеть здесь и болтать о пустяках. Как вы думаете, с чего начать?

Я вскочил на ноги.

— Надо наметить какой-нибудь определенный пункт, который легко запомнить. Мы можем повесить флаг, или платок, или что-нибудь в этом роде, а потом разделим всю местность на квадраты и станем обследовать их поочередно.

Кавор тоже поднялся и теперь стоял со мной рядом.

— Да, — сказал он, — нам ничего другого не осталось, как пуститься на охоту за шаром. Мы можем найти его. Несомненно, мы можем найти его. Если же нет...

— Надо искать!

Он посмотрел направо и налево, скользнул взглядом по небу, потом взглянул на туннель и вдруг озадачил меня, сделав нетерпеливое движение рукой.

— Мы вели себя ужасно глупо. Попали в такой тупик... Как много могли мы сделать!

— Мы и теперь можем кое-что сделать.

— Но совсем не то, что прежде. Здесь, у нас под ногами, целый мир. Подумайте, какой мир! Вспомните о машине, которую мы видели, о движущейся крышке и о шахте! А, ведь, это лишь далекая окраина, и те существа, с которыми мы дрались, всего-навсего невежественные крестьяне, живущие у самой поверхности, пастухи и чернорабочие... А там, внизу, пещеры за пещерами, туннели, дороги... Чем дальше в глубину, тем обширнее, величественнее и населеннее должен становиться лунный мир... Обязательно! И в самом низу — Центральное море, омывающее сердцевину Луны. Представьте себе его чернильные воды при скудном свете... если, впрочем, глаза селенитов нуждаются в свете... Подумайте о притоках этого моря, каскадами струящихся по каналам. Подумайте о приливах на его поверхности, о его течениях и водоворотах. Быть может, там есть корабли, которые плавают по этому морю; быть может, внизу находятся обширные города и оживленные дорожки, быть может, там царствует мудрость и порядок, превышающие человеческое разумение. А мы можем умереть здесь, никогда не увидев хозяина этого мира. Мы замерзнем и умрем здесь, и воздух затвердеет и потом оттает, но нас тогда... тогда селениты найдут нас, найдут наши окоченелые безмолвные тела, отыщут шар и поймут слишком поздно, сколько мыслей и сколько энергии потрачено здесь понапрасну.

Во время произнесения этой речи голос его звучал слабо и словно доносился издали, как у человека, разговаривающего по телефону.

— А темнота? — спросил я.

— Это можно преодолеть.

— Как?

— Я не знаю. Откуда мне знать? Можно взять факел. Можно добыть лампу. Наконец, те, нижние, селениты могут понять, что нам требуется.

Одну секунду он стоял, опустив руки и с грустью на лице рассматривал враждебную пустыню. Затем, незна-

дежно махнув рукой, обернулся ко мне и предложил заняться систематическими поисками шара.

— Мы еще вернемся, — сказал я.

Он оглянулся по сторонам:

— Прежде всего надо попасть обратно на Землю.

— Мы можем доставить сюда переносные лампы, железные кошки для лазания по скалам и сотни других необходимых вещей.

— Да, — сказал он.

— Ручательством за успех служит золото.

Он поглядел на мои золотые брусья и некоторое время не говорил ни слова. Он стоял, сложив руки за спиной, и осматривал кратер. Наконец, тяжело вздохнул и заговорил:

— Я отыскал сюда путь, но найти путь еще не значит быть хозяином пути. Что случится, если я принесу мою тайну обратно на Землю. Я не знаю, удастся ли мне сохранить ее хотя бы в течение года, хотя бы в течение нескольких месяцев. Рано или поздно все станет известным. Да и другие люди могут сделать то же самое открытие, и тогда... Все державы устремятся сюда, они будут воевать между собою и с лунным народом. Все это повлечет усовершенствование военного искусства и создаст новые поводы для войны. Если я раскрою мою тайну, то скоро, очень скоро эта планета до самых глубочайших галерей своих будет усеяна трупами. Все прочее сомнительно, но это достоверно. И разве человеку нужна Луна? Какую пользу могут извлечь люди из Луны? Даже свою собственную планету они превратили в поле битвы, в арену нескончаемого безумия. Как ни тесен мир человека и как ни короток его век, все же у него довольно найдется дела и на Земле. Нет, нет, наука слишком долго трудилась, выковылавая оружие для глупцов. Пора ей отойти в сторону. Пусть глупец сам откроет мою тайну, — лет этак через тысячу.

— Есть способы сохранить тайну, — сказал я.

Он взглянул на меня и улыбнулся.

— В конце концов, — сказал он, — стоит ли беспокоиться? У нас очень мало шансов отыскать шар, а там внизу что-то затевается. Только неискоренимая человеческая привычка не терять надежды до самой смерти заставляет нас думать о возвращении. Настоящие трудности для нас только начинаются. Мы показали этому лунному народу нашу склонность к насилию, мы дали им почув-

ствовать, кто мы такие, и шансов на спасение у нас не больше, чем у тигра, который вырвался на волю и растерзал человека в Гайд-Парке. Вести о нашем появлении разносятся теперь из галереи в галерею, все ниже и ниже, к центральным областям. Разумные существа не могут позволить нам вернуться с нашим шаром на Землю после всего, что мы здесь натворили.

— Понапрасну теряя здесь время, — ответил я, — мы не увеличиваем наших шансов.

Теперь мы стояли бок-о-бок.

— В конце концов, — сказал он, — лучше всего нам разойтись. Надо повесить носовой платок на этих высоких шипах, как следует укрепить его и, отправляясь от этого центра, обследовать кратер. Вы пойдете на запад, описывая полукруги вправо и влево против заходящего Солнца. Сперва вы должны идти так, чтобы тень падала с правой стороны от вас, до тех пор, пока она не образует прямого угла с линией, проведенной от этого платка. После этого идите, имея тень по левую руку от себя. Я буду делать то же самое в восточном направлении. Надо заглядывать в каждый овраг, обследовать каждую расщелину между скалами. Мы сделаем все, от нас зависящее, чтобы найти шар. Если мы встретим селенитов, то будем прятаться от них по мере возможности. Для питья будем пользоваться снегом, а если почувствуем потребность в пище, то надо попытаться убить лунную корову и есть ее мясо в сыром виде. Итак, каждый из нас пойдет своим путем.

— А если один из нас отыщет шар?

— Он должен вернуться к белому платку, стать возле него и подавать другому сигналы.

— А если никто из нас...

Кавор посмотрел на Солнце.

— Мы будем искать, пока ночь и холод не застигнут нас.

— А что, если селениты нашли и спрятали шар?

Он пожал плечами.

— Или если они уже теперь гонятся за нами?

Он ничего не ответил.

— Вы лучше захватите с собой дубину, — посоветовал я.

Он покачал головой и смотрел куда-то мимо меня в пустое пространство.

Но он медлил пуститься в путь. Он застенчиво поглядел на меня, как будто колеблясь.

— До свиданья, — сказал он.

Я вдруг ощутил странное волнение. Мне стало грустно, что мы так часто раздражали друг друга, и особенно грустно, что я так часто раздражал и огорчал его.

«Чорт побери, — подумал я, — мы могли бы вести себя получше». Я уже хотел протянуть ему руку, чтобы как-нибудь выразить мои чувства, но он сдвинул ноги и отпрыгнул от меня прямо к северу. Одну минуту я стоял, провожая его глазами, потом нехотя повернулся лицом на запад, присел с чувством человека, бросающегося в ледяную воду, наметил цель для ближайшего прыжка и ринулся вперед, чтобы обследовать доставшуюся на мою долю половину лунного мира. Я свалился довольно неловко среди скал, встал на ноги, осмотрелся, вскарабкался на каменистую площадку и прыгнул опять.

Когда я еще раз оглянулся, отыскивая глазами Кавора, он уже исчез. Но платок, ослепительно белый при ярком сиянии солнца, весело развеивался на пригорке.

Я решил не терять его из виду, что бы там ни случилось.

ХІХ

М-Р БЕДФОРД В ОДИНОЧЕСТВЕ

Немного спустя мне уже казалось, что я всегда был один на Луне. Некоторое время я занимался поисками довольно усердно, но зной все еще был очень силен, и разреженность воздуха стягивала мне грудь, как ободом. Я попал в котловину, оцетинившуюся по краям кустарниками — высокими, бурыми, совсем засохшими, и уселся под ними, чтобы отдохнуть и остыть. Я собирался отдыхать совсем недолго. Мои золотые брусья я положил рядом с собой и сидел, опершись подбородком на руки. Довольно равнодушно я заметил, что скалы, окружавшие котловину и кое-где покрытые побегам сухого лишайника, были испещрены золотыми жилками, а местами круглые и складчатые самородки блестели между растительностью. Какое мне было теперь до этого дело! Тяжелая истома охватила тело мое и душу; в ту минуту я уже не

верил, что мне удастся отыскать шар в этой обожженной солнцем пустыне. Мне казалось, что не стоит делать никаких усилий, пока не появятся селениты. Но немного позднее, повинуясь тому перазумному инстинкту, который заставляет человека упорствовать и отстаивать свою жизнь хотя бы лишь для того, чтобы вскоре погибнуть гораздо более мучительной смертью, я решил, что надо бороться до конца.

Зачем мы прилетели на Луну?

Теперь мне это представлялось мудреной загадкой. Какой это дух побуждает человека вечно отказываться от спокойствия и счастья, мучиться, подвергать себя опасностям и часто идти на риск почти неминуемой гибели? Здесь, на Луне, я впервые начал смутно понимать то, что всегда должно было быть мне хорошо известно, а именно, что человек отнюдь не создан, чтобы жить спокойно и удобно, есть доотвала и постоянно развлекаться.

Почти каждый человек, если вы поставите ему этот вопрос не на словах, а на деле, докажет вам, что он отлично понимает это. Вопреки собственным выгодам, к явному вреду для себя, он постоянно совершает самые безрассудные поступки. Какая-то посторонняя сила, а вовсе не его собственная воля, управляет им, и он вынужден повиноваться. Но почему? Почему? Сидя над грудами бесполезного золота, в окружении чуждого мира, я начал мысленно перебирать всю свою жизнь. Мне, вероятно, суждено умереть изгнанником на Луне, а я даже не знаю, к какой цели я стремился. Мне не удалось разъяснить этот вопрос, но во всяком случае я почувствовал острее, чем когда-либо, что я никогда не стремился ни к одной цели, намеченной мной самим, что, — говоря по правде, — за всю мою жизнь я никогда не достигал ни одной цели, которая была бы моей собственной целью. Чьей же цели, чьим намерениям служил я?.. Тут я перестал размышлять о том, чего ради прилетели мы на Луну, и посмотрел на вещи с более широкой точки зрения. Зачем появился я на Земле? Почему мне была дарована эта отдельная, особая жизнь?.. Под конец я совсем заблудился в бездонных умствованиях.

Мысли мои стали мутиться и путаться, логическая связь между ними исчезла. Я не чувствовал себяотяжелевшим или разбитым усталостью, — по-моему, это вообще

невозможно на Луне, — но все же, полагаю, я здорово утомился. Как бы то ни было, я заснул.

Я думаю, что сон сильно подкрепил меня. А тем временем солнце садилось и зной уменьшался. Когда, наконец, какой-то отдаленный шум разбудил меня, я вновь ощутил бодрость и охоту к деятельности. Я протер глаза и потянулся. Встал на ноги — они темного затекли — и решил тотчас же возобновить поиски. Положив золотые брусья себе на плечи, я вылез из котловины золотоносных скал.

Солнце стояло ниже, несомненно много ниже, чем прежде. Воздух был гораздо прохладнее. Я понял, что, должно быть, спал довольно долго. Мне показалось, что тонкая пелена голубоватого тумана уже собирается возле западных утесов. Я вспрыгнул на небольшой скалистый бугор и осмотрел кратер. Нигде не заметно было ни лунных коров, ни селенитов, ни Кавора. Но я мог видеть вдалеке мой носовой платок, развевавшийся на колючем кусте. Я оглянулся по сторонам и прыгнул вперед к следующему возвышенному пункту.

Я продолжал мой путь постепенно расширявшимися полукругами. Это было очень утомительное и безнадежное занятие. Воздух несомненно становился все холоднее, и мне показалось, что тень у подножья западных утесов расширяется. То и дело я останавливался и осматривался, но нигде не видел ни Кавора, ни селенитов, а коров, вероятно, опять загнали внутрь Луны. Я, по крайней мере, не встретил ни одной. Все сильнее и сильнее мной овладевало желание снова встретиться с Кавором. Диск Солнца опустился уже так низко, что его отделяло от горизонта расстояние, не превышавшее его собственного диаметра. Меня угнетала мысль, что селениты скоро закроют свои крышки и клапаны и покинут нас в жертву безжалостной лунной ночи. Мне казалось, что Кавору следовало бы уже прекратить поиски и встретиться со мной для нового совещания. Я чувствовал, что необходимо принять немедленно какое-нибудь решение. Нам не удалось найти шар; больше не было времени искать его, а лишь только закроются все крышки, мы можем считать себя безвозвратно погибшими. Великая ночь мирового пространства опустится на нас — черная пустота абсолютной смерти. Все существо мое содрогалось от се приближения. Мы должны были вернуться внутрь Луны, если даже нам су-

ждено было быть убитыми при попытке сделать это. Меня преследовала страшная картина того, как мы, замерзнув до полусмерти, стучимся из последних сил в крышку большой шахты.

Я уже больше не думал о шаре. Я думал только о том, как бы снова встретиться с Кавором. Я даже склонился к мысли, что лучше вернуться во внутренность Луны без него, чем опоздать, разыскивая его. Я прошел большую часть пути по направлению к платку, когда вдруг...

Я увидел шар!

Правильнее будет сказать, что шар нашел меня, а не я его. Он лежал гораздо далее к западу, чем я предполагал, и косые солнечные лучи, отразившись в стеклах, внезапно оповестили о его присутствии своим ослепительным блеском.

В первую минуту я вообразил, что это какое-то новое оружие, пущенное в ход селенитами против нас, но затем я понял...

Я протянул руки, слабо вскрикнул и большими скачками помчался к шару. Один раз я прыгнул очень неудачно, свалился в глубокий овраг, повредил себе лодыжку и после этого хромал при каждом скачке. Я был почти в истерике, я дрожал с головы до ног и чуть не задохся, прежде чем успел добраться до шара. По крайней мере раза три я вынужден был останавливаться, прижимая руки к бокам, и, несмотря на сухость разреженного воздуха, все лицо мое было влажно от пота.

Пока я не добрался до шара, я не мог думать ни о чем другом. Я даже позабыл мою тревогу о Каворе. Наконец при последнем прыжке я с силой ударился руками о стекло. Тут я растянулся, тяжело дыша и тщетно стараясь крикнуть: «Кавор, вот наш шар».

Когда я немного оправился, то поспешил заглянуть сквозь стекло: все вещи внутри показались мне сваленными в одну беспорядочную кучу. Я наклонился, чтобы лучше видеть. Потом попробовал забраться внутрь. Пришлось несколько приподнять шар, чтобы просунуть голову в отверстие люка. Завинчивающаяся крышка лежала на своем месте, и теперь я увидел, что ничто не тронuto и не повреждено. Вещи оказались в том самом положении, в каком мы оставили их, когда выпрыгнули на снег. Нечто, которое время я был занят исключительно проверкой нашего имущества. Я заметил, что меня колотит сильнейший

озноб. Как приятно было увидеть привычный сумрак внутри шара! Просто даже выразить не могу, как приятно. Забравшись внутрь, я присел среди багажа. Я глядел сквозь стекло на лунный мир и содрогался. Я положил на тюк мои золотые дубины, достал кое-какую провизию и поел, — не потому, что мне хотелось, но потому что пища была под рукой. Потом вспомнил, что пора выйти наружу и подать сигнал Кавору. Но вылез не сразу. Что-то удерживало меня внутри шара.

В конце концов все улаживалось как нельзя лучше. У нас еще будет довольно времени, чтобы набрать здесь побольше того волшебного металла, который дает власть над людьми. Здесь повсюду раскидано золото, а наш шар, до половины нагруженный золотом, будет передвигаться в пространстве с такой же легкостью, как если бы он был совершенно пустым. Теперь мы можем вернуться обратно на Землю безусловными хозяевами своей судьбы и нашего мира и затем...

Наконец я встал и с усилием выбрался из шара. Дрожь охватила меня, лишь только я очутился снаружи, потому что вечерний воздух был уже очень прохладен. Я стоял в котловине и осматривался. Я внимательно обыскал взглядом окружающие кусты, прежде чем вспрыгнул на ближайший выступ скалы и повторил оттуда мой первый лунный скачок. Но теперь это не стоило мне ни малейшего усилия.

Растительность увяла так же быстро, как развилась, и весь облик окрестных скал резко переменялся. Все же можно было узнать склон, на котором начали прозябать первые семена, и скалистую глыбу, с которой мы впервые рассматривали кратер. Но колючие кустарники на откосах стояли теперь бурые и высохшие, поднимаясь футов на тридцать в высоту и отбрасывая длинные тени, тянувшиеся, насколько хватал глаз, а маленькие семена, свисавшие с нижних ветвей, были совсем коричневыми и зрелые. Растения выполнили свою работу и теперь готовились упасть и рассыпаться в прах под дуновением морозного воздуха, лишь только наступит ночь. А огромные кактусы, которые недавно надувались у нас на глазах, уже полопались и разбросали во все четыре стороны свои споры. Поразительный уголок вселенной — место высадки первых явившихся сюда людей.

Я подумал, что со временем колонна с надписью будет возвышаться как раз посередине этой впадины. И мне пришло в голову: какая бешеная суматоха поднялась бы внутри Луны, если б этот кишевший подо мною мир мог понять всю важность переживаемой теперь минуты.

Но до сих пор селениты не подозревали, что означает наше появление. Ибо, если бы они догадались об этом, весь кратер, конечно, уже гудел бы от шума погони, а вместо того там царила мертвая тишина. Я оглянулся, отыскивая глазами достаточно возвышенный пункт, с которого можно было бы подать сигнал Кавору, и заметил ту самую каменистую площадку, на которую он когда-то перепрыгнул, — попрежнему голую и бесплодную под лучами заходящего солнца. Одну секунду я колебался, не смея удалиться от шара. Потом, с чувством стыда за это колебание, прыгнул.

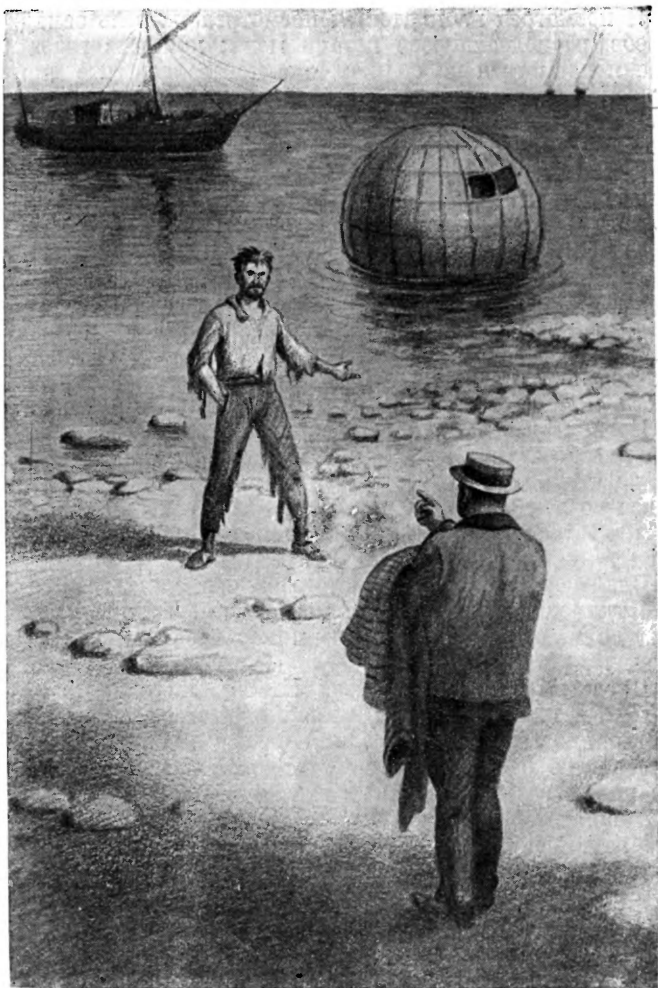
С этого места открывался более широкий кругозор, и я еще раз оглядел кратер. Далеко впереди, у самого конца громадной тени, которую отбрасывало мое тело, маленький, белый платочек болтался на кусте. Он казался совсем крохотным и страшно далеким, а Кавора не видно было нигде. Между тем, казалось бы, он уже должен был по нашему уговору отыскивать меня.

Я стоял, выжидая и наблюдая, защитив рукой глаза от солнца и надеясь каждую минуту заметить приближающегося Кавора. Вероятно, я простоял таким образом довольно долго. Я хотел крикнуть, но вспомнил о чрезвычайной разреженности воздуха. Я нерешительно шагнул по направлению к шару. Затаенный страх перед селенитами мешал мне подать сигнал о моем местонахождении, повесив одно из наших постельных одеял на ближайший куст. Я опять оглядел кратер.

Он казался таким пустынным, что у меня похолодело сердце. И какая тишина! Все звуки, некогда доносившиеся из глубины лунного мира, смолкли. Было тихо, как в могиле. Если не считать шелеста окружающих кустарников от только что поднявшегося легкого ветерка, то не слышалось ни единого звука, ни даже тени звука. А ветерок становился все холоднее.

Чорт побери Кавора!

Я набрал полную грудь воздуха, сложил ладони трубкой около рта:

— Что это за штуки? — спросил он (стр. 165).

— Кавор! — крикнул я изо всех сил... Это похоже было на писк лилипута, доносящийся издалека.

Я посмотрел на платок, я посмотрел на тень западных утесов, расплывшуюся позади меня; прикрыв глаза рукой, я посмотрел на солнце. Мне показалось, что оно совершенно явственно спускается вниз по небу.

Я почувствовал, что должен немедленно предпринять что-нибудь, если хочу спасти Кавора. Я снял с себя куртку, повесил ее как вешу, на засохшие колючки кустарника и затем по прямой линии направился к платку. До него было, пожалуй, километра три — пространство, которое можно было покрыть несколькими сотнями прыжков.

Я уже говорил, что во время прыжков на Луне человеку кажется, будто он висит в воздухе. При каждом прыжке я думал о Каворе и дивился, чего ради он прыгается. При каждом прыжке я чувствовал, что солнце спускается все ниже у меня за спиной. Каждый раз, касаясь земли, я испытывал искушение повернуться обратно...

Но вот — последний скачок, и я очутился во впадине под платком. Еще шаг, и я уже стоял на нашем бывшем наблюдательном пункте возле самого платка. Я выпрямился во весь рост и начал обшаривать глазами окружающую местность, исполосованную непрерывно удлинявшимися тенями.

Вдалеке, у подошвы покатого склона, виднелось отверстие туннеля, через которое мы бежали. Тень моя достигала до него, уходила дальше и касалась его, как палец ночи.

Нигде ни малейшего следа Кавора, ни единого звука в этой мертвенной тишине, только шелест, да покачивание кустарников, да быстро удлиняющиеся тени. Вдруг я затрясся весь с головы до ног: «Кав...» — начал я и еще раз понял все бессилие человеческого голоса в этом разреженном воздухе.

Молчание! Молчание смерти!

Тут на глаза мне попало нечто, совсем маленькое, лежавшее метрах в пятидесяти вниз по склону, в путанице наклонившихся и поломанных ветвей. Что это может быть? Я уже знал это и, однако, почему-то не желал знать.

Я подошел ближе. Так и есть: то была маленькая круглая шапочка, которую носил Кавор. Я не притронулся к ней. Я только стоял и смотрел.

Вдруг я заметил, что ветви, разбросанные кругом, были истоптаны и придавлены. Я поколебался, сделал несколько шагов вперед и поднял шапочку.

Я стоял с шапочкой Кавора в руке, рассматривая сломанные стебли и колючки. Кое-где виднелись небольшие темные пятна, к которым я не смел прикоснуться.

Метрах в двадцати от меня ветерок подбрасывал что-то маленькое и белое.

То был небольшой кусок бумаги, плотно скомканный, как будто его сильно сжали в руке. Я поднял его и на нем тоже увидел красные пятна. Кроме того мне бросились в глаза слабые следы карандаша. Я развернул бумажку и узнал неровный, прерывистый почерк Кавора. Недописанные строки заканчивались кривым росчерком через всю страницу.

Я стал разбирать эти строки.

«Я ранен в колено; думаю, что коленная чашка повреждена; я не могу ни бегать, ни ползать». Так начиналась записка, и эти первые слова были совершенно отчетливы.

Далее шло менее разборчиво: *«Они гонятся за мной уже давно, и теперь только вопрос...»* — слово времени было, повидимому, написано и заменено каким-то другим, совершенно недоступным для прочтения: *«когда они настигнут меня. Они окружают меня со всех сторон».*

Здесь почерк начал искажаться: *«Я уже могу слышать их»*, скорее угадал, чем прочитал я; дальше следовало что-то совершенно невразумительное. Потом одна строчка опять была совсем отчетлива. *«Селениты совсем другого типа, которые, видимо, распоряжаются».* Почерк опять превратился в торопливую неразбериху.

«У них более крупные черска, гораздо более крупные, более тонкие тела и очень короткие ноги. Они издают негромкие звуки и двигаются вперед с обдуманной уверенностью...»

«И хотя я ранен и совершенно беспомощен здесь, их внешний вид подает мне некоторую надежду» — это было похоже на Кавора! — *«Они не стреляли в меня и не пытались... вред. Я намерен...».* Далее внезапный росчерк карандашом поперек страницы, а на обороте и на полях — кровь.

В то время как я стоял, сбитый с толку и растерянный, с этой ошеломляющей находкой в руках, что-то

мягкое, легкое и холодное коснулось на один миг моей руки и тотчас же перестало существовать, а затем крохотное белое пятнышко промелькнуло вверх под надвигающейся тенью. То была маленькая снежинка, первая снежинка — вестница ночи.

Я вздрогнул и оглянулся. Небо так потемнело, что уже казалось почти черным, и было сплошь усеяно множеством холодных, насторожившихся звезд. Я посмотрел на восток: свет, озарявший засыхающий мир, отливал темной бронзой; посмотрел на запад: солнце, потерявшее в скользящем белом тумане половину своего жара и блеска, уже касалось стены кратера, исчезало из вида, и все кустарники и беспорядочные зубчатые скалы обрисовывались черными тенями на фоне неба. В огромном озере темноты на западе купалась широкая гирлянда тумана. Холодный ветер заставлял содрогаться весь кратер. Вдруг в одну секунду я был охвачен клубами падающего снега, и весь окружающий мир сделался серым и тусклым.

И тогда опять прозвучал, но не громко и не внушительно, как в первый раз, а слабо и глухо, как голос умирающего, тот самый звон, который приветствовал когда-то наступление дня:

Бум!.. Бум!.. Бум!..

Звон будил эхо в кратере и вибрировал в такт мерцанию крупных звезд. Кроваво-красный солнечный полумесяц опускался при этих звуках:

Бум!.. Бум!.. Бум!.. Бум!..

Что случилось с Кавором? Все время, пока продолжался звон, я стоял, позабыв все на свете. Но вот звон прекратился.

И вдруг отверстие туннеля внизу закрылось, как закрывается глаз, и исчезло из вида.

Тогда я действительно остался один.

Надо мною, вокруг меня, приближаясь ко мне, охватывая меня все теснее, надвигалась пустота; та самая пустота, которая существовала до начала времен и которая над всем восторжествует в конце; неизмеримая пустота, в которой и жизнь, и свет, и бытие — лишь мимолетный отблеск падающей звезды; холод, тишина, молчание — бесконечная и последняя ночь мирового пространства.

Чувство одиночества и заброшенности стало до такой

степени угнетающим, что, казалось, оно надвигается на меня и почти прикасается ко мне.

— Нет! — крикнул я. — Нет! Не надо! Погоди! Погоди! Ну, погоди!

Голос мой перешел в визг. Я отбросил прочь скомканную бумажку, вскарабкался обратно на гребень, чтобы определить направление, и, собрав остаток воли, запрыгал к оставленной мною веже, далекой и тусклой, видневшейся теперь на самой окраине тени.

Прыг-скок, прыг-скок, прыг-скок. Каждый прыжок длился целые века.

Прямо передо мною верхний отрезок солнца, бледный и изогнутый, как змея, опускался все ниже, и надвигающаяся тьма грозила поглотить шар, прежде чем я успею до него добраться. Оставалось три километра, более сотни прыжков, а воздух вокруг меня редел, как будто его выкачивали воздушным насосом, и холод сковывал мои суставы. Но я решил, что если мне суждено умереть, то я умру прыгая. Раза два ноги мои поскользнулись на покрывавшем землю снегу, это укоротило мои прыжки. Один раз я с размаху упал в кусты, которые рассыпались подо мною и обратились в пыль. В другой раз, опускаясь вниз, я споткнулся и полетел через голову в овраг. Я выбрался оттуда ушибленный, окровавленный, и едва не сбился с пути.

Но все эти мелкие неприятности были ничто по сравнению с теми ужасными паузами, когда я плыл по воздуху навстречу поднимающемуся приливу ночи. Мое дыхание вырывалось из груди с писклявым звуком, и мне чудилось, что в мои легкие вонзаются ножи. У меня было такое ощущение, будто сердце колотится у меня в мозгу.

— Доберусь ли я до шара? О господи, неужели не доберусь?

Я весь содрогался от ужаса.

— Ложись! — кричали мне боль и отчаяние. — Ложись!

Чем ближе я подходил к шару, тем более далеким он мне представлялся. Я заоченел. Я оступался, ушибался, несколько раз порезался; но кровь не вытекала из порезов. Наконец я увидел шар.

Я опустился на четвереньки. Легкие мои сипели.

Я пополз. Иней покрыл мои губы; ледяные сосульки свисали с усов. Я весь побелел от замерзающего воздуха.

Осталось еще метров десять. В глазах у меня потемнело.

— Ложись! — кричало отчаяние. — Ложись!

Я дотронулся до шара и остановился.

— Слишком поздно! — кричало отчаяние. — Ложись!

Я упорно боролся. Я стоял возле люка, ошалевший и полумертвый. Я был весь осыпан снегом. Я забрался в люк. Внутри шара было чуть-чуть теплее.

Хлопья снега — хлопья замерзшего воздуха — плясали вокруг меня, в то время как я старался окоченелыми руками вставить заслонку и плотно завинтить ее. Я всхлипывал. «Я должен это сделать!» — пробормотал я сквозь зубы. Потом дрожащими, похрустывающими пальцами я стал отыскивать кнопки штор.

Пока я возился, стараясь справиться с ними, потому что теперь в первый раз я прикасался к ним, я смутно видел сквозь толстое стекло, покрывшееся изморозью, красные отсветы солнца, плясавшие и вздрагивавшие среди бурана, и темные очертания кустарников, гнувшихся и ломавшихся под тяжестью снега. Снежные хлопья падали все чаще; против света они казались совсем темными.

— Ну а что, если шторы не послушаются меня?

Тут что-то щелкнуло у меня в руках, и последнее видение лунного мира исчезло. Я опять очутился в тишине и мраке междупланетного шара.

XX

М-Р БЕДФОРД В БЕСКОНЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

У меня было такое ощущение, словно меня убили. В самом деле, я полагаю, что человек, внезапно погибающий насильственной смертью, должен испытывать нечто подобное. Один миг мучительной агонии и страха. Затем тьма и безмолвие. Ни света, ни жизни, ни Солнца, ни Луны, ни звезд — одна бесконечная пустота.

Хотя все это случилось по моему желанию и хотя я уже пережил один раз то же самое в обществе Кавора, я был удивлен, ошеломлен, потрясен. Мне казалось, что меня низвергли в крошечный мрак. Пальцы мои отдели-

лись от кнопок. Я повис, утратив всякий вес, и вскоре натолкнулся легко и мягко на тюк, золотые цепи и брусья, плававшие среди шара.

Не знаю, как долго продолжалось это парение. Дело в том, что внутри шара, еще в большей степени, чем на Луне, земное чувство времени утратило свое значение. Но, прикоснувшись к тюку, я как будто пробудился от мертвого сна. Я немедленно почувствовал, что если хочу бодрствовать и жить, то прежде всего надо зажечь свет или открыть окно, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Кроме того я озяб. Я оттолкнулся ногой от тюка, ухватился за проволоку, впаянные в стекло, и вскарабкался к самому краю люка.

Там я мог ориентироваться и определить местонахождение выключателя и кнопок, управлявших движением штор. Снова оттолкнувшись, я еще раз облетел вокруг тюка, дотронулся до чего-то большого и мягкого, также плававшего в пустоте, ухватился рукой за проволоку вблизи самых кнопок и таким образом добрался до них. Прежде всего я зажег лампочку, желая узнать, с чем это я столкнулся, и увидел, что номер «Новостей Ллойда» выскользнул из тюка и свободно парит в воздухе. Это заставило меня вернуться из бесконечности в мир вещей моего собственного масштаба. Я не мог удержаться от смеха, но тотчас же стал задыхаться, и это подало мне мысль выпустить малую толику запасного кислорода из стального цилиндра. После этого я привел в действие калорифер, чтобы согреться, и немного поел. Затем со всяческими предосторожностями я начал орудовать каворитовыми шторами, желая посмотреть, нельзя ли каким-нибудь образом угадать, куда движется шар. Я был вынужден тотчас же опустить первую свернутую мною штору и некоторое время сидел, совсем ослепленный солнцем, внезапно ударившим мне в глаза. Немного подумав, я рассудил, что следует добраться до окон, расположенных под прямым углом к этому первому окну. На этот раз я увидел огромный лунный полумесяц и немного позади его крохотный полумесяц Земли. Я очень удивился, заметив, как далеко я уже улетел от Луны. Я, правда, ожидал, что не только не почувствую в настоящем случае того резкого толчка, который сопротивление земной атмосферы заставило нас испытать при отлете; я рассчитал также, что движение по тангенсу лунного вращения будет в двадцать

восемь раз медленнее, чем около Земли. И, однако, я предполагал, что увижу себя повисшим над нашим кратером, на самом краю лунной ночи; вместо того подо мною виднелись лишь очертания белого полумесяца, заполонившего все небо. А Кавор...

Кавор уже превратился в бесконечно малую величину!

Я силился представить себе, что случилось с ним. Но в то время я не мог думать ни о чем, кроме его смерти. Мне чудилось, что я вижу, как он лежит, согнувшийся и распластанный у подножия бесконечно высокого каскада голубого света, а на него glareют эти глупые насекомые.

Прикоснувшись к газетному листу, я на короткое время опять стал практическим человеком. Мне было совершенно ясно, что теперь надо возвращаться на Землю, но — поскольку я мог судить — я удалялся от нее прочь. Какая бы судьба ни постигла Кавора, если даже он жив, — а это казалось мне невероятным, после того как я нашел запятнанную кровью записку, — я был бессилен ему помочь. Живой или мертвый, он находился там, под покровом этой непроглядной ночи, и должен был там оставаться по крайней мере до тех пор, пока я не призову братьев-людей к нему на помощь. Сделаю ли я это? Во всяком случае я тогда имел в виду нечто в этом роде: вернуться на Землю, если возможно, и затем после зрелого обсуждения решить, что лучше: показать шар и объяснить его устройство нескольким лицам, на скромность которых можно положиться, и действовать совместно с ними, или сохранить все в тайне, продать золото, купить оружие, провизию, подыскать себе одного помощника и затем, обеспечив за собой все эти преимущества, воротиться назад, чтобы сойтись еще раз на равных правах с хилыми обитателями Луны, освободить Кавора, если возможно, и, во всяком случае, набрать достаточный запас золота, чтобы подготовить прочную основу для дальнейших предприятий. Но это значило слишком далеко заглядывать в будущее, а теперь следовало прежде всего вернуться обратно.

Я начал раздумывать, каким образом наладить обратный перелет на Землю. Ломая голову над этой задачей, я совсем перестал беспокоиться о том, что мне предстоит делать по возвращении. Теперь все сводилось к тому, чтобы возвратиться.

Наконец я сообразил, что лучше всего будет упасть обратно по направлению к Луне, дабы увеличить скорость, — затем прикрыть окна и облететь Луну кругом, а, миновав ее, поднять шторы, обращенные к Земле, и таким образом направиться домой. Но удастся ли мне достичь Земли этим способом, или я буду попросту вращаться вокруг нее по какой-нибудь гиперболической или параболической кривой, — этого я не знал. Повинуясь счастливому наитию, я открыл некоторые окна, обращенные к Луне, которая вновь появилась на небе, загораживая Землю. После этого я направил свой круговой полет с таким расчетом, чтобы стать как раз против Земли. Впоследствии я понял, что без этой уловки я наверное пролетел бы мимо. Мне пришлось немало потрудиться над этими сложными проблемами, — ибо я не математик, — и в конце концов я уверен, что не столько точный расчет, сколько удача помогла мне достигнуть Земли. Если б я знал тогда, как знаю теперь, сколь ничтожны были, по теории вероятностей, шансы успеха, вряд ли я стал бы трудиться над кнопками для последней попытки.

Сообразив, что следует делать, я открыл все обращенные к Луне окна и скорчился. Толчком меня подбросило вверх, и я самым нелепым образом повис в воздухе. В этом положении я следил, как полумесяц становится все больше и больше, пока не почувствовал, что приблизился к Луне настолько, что это становится уже опасным. Тут надо было закрыть все шторы, пролететь, используя приобретенную скорость, мимо Луны и, если мне не суджено разбиться о ее поверхность, продолжать полет по направлению к Земле.

Так я и сделал.

Наконец я почувствовал, что передвигаюсь с достаточной быстротой, и одним движением руки заставил лунный полумесяц исчезнуть из моих глаз. Как это ни странно, но я помню, что не испытывал тогда ни страха, ни тоски. Я устроился поудобнее и начал в этом комочке материи свое долгое странствование по бесконечному пространству. Калорифер обогрел внутренность шара до вполне сносной температуры. Воздух был освежен кислородом. И если не считать легкого прилива крови к голове, не оставлявшего меня все время моих скитаний за пределами Земли, я чувствовал себя превосходно. Я погасил свет, опасаясь, что мне нехватит электрической энергии в конце полета,

и сидел в темноте, озаряемый только проникавшим снизу сиянием Земли и блеском звезд.

Все кругом было так спокойно и безмолвно, что истине я мог вообразить себя единственным живым существом в целой вселенной. И, однако, странным образом, я не чувствовал ни боязни, ни мучительного сознания одиночества, как будто я лежал, вытянувшись на постели, в своем собственном доме. Это представляется мне теперь тем более непонятным, что в последние часы блуждания по кратеру ощущение полнейшего одиночества было для меня нестерпимой пыткой.

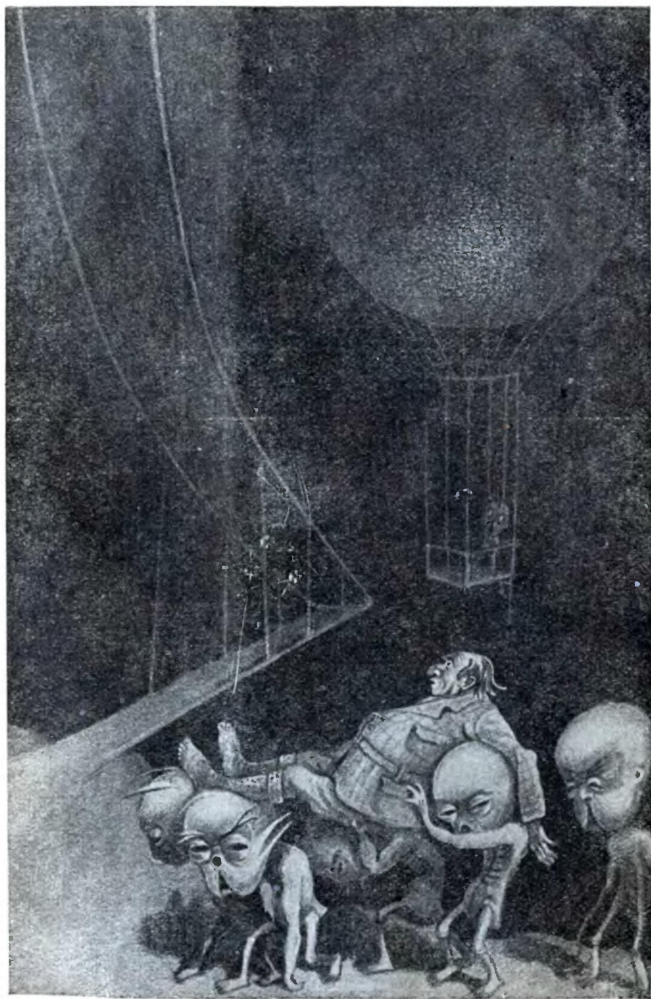
Сколь это ни мало вероятно, но время, проведенное мною в мировом пространстве, совершенно несоизмеримо ни с каким другим периодом моего существования.

Порой мне представлялось, что я пребываю в этом положении целую вечность, как некое божество, восседающее на листе лотоса, а порой я готов был думать, будто путешествие мое с Луны на Землю длится всего одно мгновение. В действительности я прожил таким образом несколько недель нашего земного времени.¹ Но за весь этот промежуток я не знал ни забот, ни печали, ни голода, ни страха. Я плавал внутри шара, размышляя с непонятным спокойствием обо всем, что мы испытали вместе с Кавором, обо всей моей жизни, о побудительных причинах моих поступков и о конечных итогах моего существования. В то время как я парил среди звезд, мне казалось, что я становлюсь все больше и больше. Я потерял всякое ощущение движения, и мысль о ничтожестве Земли, а тем более о бесконечном ничтожестве моей собственной жизни на этой планете, никогда не покидала меня.

Не берусь объяснить, что творилось тогда в моей душе. Без сомнения, все это можно прямо или косвенно приписать небывалой странности той обстановки, в которой я находился. Я изображаю мое тогдашнее душевное состояние совершенно просто, без всяких дополнительных рассуждений.

Преобладающей чертой было непобедимое сомнение в моем собственном существовании. Я отделялся от Бед-

¹ Под действием одного лишь притяжения земного шара каждое тело с расстояния Луны должно падать к Земле в течение пяти дней. Следовательно, если бы снаряд не маневрировал в мировом пространстве, его падение на Землю длилось бы также всего пять дней; маневры, конечно, должны были увеличить продолжительность перелета. (*Прим. ред.*)

Они понесли Кавора обратно внутрь Луны (стр. 181).

ффорда, если так можно выразиться; я рассматривал Бедфорда, как некоторую случайность, с которой я был почему-то связан.

Со всех точек зрения я находил Бедфорда ослом, несчастной скотиной, тогда как до сих пор со спокойной гордостью я считал его человеком энергическим и мужественным. Я считал его не только ослом, но потомком многих поколений ослов. Я обозревал его детство, отрочество, его первые опыты в любви приблизительно так, как можно следить за беспорядочной бегом муравья по песку...

К моему великому сожалению кое-что сохранилось во мне до сих пор от этого периода душевного прояснения, и я очень боюсь, что мне уж никогда больше не удастся вернуться к невозмутимому полному самодовольству былых дней. Но в то время, о котором я здесь рассказываю, это было для меня ничуть не тягостно, так как я был совершенно убежден, что я отнюдь не Бедфорд или кто-нибудь другой, но просто дух, безмятежно плавающий в пространстве.

Чего ради стал бы я огорчаться неудачами и недостатками этого Бедфорда? Ведь, я не отвечал ни за них, ни за него самого.

Некоторое время я боролся против этой воистину нелепой иллюзии. Я пытался призвать на помощь воспоминания о важных событиях, о сильных и нежных волнениях души; я сознавал, что если мне удастся снова пережить подлинный трепет истинного чувства, это возрастающее отчуждение от моего собственного «я» кончится.

Но мне это не удавалось.

Я видел Бедфорда, идущего с озабоченным видом по узкому тротуару Канцлерского переуллка,¹ со шляпой на затылке, с развевающимися полами сюртука, спешащего на государственный экзамен. Я видел, как он сворачивает вправо и влево, сталкивается и даже здоровается с другими подобными ему мелкими тварями на этой кипающей толпою дороге. — Неужели это я? — Я видел Бедфорда в тот же вечер в гостиной одной дамы: рядом с ним на столе лежала его шляпа, давно нуждавшаяся в чистке, а сам он плакал. — И это я? — Я видел его в обществе упоминаемой дамы в различных позах, переживавшим

¹ Ставянный переуллок в одном из центральных лондонских кварталов. (Прим. ред.)

весьма различные чувства... Никогда я не ощущал такой полной отчужденности от него.

Я опять увидел его попрежнему озабоченного, сменяющего в Лимн, чтобы писать там пресу; потом видел, как он заговаривает с Кавором; как он, скинув пиджак, работает над постройкой шара и убегает в Кентербери, испугавшись перелета...

И это тоже я?.. Не может быть!

Я хотел доказать самому себе, что являюсь жертвой галлюцинации, вызванной одиночеством, а также потерей веса и всякого чувства сопротивления. Я пытался вернуть себе это чувство, ударяясь со всего размаха о стенки шара, я щипал себя и хлопал в ладоши. Я зажег также лампу, поймал номер «Новостей Ллойда» и перечел все эти столь убедительные и несомненные объявления о почти новом велосипеде, о джентльмене, обладающем независимыми средствами, и о почтенной даме, очутившейся в затруднительном положении и распродающей свои свадебные подарки.

Без всякого сомнения эти люди где-то существовали.

— Это твой мир, — говорил я себе. — И ты — Бедфорд. Ты возвращаешься, чтобы жить среди вещей такого рода до самого конца твоих дней.

Но в глубине моей души продолжали роиться сомнения.

«Это не ты читаешь, — читает Бедфорд. Но, ведь, ты не Бедфорд. Тут и начинается твоя ошибка».

— К черту! — кричал я. — Если я не Бедфорд, то кто же я такой?

Но здесь все было темно, хотя странные видения проплывали у меня в мозгу, причудливые, смутные догадки, похожие на тени, на которые смотришь издали.

Поверите ли вы, мне иногда казалось, что я поистине представляю собою нечто существующее не только за пределами мира, но за пределами всех миров, вне времени и вне пространства, и что бедняга Бедфорд был всего-навсего щелью, сквозь которую я глядел на жизнь.

Бедфорд! Несмотря на все мои отречения от него, я был, конечно, неразрывно связан с ним и знал, что куда бы я ни отправился и что бы ни делал, я вынужден подчиняться его желаниям, сочувствовать его радостям и скорбям до самого конца его жизни. Ну, а после смерти Бедфорда... Что будет со мной?

Впрочем, довольно распространяться об этом весьма интересном периоде в истории моих походов. Я упомянул здесь о нем лишь для того, чтобы показать, как одиночество и разлука с нашей планетой могут действовать не только на деятельность органов нашего тела, но и на всю нашу душевную систему, в которой вызывают явления неожиданные и странные.

В течение большей части этого долгого путешествия по мировому пространству я размышлял о нематериальных предметах такого рода; раздвоенный и нечувствительный ко всему, объятый манией величия, я реял среди звезд и планет, населяющих пустоту бесконечности. Мир, куда я возвращался, точно так же, как озаренные голубоватым светом пещеры Луны, увенчанные шлемами головы селенитов, их гигантские чудесные машины, судьба Кавора, оставшегося пленником в этом мире, — все это казалось мне бесконечно мелким, совершенно незначительным.

Наконец я ощутил притяжение Земли, и это заставило меня вернуться к действительности. Вскоре я начал понимать все более и более ясно, что я действительно Бедфорд, возвращающийся после изумительных приключений в земной мир, и что у меня есть жизнь, которую я, весьма вероятно, потеряю при спуске. Я стал соображать, каким способом всего безопаснее можно упасть на Землю.

XXI

М-Р БЕДФОРД В ЛИТЛЬСТОНЕ

Когда я достиг верхних слоев атмосферы, линия моего полета была приблизительно параллельна Земле. Температура внутри шара начала возрастать. Я понял, что надо опуститься немедленно, ибо подо мною в сгущающихся сумерках расстилалась широкая гладь моря. Я открыл все окна, какие только мог, и начал падать из солнечного дня в вечер и из вечера в ночь. Все пространнее, все больше становилась Земля, пожирая звезды, и мерцающая серебряным светом вуаль облаков расширялась как бы для того, чтобы обхватить меня. Вскоре Земля уже не казалась мне шаром, она стала плоской, потом вогнутой. Это уже не была планета на небе, но мир человека. Я закрыл

все окна, обращенные к Земле, оставив только щель широкою около дюйма, и падал вниз с все увеличивающейся быстротой. Расширяющееся водное пространство было теперь так близко, что я мог различить темный блеск волн, поднимавшихся мне навстречу. Шар сильно разогрелся. Я закрыл последнюю щель в окне и сидел, нахмурившись и кусая себе пальцы, в ожидании толчка. . .

Шар упал в воду с громким плеском. Должно быть, брызги взлетели на несколько сот футов в высоту. Услышав плеск, я тотчас же свернул все каворитовые шторы. Я опускался вглубь, но все медленнее и медленнее; затем почувствовал, что стекло начинает давить снизу на мои ноги, и шар всплывает на поверхность, как пузырь. Наконец он поплыл, ныряя и покачиваясь, по морю, и мое путешествие через мировое пространство кончилось.

Ночь была темная и пасмурная. Два желтых огонька вдалеке, точно две булавочных головки, указывали, что там проходит корабль, а немного ближе маячил столб красного света. Если бы моя электрическая лампочка не погасла за отсутствием энергии, меня могли бы выудить в ту же ночь. Несмотря на чрезвычайное утомление, которое я начал вдруг ощущать, я был очень возбужден. Я испытывал яростное, нетерпеливое желание, чтобы мое странствование закончилось немедленно.

Наконец я перестал метаться по шару и сел, обхватив руками колени и глядя на далекий красный свет. Он колебался вверх и вниз, ни на минуту не останавливаясь. Мое возбуждение улеглось. Я понял, что мне надо провести по крайней мере еще одну ночь внутри шара. Я страшно отяжелел и устал. Поэтому я заснул.

Остановка ритмического движения разбудила меня. Я поглядел сквозь выгнутое стекло и увидел, что шар прибило к большой песчаной отмели. Вдали обрисовывались дома и деревья, а с противоположной стороны изогнутое, смутное отображение корабля висело между морем и небом.

С большим усилием я поднялся на ноги. Моим единственным желанием было выбраться наружу. Люк оказался наверху. Я стал его ствинчивать. Я приоткрывал крышку очень медленно. Наконец воздух запел вновь, как пел когда-то, вырываясь наружу. Но на этот раз я не ожидал, пока уравниется давление. Секунду спустя я ощутил тяжесть крышки у себя в руках и увидел над

собой широкое и свободное, привычное мне старое небо Земли.

Воздух с такой силой ударил мне в грудь, что я начал задыхаться. Я уронил стеклянный винт. Я вскрикнул, прижал руки к груди и сел. Некоторое время мне было очень худо. Потом я отдышался. Наконец мне удалось встать на ноги, и я мог снова двигаться.

Я попытался высунуть голову в отверстие люка, и шар покатился. Мне казалось, что какая-то сила потянула мою голову вниз. Я проворно отшатнулся назад, потому что иначе лицо мое очутилось бы под водой. После долгих безуспешных стараний я успел выбраться на песок, по которому еще пробегали волны убывающего прилива.

Я не делал никаких попыток встать. Мне казалось, что все тело мое вдруг налилось свинцом. Мать-Земля снова наложилла на меня свою тяжелую руку без каворитовых перчаток. Я сидел, не обращая внимания на то, что вода заливает мои ноги.

Наступал рассвет, довольно пасмурный, но здесь и там на небе видны были длинные зеленовато-бледные полосы. Невдалеке от берега какой-то корабль стоял на якоре, бледный силуэт с желтым фонарем на мачте. Вода омывала отмель длинными неглубокими волнами. Справа от меня изгибался берег, песчаный и низкий, на котором стояло несколько хижин, и на самом горизонте виднелись маяк, бакан и стрелка. Прямо передо мной тянулся плоский песчаный пляж, кое-где покрытый лужами и заканчивавшийся на расстоянии одного километра или немного больше низкой порослью кустарников. На северо-востоке был виден уединенный морской курорт. Унылой вереницей тянулись пансионаты и наемные дачи — темные пятна на постепенно разгоравшемся небе; то были самые высокие предметы, которые мне удалось разглядеть на Земле. Право, не знаю, какие чудачки поставили эти высокие здания в таком месте, где свободного пространства было сколько угодно. Местечко это напоминало небольшой кусочек Брайтона, перенесенный в глухую пустыню.¹

Долгое время сидел я там, зевая и вытирая себе лицо. Наконец попробовал встать. Мне показалось, что я поднимаю огромную тяжесть, но все-таки я успел подняться на ноги.

¹ Известнейший морской курорт в Англии, привлекающий многие тысячи купальщиков. (*Прим. ред.*)

Я глядел на отдаленные дома. В первый раз после голода, испытанного нами в кратере, я вспомнил о земной пище. «Копченая свинина, — прошептал я, — яйца! Поджаренные гренки и хороший кофе!.. И каким чортом доставлю я мой шар в Лимн». Я не знал, где я нахожусь. Но во всяком случае побережье было несомненно обращено к западу, а я видел очертания Европы, когда падал.

Я услышал хруст песка под чьими-то шагами, и маленький круглолицый, приятный на вид человек во флаanelевом костюме, с купальным полотенцем, наброшенным на плечи, и с купальным костюмом подмышкой появился на берегу. Я тотчас же понял, что нахожусь в Англии. Он очень внимательно рассматривал мой шар и меня. Он приближался, не спуская с меня глаз. Смею сказать, вид у меня был довольно дикий... Я был неопиcуемо грязен и взлохмачен. Но в то время я об этом позабыл. Человек остановился метрах в двадцати от меня.

— Алло, парень! — сказал он нерешительно.

— Алло, — ответил я.

Услышав мой ответ, он подошел ближе.

— Что это за штука? — спросил он.

— Можете вы мне сказать, где я нахожусь? — спросил я.

— Это Литльстон, — сказал он, указывая на дома. — А там дальше Дендженес. Вы только что вышли на берег? Что это у вас такое? Какая-то машина?

— Да.

— Вас прибило сюда волнами? Вы потерпели кораблекрушение или что-нибудь в этом роде?

Я быстро обдумывал создавшееся положение. Я рассматривал внешность маленького человечка по мере того, как он подходил ближе.

— Чорт побери, — сказал он. — Вам, должно быть, пришлоcь круто. Я подумал, что вы... Ну ладно!.. Где вас разбило? Эта штука, должно быть, спасательный аппарат, а?

Я решил до поры до времени не отвергать этого объяснения.

— Мне нужна помощь, — сказал я хриплым голосом. — Мне надо вытащить отсюда кое-что на берег, вещи, которые я не могу бросить без присмотра.

Тут я заметил трех других приятных на вид молодых людей с полотенцами и в соломенных пляпах, которые

шли по пляжу, направляясь ко мне. Очевидно, это была команда ранних купальщиков Литльстона.

— Помочь вам? — сказал человек. — Пожалуйста! — Он засуетился. — А что, собственно говоря, нужно сделать?

Он повернулся и начал махать руками. Три молодых человека ускорили шаг. Минуту спустя они стояли кругом, засыпая меня вопросами, на которые я не хотел отвечать.

— Я обо всем расскажу вам после, — сказал я. — Я совершенно измучен. Я теперь как тряпка.

— Пойдем в гостиницу, — сказал маленький человек, подошедший ко мне первым. — Мы присмотрим за всеми этими вещами.

Я колебался.

— Нельзя, — сказал я. — В этом шаре лежат две большие штанги чистого золота.

Они недоверчиво переглянулись, потом обратились ко мне с новыми вопросами. Я вернулся к шару, согнулся, забрался внутрь, и скоро золотые брусья селенитов и сложенная цепь лежали перед моими собеседниками. Если бы я не был так ужасно измучен, то наверное посмеялся бы над ними. Они напоминали котят, собравшихся около жука. Они не знали, что это за металл. Толстый маленький человек взялся за конец штанги, но тотчас же нагнулся, приподнял конец одного из брусьев и затем уронил его, громко охнув. То же самое проделали все остальные.

— Это свинец или золото, — сказал один.

— О, это золото, — сказал другой.

— Самое настоящее золото, — сказал третий.

Тут все поглядели на меня, а затем на корабль, лежавший на якоре.

— Это здорово! — воскликнул маленький человек. — Но где вы достали это?

Я был слишком утомлен, чтобы лгать.

— На Луне.

Я увидел, что они опять переглядываются.

— Послушайте, — сказал я, — я сейчас не могу спорить и объясняться. Помогите мне отнести эти золотые слитки в гостиницу. Я полагаю, что, отдыхая по пути, двое из вас могут справиться с одной штангой, а я потащу цепь. Я расскажу вам все, когда немного поем.

— А как быть с вашим шаром?

— С ним ничего не делается, — сказал я. — Во всяком случае — чорт его поberi, — он пока может оставаться здесь. Если начнется прилив, он всплывет, — вот и все.

В чрезвычайном удивлении молодые люди послушно взвалили себе на плечи мои сокровища, а я с таким чувством, как будто члены мои были налиты свинцом, стал во главе шествия и направился к видневшемуся вдали кусочку «набережной». На половине дороги к нам присоединились две испуганные маленькие девочки с лопатками, а немного погодя появился худощавый мальчик, громко сопевший. Помню, он катил перед собой велосипед и сопровождал нас некоторое время, держась от нас немного поодаль по правую руку. Затем, вероятно, решив, что здесь нет ничего интересного, он вскочил на свой велосипед и поехал вдоль пляжа по направлению к шару.

Я посмотрел ему вслед.

— Он не тронет вашего шара, — сказал толстый молодой человек успокоительным тоном, и я слишком легко ему поверил. На первых порах это серое утро угнетающим образом действовало на мое настроение, но вот солнце вышло из-за облаков над горизонтом, осветило окружающий мир и зажгло ярким блеском свинцовое море. Я развеселился. С появлением солнца в уме моем пробудилось сознание всей важности того, что я сделал и собираюсь сделать. Я громко захохотал, когда молодой человек, шедший впереди, пошатнулся под тяжестью моего золота. Как удивится весь свет, когда я займу в нем подобающее мне место!

Если бы не чрезвычайное утомление, я, вероятно, посмеялся бы и над хозяином литльстонской гостиницы, который не знал, что думать при взгляде, с одной стороны, на мое золото и на весьма почтенное общество, сопровождавшее меня, — и, с другой стороны, на мою грязную внешность. Но в конце концов я очутился в земной ванной, комнате, где была теплая вода для умывания, и надел новый костюм, правда, уморительно короткий, но чистый, который одолжил мне симпатичный маленький человечек. Он предложил мне также бритву, но у меня нехватило мужества прикоснуться к колючей бороде, покрывавшей мое лицо.

Я уселся за английский завтрак и ел с довольно вялым аппетитом, с аппетитом, имевшим несколько недель от роду и успевшим одряхлеть, — и заставил себя отве-

тить на вопросы четырех молодых людей. Я сказал им чистую правду.

— Ладно, — промолвил я, — так как вы настаиваете, то я признаюсь, что добыл это золото на Луне.

— На Луне?

— Да, на Луне, той, которая ходит по небу.

— Но что вы хотите этим сказать?

— То, что я говорю, чорт побери!

— Значит, вы прилетели сюда прямо с Луны?

— Вот именно! Через мировое пространство в этом шаре

С чрезвычайным наслаждением я принялся за яйцо всмятку. Про себя я решил, что когда следующий раз полечу на Луну, то захвачу ящик яиц.

Я мог ясно видеть, что они не верят ни одному слову из того, что я рассказал им, но несомненно они считали меня наиболее respectableм лжецом, какого они когда-либо встречали. Они поглядели друг на друга и затем все сразу уставились на меня. Полагаю, они искали ключ к загадке, наблюдая, как я брал соль.

Их, видимо, заинтересовала также моя привычка посыпать яйца перцем. Но прежде всего диковинные золотые слитки, под тяжестью которых они только что сгибались, привлекали их внимание. Теперь слитки лежали передо мною, каждый из них стоил несколько тысяч фунтов, и украсть их было так же невысказанно, как дом или участок земли. Глядя поверх чашки с кофе на их любопытные лица, я понял, какой необычайной ерундой должны казаться им все мои объяснения.

— Ведь, вы не хотите убедить нас... — начал младший из молодых людей ласково и убедительно, как говорят с упрямым ребенком.

— Пожалуйста, передайте мне гренки, — сказал я и сразу заткнул ему рот.

• — Но послушайте, — начал другой, — ведь, не можем же мы вам поверить...

— Ну и пусть! — сказал я и пожал плечами.

— Он не желает нам ничего рассказывать, — сказал самый младший из молодых людей, обращаясь к остальным, и затем прибавил с величайшим хладнокровием: — Вы позволите мне закурить папиросу?

Я позволил ему это с величайшей готовностью и продолжал кушать свой завтрак. Двое других отошли, по-

глядели в дальнее окно и тихо переговаривались о чем-то. Вдруг неожиданная мысль поразила меня.

— Вероятно, начинается прилив? — спросил я.

Последовало недолгое молчание. Казалось, они не знали, кто должен отвечать мне.

— Отлив кончается, — сказал маленький человечек.

— Ладно, — сказал я. — Мой шар далеко не уплывет.

Я разбил скорлупу третьего яйца и произнес маленькую речь.

— Слушайте, — сказал я. — Пожалуйста, не подумайте, что я человек невежливый, или что я хочу рассказать вам здесь нелепую ложь, или что-нибудь в этом роде. Я вынужден быть сдержанным и соблюдать тайну. Я хорошо понимаю, что все это кажется вам чрезвычайно странным и что ваше любопытство возбуждено. Могу вас уверить, что вы являетесь свидетелями достопамятного события. Но я не могу теперь изложить вам все это яснее. Это невысказано. Даю вам честное слово, что я только что прилетел с Луны, но это все, что я имею право сказать вам. И все же я вам бесконечно обязан, знаете ли... да, бесконечно. Надеюсь, что слова мои никому не показались обидными?

— О, несколько, — сказал самый младший ласковым тоном. — Мы это отлично понимаем.

Не спуская с меня глаз, он так сильно откинулся назад вместе со стулом, что едва не упал. Лишь с некоторым усилием ему удалось сохранить равновесие.

— Мы на вас ничуть не в претензии, — подхватил толстый молодой человек. — Пожалуйста, не думайте этого.

Тут они все встали, начали рассказывать взад и вперед по комнате и закурили папиросы, стараясь всячески показать мне, что несколько не обижаются на меня и не чувствуют ни малейшего любопытства ни ко мне, ни к моему шару.

— Что бы там ни было, но я хочу пойти поглядеть на этот корабль, — пробормотал один из них.

Если б они могли найти приличный предлог, чтобы удалиться, они паверное сделали бы это. Я доедал третье яйцо.

— Погода стоит отличная, неправда ли? — заметил маленький человечек. — Уже давно у нас не было такого лета...

— Фуу... взз! — это было похоже на разрыв огромной ракеты.

Где-то задребезжало оконное стекло.

— Что это такое? — спросил я.

— Да, ведь, это!... — воскликнул маленький человечек и бросился к угловому окну.

По его примеру все другие бросились к окнам. Я сидел, глядя на них.

Вдруг я вскочил! отшвырнул яйцо в сторону и тоже побежал к окну.

— Там ничего не видно! — воскликнул маленький человечек, устремляясь к дверям.

— Во всем виноват мальчишка! — крикнул я голосом, охрипшим от бешенства. — Этот проклятый мальчишка!

Я оттолкнул лакея, вносившего мне новую порцию поджаренных гренок, выскочил из комнаты и во весь дух выбежал на маленькую смешную терраску перед гостинойцей.

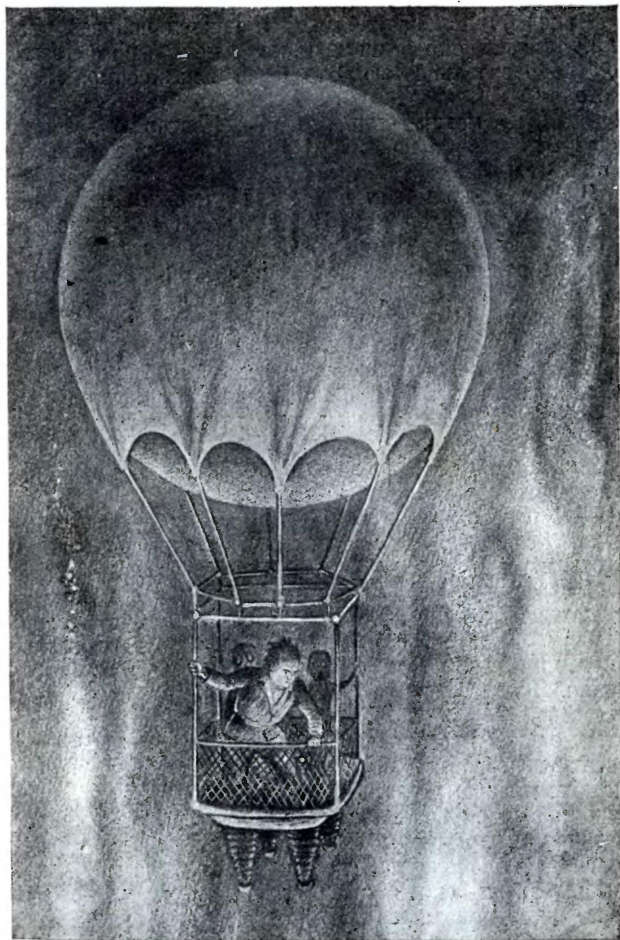
Море, недавно казавшееся таким спокойным, было теперь покрыто беспорядочными волнами, а в том месте, где лежал шар, вода бурлила, как в кильватере корабля. Вверху расплзлось маленькое облачко, извиваясь спиралью, будто клуб дыма, а на пляже три или четыре человека с недоумевающими лицами глядели на место неожиданного выстрела. И это было все. Коридорный, официант и четыре молодых человека в полосатых фланелевых костюмах выскочили за мною следом. Из дверей и окон доносились крики, и всюду появилось множество людей с разинутыми ртами.

Некоторое время я стоял на месте, слишком ошеломленный только что совершившимся событием, чтобы думать об окружающих.

В первую минуту я не понимал, что совершилась непоправимая катастрофа. Я просто ошалел, как человек, на которого неожиданно свалился тяжелый удар. Но немного спустя я начал догадываться об истинном значении постигшего меня несчастья.

— Господи, боже мой! — воскликнул я.

Дрожь пробежала по моей спине, как будто мне влили за воротник кипящую жидкость. Ноги мои ослабели. Только теперь я сообразил, что означает для меня эта катастрофа. Этот проклятый мальчишка умчался в небеса. Я остался с носом. Золото, лежащее в столовой — вот мое единственное достояние. Чем кончится все это? В голове у меня царил безвыходная путаница.

Селениты спустили Кавора на аппарате вроде воздушного шара (стр. 183).

— А я говорю, — произнес голос маленького человечка позади меня, — а я говорю...

Я повернулся на каблуках и увидел человек двадцать или тридцать, смотревших на меня молча, но с чрезвычайной подозрительностью. Это было невыносимо. Я громко застонал.

— Я не могу! — гаркнул я. — Повторяю вам, что не могу! Это мне не по силам! Думайте, что хотите, и чорт с вами!

Я судорожно махал руками. Маленький человечек попятился, как будто я угрожал ему. Я прорвался сквозь толпу обратно в гостиницу. Я вбежал в столовую и яростно позвонил. Я вцепился в лакея, лишь только он вошел.

— Слышите! — заорал я. — Позовите людей и отнесите эти брусья в мою комнату, здесь направо!

Он сразу не понял меня, а я вопил и тербил его. Наконец появился убогий с виду маленький старичок в зеленом переднике и за ним двое молодых людей во фланелевых костюмах. Я набросился на них и потребовал их содействия. Как только золото очутилось в моей комнате, я почувствовал себя готовым к борьбе.

— Теперь ступайте вон! — крикнул я. — Все вон, если не хотите видеть, как человек сойдет с ума в вашем присутствии!

Я схватил лакея за плечи и вытолкал его, так как он замешкался на пороге. После этого, едва успев запереть дверь, я сорвал с себя одежду, данную мне маленьким человечком, разбросал ее во все стороны и забился под одеяло. Я долго лежал, потая, отдуваясь и стараясь овладеть собой.

Наконец я настолько успокоился, что мог выбраться из постели и позвонить. Я велел пучеглазому лакею принести мне фланелевую ночную сорочку, содовую воду, виски и несколько штук хороших сигар. Когда, после нестерпимой проволоочки, которая заставила меня несколько раз хвататься за колокольчик, все требуемое было мне, наконец, доставлено, я опять запер дверь и начал обсуждать создавшееся положение вещей.

Великий опыт кончился совершенной неудачей. Это было полное поражение, и один я остался в живых. Это был провал, непоправимая катастрофа. Я уцелел при разгроме, но это было все. Одним роковым ударом все мои

планы были разрушены. Намерение вернуться на Луну, начинить шар золотом, произвести анализ каворита и, таким образом, раскрыть великую тайну, наконец, быть может, отыскать тело Кавора, — все это разом стало теперь неосуществимо.

Я остался в живых, и только!

Я полагаю, что решение улесть в постель было одной из самых счастливых мыслей, когда-либо приходивших мне в голову. Право, я думаю, что мог потерять рассудок или совершить какой-нибудь роковой, неосторожный шаг. Но, лежа в запертой комнате, без риска какой-либо помехи, я мог все обдумать и выработать на досуге план дальнейших действий.

Мне было совершенно ясно, что случилось с мальчиком. Он забрался в шар, стал играть с кнопками, закрыл каворитовые окна и улетел. Бряд ли он предварительно завинтил крышку люка. Но если он даже успел это сделать, оставался один шанс из тысячи на его возвращение. Было вполне очевидно, что он будет отныне вместе с моими тюками витать где-то посреди шара, останется там навсегда и утратит всякий интерес с земной точки зрения, хотя, быть может, весьма заинтригует обитателей какой-нибудь отдаленной части мирового пространства. Очень скоро я окончательно убедился в этом. А что касается ответственности за все это дело, то чем больше я размышлял, тем очевиднее мне становилось, что надо лишь держать язык за зубами, и у меня не будет никаких хлопот по этому поводу. Если ко мне явятся опечаленные родственники с требованием вернуть пропавшего мальчика, я потребую, чтобы они вернули мне улетевший шар, или спрошу их, что они собственно хотят сказать. На первых порах мне мерещились плачущие родители и опекуны, и всевозможные осложнения. Но потом я понял: мне надо попросту играть в молчанку, и тогда ничего не случится. В самом деле, чем дольше я лежал и курил, размышляя о случившемся, тем яснее постигал всю мудрость непроницаемого безмолвия.

Каждый британский гражданин имеет право, — если только он никому не причиняет вреда и не совершает никакой непристойности, — внезапно появляться всюду, где ему угодно, таким оборванным и грязным, как ему угодно, и с таким количеством чистого золота, каким он посчитает за благо навьючить себя. Никто не имеет права вмеша-

ваться и препятствовать ему в его действиях. Я наконец совсем успокоился и повторил еще раз про себя эту великую хартию моих вольностей.

Теперь предстояло рассмотреть некоторые обстоятельства, связанные с моим давним банкротством. Сперва мне было как-то неприятно думать об этом. Но, обсудив все совершенно трезво, я пришел к выводу, что, если я назовусь вымышленным именем и сохраню на лице своем бороду, отросшую за последние два месяца, мне нечего опасаться каких-нибудь преследований со стороны неговорчивого кредитора, о котором я упоминал в первой главе. Исходя из этого, уже не трудно было составить совершенно целесообразный план дальнейших действий.

Я велел подать мне перо и чернильницу и написал письмо в Ньюормнейский банк — самый ближайший, по словам лакея, — и сообщил директору, что хочу открыть у него текущий счет и прошу прислать мне двух надежных людей с надлежащими полномочиями и с повозкой, запряженной хорошей лошадью, дабы я мог избавиться от нескольких сот фунтов золота, имевшихся в моем распоряжении.

Я подписал письмо *Г. Дж. Уэллс*, потому что имя это показалось мне весьма благозвучным.

Сделав это, я потребовал коммерческий справочник города Фолькстона, выбрал наудачу адрес портного и попросил его прислать мне закройщика, чтобы снять мерку для шевинотового костюма. Вместе с тем я заказал себе чемодан, дорожный мешок, коричневые ботинки, рубашку, несколько шляп на выбор и так далее. Часовщику я заказал также часы. Отправив все эти письма, я позавтракал так роскошно, как это только было возможно в гостинице, и лежал, покуривая сигару, пока, согласно моей просьбе, не явились два командированные банком клерка, которые взвесили и увезли золото. После этого я натянул одеяло себе на голову, чтоб меня не разбудил стук в дверь, и собрался спокойно заснуть.

Я заснул. Несомненно, то был весьма прозаический поступок со стороны первого человека, вернувшегося на Землю с Луны, и я полагаю, что юный и одаренный пылким воображением читатель будет весьма разочарован моим образом действий. Но я ужасно устал и измучился и, чорт побери, что еще мог я предпринять?

Конечно, вряд ли кто-нибудь согласился бы мне поверить, если б я рассказал тогда мою историю, и это, разумеется, навлекло бы на меня множество неприятностей. Итак, я заснул. Когда я наконец проснулся, я уже опять готов был вступить в бой с целым миром по привычке, укоренившейся во мне с тех пор, как я стал совершеннолетним. Я решил уехать в Италию, где и пишу в настоящее время эту историю. Если люди не пожелают принять ее как рассказ о действительных фактах, пусть они считают ее вымыслом. Это меня не касается.

А теперь, когда повесть моя окончена, мне кажется весьма удивительным, до какой степени все это приключение прошло шито-крыто. Все полагают, что Кавор был не слишком блестящий научный экспериментатор, взорвавшийся на воздух свой дом и самого себя в Лимне, а выстрел, следовавший за моим прибытием в Литльстон, объясняют опытами со взрывчатыми веществами на казенном заводе в Лидде, в трех километрах отсюда. Сознаюсь, я никому не сообщил, что исчезновение мастера¹ Томми Симонса, — так звали улетевшего мальчика, — свершилось отчасти по моей вине. Для этого пришлось бы пуститься в слишком затруднительные объяснения. Мое появление на Литльстонском пляже в лохмотьях и с двумя брусками чистопробного золота объясняют различными остроумными догадками, до которых мне нет никакого дела. Люди говорят, будто я выдумал все это с целью уклониться от расспросов о происхождении моего богатства. Хотел бы я взглянуть на человека, способного выдумать такой связный и логически последовательный рассказ. Ну, ладно, пусть принимают все это за выдумку.

Я досказал мою историю и теперь полагаю, что мне надо снова принять на себя бремя житейских забот. Даже тот, кто побывал на Луне, вынужден все-таки добывать себе хлеб насущный. Итак, я работаю здесь, в Амальфи, над сценарием пьесы, которую я успел набросать, прежде чем Кавор забрел в мой мир. Я пытаюсь устроить мою жизнь на прежний лад, как до знакомства с Кавором. Но надо признаться, мне иногда трудно бывает сосредоточить внимание на пьесе, если лунный свет проникает ко мне в комнату. Здесь теперь полнолуние, и в прошлую ночь я

¹ В Англии при обращении к мальчику слово мистер заменяют словом мастер. (Прим. ред.)

провел несколько часов на висячем балконе, глядя на эскапированную белизну, которая скрывает так много. Подумайте: столы, стулья, подмости и брусья из чистого золота! Чорт побери! Если б только можно было снова открыть этот каворит! Но такие вещи не повторяются дважды в жизни одного и того же человека. Здесь мне живется немножко лучше, чем в Лимне, но это все. А Кавор совершил самоубийство таким сложным способом, какой не приходил до сих пор в голову ни одному живому существу. Таким образом эта история обрывается так же бесповоротно и окончательно, как сновидение. Она так мало связана со всеми житейскими делами, выходит так далеко за пределы доступного человеку опыта; скачки, пища, дыхание, отсутствие веса, все это столь необычайно. По правде говоря, бывают минуты, когда, несмотря на мое лунное золото, сам я готов больше чем наполовину поверить, что все совершившееся со мною было только сном.

XXII

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ОТ М-РА ЮЛИУСА ВЕНДИДЖИ

Закончив рассказ о моем возвращении на Землю в Литльстоне, я написал слово «Конец», расчеркнулся и отложил перо в сторону, твердо уверенный, что история первых людей на Луне действительно кончена. Я не ограничился этим. Нет, я передал мою рукопись литературному агенту, позволил продать ее, видел большую часть ее напечатанной в журнале «Стрэнд-Магазин»¹ и только тогда понял, что до конца еще далеко. Месяцев шесть тому назад я поехал из Амальфи в Алжир, и там меня нагнало одно из самых поразительных известий, какие мне суждено было получить за всю свою жизнь. Говоря короче, мне сообщили, что голландский электротехник м-р Юлиус Вендиджи, производя опыты с аппаратом, отчасти похожим на тот, который м-р Тесла построил в Америке в надежде наладить связь с Марсом, получает ежедневно весьма

¹ Популярный в Англии иллюстрированный ежемесячник, в котором действительно был напечатан в 1901 г. настоящий роман Уэллса. (Прим. ред.)

любопытные отрывки посланий на английском языке, несомненно исходящие от м-ра Кавора с Луны.

Сперва я подумал, что это остроумная мистификация, подстроенная кем-то, видевшим мой рассказ в рукописи. Я написал м-ру Вендиджи путливое письмо, но он ответил мне так серьезно, что, отбросив всякие подозрения в сторону, я поспешил в маленькую **обсерваторию** на склонах Сен-Готарда, где работал мой корреспондент. Когда я ознакомился с его записями и аппаратурой, а также с новыми посланиями Кавора, мои последние сомнения исчезли. Я немедленно принял предложение м-ра Вендиджи остаться с ним, чтобы помогать ему вести записи и попытаться при его содействии отправить ответное послание на Луну. Мы выяснили, что Кавор не только жив, но находится на свободе в обществе этих фантастических муравьеподобных существ, людей-муравьев, обитающих во мраке лунных пещер. Он, повидимому, стал хром на одну ногу, но во всех остальных отношениях был совершенно здоров; по его собственным словам, здоровье его было гораздо лучше, чем когда бы то ни было на Земле. Одно время он хворал лихорадкой, но она прошла без всяких дурных последствий. Весьма любопытно, однако, — он был совершенно убежден, что я или погиб в лунном кратере, или затерялся в глубинах мирового пространства.

Его первые послания были получены м-ром Вендиджи, когда этот джентльмен занимался исследованиями совершенно другого рода. Читатель без сомнения помнит, какая суматоха поднялась в начале текущего столетия, когда известный американский электрик м-р Николай Тесла¹ за-

¹ Ссылка на Теслу не вымыслена автором романа. Знаменитый американский электротехник (родом славянин-хорват) действительно сообщил в конце 1900 года, что ему удалось заметить загадочные электрические колебания при производстве опытов на большой высоте. «Тесла наблюдал, — читаем мы в одном английском научном журнале 1901 г., — на специальном приборе повторные электрические колебания, причина которых заставляла его теряться в догадках. Он вынужден был допустить, наконец, что они обязаны своим происхождением токам, идущим от планет, и теперь он полагает, что было бы вполне возможно посредством усовершенствованного аппарата сослаться с их обитателями». Далее, со слов Н. Тесла, сообщалось, что он приступает к постройке аппарата, который даст возможность послать на Марс количество энергии, достаточное для воздействия на электрические приемники, вроде телеграфов или телефонов. «На основании опытов и измерений, — писал Тесла, — я не сомневаюсь, что с помощью надлежащим образом по-

явил, что он будто бы получает послания с Марса. Это сообщение снова напомнило широкой публике одно обстоятельство, уже давно известное ученым специалистам. Установлено совершенно бесспорно, что электромагнитные волны, исходящие из какого-то неведомого источника в мировом пространстве и во всем подобные тем, которыми пользовался **сеньор** Маркони¹ для беспроволочного телеграфирования, постоянно достигают Земли. Кроме **м-ра** Тесла, значительное число других наблюдателей **замеча-**лось усовершенствованием аппаратов для приема и записи этих колебаний, хотя лишь немногие соглашались признать эти колебания за сигналы, подаваемые каким-то внемным отправителем. К этим немногим, однако, мы несомненно должны причислить **м-ра** Вендиджи. С самого 1898 года он занимался почти исключительно этим вопросом и, будучи человеком весьма состоятельным, построил себе обсерваторию на склонах Монтерозы, в местности, чрезвычайно удобной для наблюдений такого рода.

Допускаю, что мои собственные научные познания очень невелики, но все же они дают мне право утверждать, что сконструированные **м-ром** Вендиджи приборы для записи электромагнитных возмущений в мировом пространстве в высшей степени оригинальны и остроумны. Вследствие случайной эти приборы были установлены и, пущены в ход месяца за два до того, как Кавор сделал первую попытку наладить связь с Землей. Поэтому мы имеем отрывки его посланий с самого начала. К несчастью, это только отрывки, и самое важное из всего того, что он мог бы сообщить человечеству, а именно наставление, каким образом изготовлять каворит, если и было им когда-нибудь передано, то рассеялось, никем не записанное, в мировом пространстве. Нам ни разу не удалось послать Ка-

строеного аппарата возможно переслать энергию на другие планеты — например на Марс и Венеру, даже при наибольшем их удалении от Земли. Мой электрический метод дает практическое разрешение вопроса передачи и получения сообщений с планет. Мы можем притом надеяться, что планетные существа так же просвещены, как и мы».

Смелые утверждения Тесла вызвали оживленную полемику в газетах и журналах того времени и породили надежды, отзывком которых и является это место романа Герберта Уэллса. (*Прим. ред.*)

¹ **Маркони** — итальянский инженер, один из изобретателей радиотелеграфа. Уэллс не упоминает другого изобретателя — русского физика Попова, который за несколько месяцев до Маркони в 1895 году разработал идею беспроволочного телеграфа. (*Прим. ред.*)

вору ответ. Поэтому он не знал, что именно из его сообщений получено и что затерялось; он даже не знал наверно, что на Земле вообще известны его попытки связаться с нами. И упорство, с которым он отправлял восемнадцать длинных описаний лунных дел — ибо их было бы всего восемнадцать, если бы мы получили их целиком, — доказывает, как часто мысли его обращались к родной планете, покинутой им два года назад.

Легко вообразить, как удивился м-р Вендиджи, когда обнаружил, что его запись электромагнитных возмущений чередуется с бесхитростным английским языком м-ра Кавора. М-р Вендиджи ничего не знал о нашем сезумном путешествии на Луну, и вдруг — этот английский язык из межпланетной пустоты!

Читатель должен по возможности ясно представить себе те условия, при которых передавались эти послания. Где-то внутри Луны Кавор несомненно получал по временам доступ к обширной коллекции электрических аппаратов и, очевидно, соорудил из них — быть может тайком — передаточный прибор типа Маркони. Этим прибором он пользовался не особенно регулярно: иногда передача длилась полчаса или около того, иногда три или четыре часа подряд. В этих случаях он передавал свои послания на Землю, не заботясь о том, что относительное положение Луны и различных пунктов на земной поверхности непрерывно изменяется. Вследствие этого, а также по причине неустраняемого несовершенства наших воспринимающих аппаратов, его послания дошли до нас в весьма отрывочном виде. Иногда они «расплываются» или «тускнеют» таинственным и совершенно безнадежным образом. Прибавьте к этому, что он никогда не был опытным радиотехником; он частью позабыл, а может быть никогда по-настоящему не знал общепринятого кода, — лишь только он утомлялся, то начинал пропускать слова или переверять их самым курьезным манером.

Поэтому мы, вероятно, потеряли около половины отправленных им посланий, а многое из того, что мы имеем, искажено, бессвязно и частью совсем темно. Итак, в предлагаемом ниже извлечении читатель найдет значительное число перерывов, зияний и внезапных переходов от одной темы к другой. М-р Вендиджи и я подготовляем совместно полное и совершенно научное, снабженное всеми необходимыми справками издание записей. Мы надеемся выпустить

его в свет вместе с подробным описанием наших инструментов. Первый том выйдет в январе будущего года. Это будет полный научный отчет, тогда как здесь предлагается лишь популярное изложение. Но оно, по крайней мере, позволит мне надлежащим образом закончить рассказанную мною историю и, сверх того, даст общую картину лунного мира, такого близкого и, вместе с тем, такого своеобразного и столь непохожего на наш собственный мир.

XXIII

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПЕРВЫХ ШЕСТИ ПОСЛАНИЙ М-РА КАВОРА

Два первых послания м-ра Кавора можно смело сохранить для большого издания. Они попросту излагают, очень кратко и с кое-какими различиями, интересными, но не имеющими важного значения, всю историю постройки шара и нашего отлета с Земли. Кавор повсюду говорил обо мне, как о покойнике, но тон его странным образом изменяется, когда он начинает рассказывать о нашей высадке на Луне. «Бедный Бедфорд», говорит он обо мне. «Бедный молодой человек», и он горько порицает себя за то, что побудил молодого человека, «отнюдь неподготовленного для подобных приключений», покинуть нашу планету, «на которой его без сомнения ждали лестные успехи, — и отправиться в столь рискованную экспедицию». Я полагаю, что он не дооценивает ту роль, которую моя энергия и практическая сметка сыграли в осуществлении его чисто теоретической идеи. «Итак, мы прибыли», говорит он, не добавляя более ни слова к рассказу о нашем путешествии через мировое пространство, как будто это была самая заурядная поездка по железной дороге.

И затем он становится все более и более несправедливым ко мне. Несправедливым до такой степени, какой, право, я не мог ожидать от человека, всю свою жизнь посвятившего служению научной истине. Вспоминая мой гораздо раньше написанный рассказ о тех же событиях, я смею заявить, что я был всюду гораздо справедливее к Кавору, нежели он ко мне. Я смягчил очень многое и не пропустил ничего. А он вот что говорит обо мне:

«Вскоре стало очевидно, что небывалая странность нашего положения и всего окружающего — значительная потеря веса, разреженный, но богато насыщенный кислородом воздух, вытекающее отсюда чрезвычайное увеличение результатов каждого мускульного усилия, быстрое развитие фантастических растений из мельчайших спор и наконец мрачное небо, — возбуждающим образом действовали на моего товарища. Он стал порывистым, резким и задорным. Вскоре он имел безумие наесться каких-то гигантских пузырчатых растений, вследствие этого опьянел, и потому мы были взяты в плен селенитами, прежде чем успели при-смотреться к ним».

(Заметьте, пожалуйста, он ничего не говорит о том, что тоже покушал этих «пузырчатых растений»!)

После этого он продолжает свой рассказ следующим образом: «Конвоируемые селенитами, мы дошли до трудно проходимого места, и Бедфорд, не поняв значения некоторых их жестов (в самом деле, хорошенькие жесты!), впал в неистовство. Он совершенно рассвирепел, убил трех селенитов и вынудил меня бежать вместе с ним после этого преступления. Затем нам пришлось сражаться с целой толпой этих существ, преградивших нам путь, и мы убили еще семерых или восьмерых. К чести селенитов надо сказать, что, когда они снова схватили меня, то не подумали немедленно меня умертвить. Мы с Бедфордом выбрались на поверхность и, достигнув кратера, разлучились, чтобы легче было найти шар. Но вскоре я натолкнулся на отряд селенитов, под командою двух существ, весьма неп хожих даже по своему внешнему виду на тех, которых мы видели прежде. Эти новые селениты отличались от прочих более крупными головами, маленькими телами и более сложным одеянием. Некоторое время мне удавалось прятаться от них, но потом я свалился в овраг, довольно серьезно повредил себе голову и вывихнул ногу в подъеме; почувствовав, что мне слишком трудно ползать, я тогда решил сдаться, если они позволят мне сделать это. Они позволили и, видя мою беспомощность, понесли меня обратно внутрь Луны. Что касается Бедфорда, то с тех пор я ничего не слышал о нем и не видел его; сколько известно, не видели его и селениты. Должно быть, ночь застигла его в кратере или — что более вероятно — он нашел шар и, намереваясь украсть у меня мое изобретение, улетел. Но боюсь, — он не сумел спра-

виться с механизмом и лишь нашел более медленную и мучительную смерть в мировом пространстве».

Тут Кавор оставляет меня и обращается к более интересным темам. Мне не хочется злоупотреблять правами издателя, переделывая в собственных интересах рассказ моего спутника, но я вынужден протестовать здесь против того освещения, которое он даст событиям. Он ничего не говорит о напех нацарапанной, запятнанной кровью записке, в которой он изложил или пытался изложить историю своего пленения. Исполненная достоинства сдача представляется собой совсем иной вариант всего этого дела, вариант — я вынужден на этом настаивать, — который придет ему в голову лишь после того, как он начал чувствовать себя в полной безопасности среди лунного народа; а что касается попытки «украсть его изобретение», то я охотно предоставляю читателю произнести свой приговор, выслушав оба наши рассказа. Я знаю, что я не образец добродетели, и я не претендую на это. Но разве я таков, каким мой товарищ нарисовал меня?

Однако этим ограничиваются мои вины в глазах Кавора. Начиная с этого места, я могу издавать его послания в совершенном спокойствии духа, так как он более не упоминает обо мне.

Повидимому, селениты, изловившие Кавора, спустили его затем в «большую шахту» при помощи аппарата, который он сравнивает с воздушным шаром. Весь отрывок этот довольно темен, но из кое-каких намсков, рассеянных в других местах, мы имеем право заключить, что большая шахта входила в состав целой системы искусственных труб, которые соединяют центральные области Луны с поверхностью так называемых лунных «кратеров» и погружаются вглубь более чем на сто километров. Эти шахты сообщаются одна с другой поперечными туннелями, они соединяются с бездонными пещерами и расширяются в большие шаровидные помещения. Вся твердая масса Луны на протяжении более ста километров представляет собой настоящую каменную губку. «Губчатое строение лунной коры, — говорит Кавор, — частью возникло совершенно естественно, но в значительной мере оно создано трудами былых поколений селенитов. Огромные круглые насыпи выброшенных на поверхность скал и земли образуют у входного отверстия тун-

и-лей большие кольца, известные земным астрономам (обманутым мнимым сходством) под названием вулканов».¹

В одну из таких шахт селениты спустили Кавора на аппарате «вроде воздушного шара», — сперва в черную темноту и потом в область постепенно усиливающегося фосфорического свечения. В своих посланиях Кавор обнаруживает несколько неожиданное со стороны ученого специалиста невнимание к мелким подробностям, но мы догадываемся, что этот свет излучали потоки и каскады воды «без сомнения заключавшей в себе какие-нибудь светящиеся микроорганизмы», которая струилась все более обильно по направлению к Центральному морю. «Когда мы спустились уже довольно глубоко, — говорит Кавор, — селениты тоже начали светиться». Наконец далеко внизу под собою он увидел озеро холодного огня, — воды Центрального моря, сверкающие и волнующиеся и «как блестящее синее море, готовое закипеть».

«Это лунное море, — говорит Кавор в одном из позднейших посланий, — не является неподвижным океаном; солнечное притяжение заставляет его воды неустойчиво перемещаться вокруг лунной оси; бури, кипения, причудливые подъемы его уровня то и дело повторяются и порою холодные ветры дуют от него на оживленные дороги огромного муравейника. Лишь во время движения вода излучает свет; в редкие минуты полного спокойствия она кажется черной. Обычно волны поднимаются и падают как маслянистые бугры, — хлопья и длинные полосы блестящей пузырьчатой пены плывут поверх медленного и слабо светящегося течения. Селениты путешествуют по подземным проливам и лагунам в маленьких плоских лодках, похожих на наши челноки. Незадолго до отправления моего в галереи, окружающие резиденцию Великого Лунария, властелина Луны, мне позволили совершить небольшую экскурсию по этим водам.

«Пещеры и переходы весьма извилисты. В большинстве своем эти пути известны только опытным рулевым из числа рыбаков, и часто случается, что некоторые неосторожные селениты навсегда исчезают в неведомых лабиринтах. Мне рассказывали, что там, в отдаленных убежищах, скрываются диковинные существа, из которых иные весьма сви-

¹ Предположение об искусственном происхождении лунных кольцевых гор весьма маловероятно. (Прим. ред.)

репы и опасны, и лунная наука до сих пор не успела их истребить. Среди этих чудовищ особенно замечательна Рафа — перепутанная масса прожорливых щупальцев, которые, будучи разрублены на куски, немедленно начинают размножаться; а также Тэи — жестокая, издали рязящая тварь, которой никто никогда не видел, так внезапно и быстро убивает она всякого, приближающегося к ней».

После этого следует небольшой описательный отрывок.

«Эта экскурсия напомнила мне читанное мною когда-то описание Мамонтовой пещеры; если бы желтый факел освещал мой путь вместо этого вечного голубого света, и широкоплечий лодочник орудовал веслом вместо селенита с головой, похожей на ящик, управлявшего машиной на корме челнока, я мог бы вообразить, будто внезапно вернулся на Землю. Окружавшие нас скалы были очень разнообразны, иногда они казались совершенно черными, иногда были окрашены в бледно-голубой цвет и испещрены жилками, а в одном месте они искрились и сверкали, как будто мы попали в сапфировый грот. В глубине под нами мелькали и исчезали призрачно светящиеся рыбы. Затем вдруг раскрывалась длинная синева-зеленая перспектива канала, а немного спустя можно было мельком увидеть огромную, переполненную народом вертикальную шахту.

«В одном месте посреди обширного водного пространства, над которым свисали блестящие сталактиты, столпилось множество рыбачьих лодок. Мы приблизились к одной из них, и я стал наблюдать за работой лунных рыбаков, которые вытягивали сети своими необычайно длинными руками. Они были похожи на маленьких горбатых насекомых с чрезвычайно развитыми верхними придатками, с короткими кривыми ногами и морщинистыми лицевыми масками. Сеть, которую они вытаскивали, была, вероятно, самой тяжелой вещью, какую я только видел на Луне; к ней привешены были грузила — без сомнения золотые — и вытягивать ее пришлось очень долго, потому что в этих водах самые большие и наиболее вкусные рыбы скрываются в глубине. Рыбы, наполнявшие сеть, поднимались вверх, словно голубое лунное сияние.

«Среди добычи на этот раз оказалась какая-то черная гадина с многочисленными щупальцами и злыми глазами. необыкновенно подвижная и яростная. При виде ее рыбаки запищали и зачирикали; потом быстрыми и нервными движениями они принялись рубить ее на куски своими топо-

«Я стал наблюдать за работой лунных рыбаков» (стр.184).

риками. Отрубленные члены продолжали извиваться и вытягиваться угрожающим образом. Впоследствии, когда я захворал лихорадкой, мне много раз чудилась эта остревнившаяся свирепая тварь, такая сильная и такая подвижная, поднимающаяся из пучины неведомого моря. Это было самое деятельное и злое живое существо, которое я когда-либо видел внутри Луны...

«Уровень этого водного пространства, должно быть, лежит километров на триста ниже поверхности Луны. Все города, как я после узнал, расположены поблизости от Центрального моря, в просторных пещерах и искусственных галереях, уже описанных мною и сообщающихся с поверхностью огромными вертикальными шахтами, которые неизменно выводят в так называемые лунные кратеры. Во время скитаний, предшествовавших моему пленению, я уже видел крышку, закрывавшую жерло одной из таких шахт.

«О тех частях Луны, которые расположены ближе к поверхности, я еще не узнал ничего безусловно достоверного. Там существует огромная система пещер, где лунные коровы ютятся в течение ночи: там устроены бойни и другие подобные учреждения, — в одной из таких боен и Бедфорд сражались с лунными мясниками. — А с тех пор я видел, как воздушные шары, нагруженные мясом, спускаются откуда-то сверху из темноты. До сих пор я знаю об этих вещах не больше, чем зулус, недавно попавший в Лондон, может знать об организации английской хлебной торговли. Совершенно ясно, однако, что вертикальные шахты и растительность на поверхности Луны должны играть важную роль в освещении лунной атмосферы. Несколько раз, с тех пор как я вышел из моей темницы, холодный ветер дул сверху вниз вдоль по шахтам, а позднее по направлению к поверхности подул горячий ветер вроде сирокко,¹ вызвавший у меня лихорадку. В течение трех недель или около того я хворал этой неприятной болезнью и, несмотря на продолжительный сон и на хиновые таблетки, которые к счастью уцелели у меня в кармане, я чувствовал себя очень скверно почти до тех пор, пока меня не отвели во дворец Великого Лунария, властелина Луны».

«Я не хочу, — замечает далее Кавор, — распространяться о моем жалком положении во время болезни».

¹ Так называется в Италии и на южном побережье Франции сухой, горячий ветер, периодически дующий из Африки. (*Прим. ред.*)

И после этого сообщает множество мелких подробностей, которые я здесь опускаю.

«Моя температура, — продолжает он, — в течение долгого времени держалась на ненормально высоком уровне, и я потерял всякий аппетит. Иногда я страдал бессонницей. Иногда меня мучили страшные сны; я до сих пор помню период слабости, когда я мучительно тосковал о Земле. Я испытывал страстное желание, чтобы какой-нибудь другой цвет нарушил вечное однообразие этой синевы...»

Тут он снова начинает говорить о лунной атмосфере, заключенной внутри губчатой каменистой громады. Астрономы и физики уверяли меня, что рассказ его во всех своих подробностях соответствует тому, что и прежде было известно о природе Луны. М-р Вендиджи утверждает, что если бы у земных астрономов хватило смелости и воображения довести до конца все выводы из имеющихся в их распоряжении данных, они могли бы заранее предсказать все то, что Кавор сообщил о строении Луны. Они теперь знают почти наверное, что Луна и Земля не столько планета и спутник, сколько две сестры — младшая и старшая, образовавшиеся из одной и той же массы, и следовательно состоящие из однородного вещества. А так как плотность Луны равняется лишь трем пятым плотности Земли, то отсюда явствует, что Луна должна быть пронизана обширной системой пещер.

«Не было никакой необходимости, — сказал сэр Джобетс Флапп, член Королевского Общества, остроумный популяризатор тайн звездного мира, — отправляться так далеко для выяснения столь нетрудных загадок». Далее он говорит, что Луна похожа на грийэрский сыр. Но во всяком случае было бы очень мило с его стороны еще до нашего путешествия сообщить все то, что он знал о пещерном строении Луны. Если в ее недрах скрываются обширные пустоты, то видимое отсутствие воздуха и воды на поверхности легко объяснить. Море находится внутри, в глубине пещер, а воздух течет вдоль галерей согласно законам физики. Лунные норы, по общему правилу, очень хорошо вентилируются. По мере того, как солнечный свет обходит вокруг Луны, воздух внешних галерей согревается, давление его увеличивается. Некоторая часть воздуха выходит на поверхность и смешивается с испаряющимся воздухом кратера (где растения поглощают углекислоту), в то время как большая часть стекает вниз по галереям, вытес-

няя более плотный воздух холодной стороны. Итак, непрерывный восточный ветер дует по внешним галереям, а воздух поднимается по шахтам в течение лунных дней, хотя движение это, конечно, чрезвычайно усложняется благодаря извилинам и неодинаковым размерам галерей, а также под действием остроумных приборов, установленных селенитами.

XXIV

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЕНИТОВ

Послания Кавора, начиная с шестого и кончая шестнадцатым, в большей своей части так отрывочны и изобилуют такими повторениями, что трудно составить из них последовательный рассказ. Конечно, они будут помещены полностью в научном отчете, но здесь будет гораздо удобнее попрежнему цитировать и делать извлечения, как в предыдущей главе. Мы подвергли каждое слово внимательному критическому разбору, и мои собственные воспоминания и впечатления о лунном мире принесли нам неоценимую помощь при истолковании тех мест, которые иначе показались бы непроницаемо темными. Конечно — как оно и естественно для людей — мы гораздо больше интересовались диковинным общественным устройством лунных насекомых, в среде которых Кавор, повидимому, жил, как почтительный гость, чем физическими особенностями их мира.

Помнится, я уже раньше указывал совершенно определенно, что селениты, которых я видел, напоминают человека вертикальным положением тела и четырьмя конечностями, а общий вид их голов и сочленений я сравнивал с головами и сочленениями насекомых. Я упоминал также, что вследствие меньшей силы притяжения на Луне тела их чрезвычайно хрупки. Кавор подтверждает мой рассказ во всех этих пунктах. Он называет селенитов «животными», хотя, конечно, их нельзя уподобить ни одной породе земных существ, и он указывает, что «к счастью для человека насекомые никогда не достигали на Земле особенно больших размеров». Самые крупные земные насекомые, как ныне живущие, так и вымершие, имеют самое большее шесть дюймов в длину; «но здесь, вследствие меньшей силы

притяжения Луны, существо, являющееся столь же насекомым, сколь позвоночным, получило возможность развиться до человеческих и даже сверхчеловеческих размеров».

Он никогда не упоминает о муравьях, но все намеки, рассеянные в его рассказе, постоянно напоминали мне муравьев, предусмотрительных, неутомимо деятельных и живущих правильно организованными общинами. Кроме того, селениты похожи на муравьев анатомическим строением тела, а также тем, что наряду с самцами и самками, как у почти всех других животных, между ними встречается много других бесполой существ — рабочих, воинов и так далее. Селениты различаются телосложением, характером, силой и назначением и, однако, принадлежат к одному и тому же виду. Конечно, селениты гораздо крупнее муравьев. По мнению Кавора, они значительно превосходят даже людей если не ростом, то во всяком случае разумом, нравственностью, знаниями и мудростью своего общественного устройства. И если у известных нам муравьев можно наблюдать четыре или пять различных типов, то среди селенитов число типов почти бесконечно. В одной из предыдущих глав я указывал, как велика была внешняя разница между теми, живущими вблизи лунной поверхности, селенитами, которых мне довелось встретить; в самом деле, разница в росте и в телосложении была ничуть не меньше, чем между наименее схожими человеческими расами. Но все различия, виденные мною, совершенно ничтожны сравнительно с тем бесконечным разнообразием, о котором повествует Кавор. Как видно, живущие у поверхности селениты занимаются более или менее одинаковыми работами: это пастухи, резники, мясники и т. п. Но внутри Луны, чего я совершенно не подозревал, обитает множество других селенитов, отличающихся друг от друга ростом, строением членов, мускульной силой и всей своей внешностью. И однако это не различные виды живых существ, но лишь различные типы одного и того же вида. При всех наружных изменениях они удерживают черты сходства, указывающие на их видовое единство. Луна — своего рода исполинский муравейник. Но только вместо четырех или пяти типов муравья, существует несколько сот типов селенита и, кроме того, целый ряд переходных форм от одного типа к другому.

Повидимому, Кавор заметил это очень скоро. Я скорее угадываю, чем узнаю из его рассказа, что он был взят в

Итен лунными пастухами, нисходившимися под командой двух селенитов с «более объемистыми мозговыми ящичками (головами?) и гораздо более короткими ногами». Убедившись, что он не в состоянии идти, несмотря даже на уколы стрекалами, они потащили его в темноту, переправились по узкому, похожему на дощечку мосту, — быть может по тому самому, идти через который я отказался, — и положили его во что-то, показавшееся ему с первого взгляда лифтом. Это была корзина воздушного шара, который, конечно, остался в свое время абсолютно невидимым для нас, а то, что я считал дощечкой, уводящей в пустоту, в действительности было, вероятно, сходящими, переброшенными из корзины на пристань. С помощью этого шара Кавор стал спускаться во все более и более освещенные пещеры Луны. Сначала спуск проходил в совершенной тишине, если не считать чирикания селенитов, а потом среди все усиливающегося шума и суеты. Немного спустя глаза Кавора настолько освоились с темнотой, что он начал постепенно различать окружающие предметы и таким образом мог начать свое знакомство с таинственными недрами лунного мира.

«Представьте себе огромное цилиндрическое пространство, — говорит он в седьмом послании, — имеющее, быть может, метров триста в поперечнике. Сперва оно очень тускло освещено, но потом становится гораздо светлее. По сторонам его выдаются широкие платформы, расположенные спиралью, дальний конец которой исчезает внизу, в синей глубине. Представьте себе пролет огромной винтовой лестницы или шахту лифта, самую большую из всех виденных вами, и мысленно увеличьте ее во сто раз. Вообразите, что вы смотрите в эту шахту при полусвете сквозь синее стекло. Но при этом вообразите также, что вы чувствуете себя необычайно легко и не испытываете головокружения, которое могло бы охватить вас на Земле, и вы поймете мое первоначальное впечатление. Вокруг шахты вообразите широкую галерею, извивающуюся спиралью, гораздо более крутой, чем это было бы возможно на Земле, и образующую дорогу, которая защищена от бездны лишь маленьким парапютом и исчезает, наконец, во мраке на глубине приблизительно трех километров.

«Поглядев кверху, я увидел приблизительно то же самое; мне казалось, что я смотрю в очень узкий конус. Ветер дул вниз по шахте, и мне почудилось, что я слышу зву-

чавшее все слабее и слабее мычание лунных коров, которых загоняли обратно по окончании дневной пастбы. Вверх и вниз по галерее двигались многочисленные лунные обитатели, бледные, слабо светившиеся существа, глазевшие на нас или занятые какими-то непонятными мне делами.

«Не знаю, померещилось мне это или действительно снежинка пролетела в струе ледяного воздуха. А затем, падая, словно снежинка, быстро пронеслась в глубь Луны крохотная фигурка — маленький человек-насекомое, прицепившийся к парашюту.

«Большоголовый селенит, сидевший со мною рядом, видя, что я поворачиваю голову с жестом человека, интересующегося всем окружающим, вытянул свою хоботообразную руку и указал нечто вроде дамбы, которая появилась далеко внизу: то была маленькая пристань, нарисованная изд пустой. По мере того, как мы приближались к ней, скорость нашего движения уменьшалась; несколько секунд спустя мы оказались на одном уровне с пристанью и остановились. Был брошен и подхвачен причальный канат, и меня выволокли на пристань, где собралась большая толпа селенитов, толкавшихся, чтобы поглазеть на меня.

«То была совершенно неправдоподобная толпа. Впервые я уяснил себе, как велики различия, встречающиеся среди обитателей Луны.

«В самом деле, казалось, что среди этой толкотни нельзя насчитать и двух похожих друг на друга индивидов. Одни раздувшиеся и выпяченные, другие такие маленькие, что могли бегать между ногами своих товарищей. У каждого была совершенно невероятно преувеличена какая-нибудь отдельная черта: у одного выдавалась огромная правая рука, вроде антенны, другой, казалось, состоял из одних ног и, можно было подумать, что он взобрался на ходули; у третьего на краю лицевой маски торчало некое подобие носа, и это делало бы его похожим на человека, если бы не лишенный всякого выражения зияющий рот. Странная и (если не считать отсутствия челюстей и усиков) совершенно насекомоподобная голова лунного пастуха подверглась здесь самым невероятным изменениям: в одном случае она была широкая и низкая, в другом — высокая и узкая; здесь кожаный лоб был украшен рогами и странными паростами, там виднелась раздвоенная борода или карикатурный человеческий профиль. Особенно часто бросались в глаза черепные коробки,

раздувшиеся, словно пузыри, в то время как лицевая маска сведена была к очень скромным размерам. Виднелось также несколько субъектов с микроскопическими головами и вздутыми телами, а рядом с ними фантастические толстые существа, которые, видимо, лишь служили подставками для вытянутых словно трубы придатков к нижней части маски. Но тогда меня всего больше поразило, что два или три фантастических обитателя подземного мира, мира, защищенного от солнца или дождя бесчетными километрами скал, держали в своих щупальцеобразных руках зонт ки — настоящие земные зонтики! Но тут я вспомнил парашютиста, которого видел во время спуска.

«Этот лунный народ вел себя совершенно так же, как человеческая толпа в сходных условиях: они толкались и пихались, оттесняли друг друга и даже карабкались один другому на плечи, желая посмотреть на меня. Число их с каждой секундой увеличивалось, и они все сильнее напирали на диски моих стражей» (Кавор не поясняет, что он хочет этим сказать). «Каждую секунду новые фигуры появлялись из мрака, и я не мог не смотреть на них. Но вот мне сделали знак и помогли взобраться в носилки, которые подняли на плечи здоровенные носильщики; после этого меня понесли сквозь эту волнующую толпу в предназначенные мне покои. Вокруг себя я видел при голубом полусвете глаза, лица, маски, слышал шум, напоминавший шуршание крыльев жуков, громкое блеяние и стрекочущее щебетание селенитов».

Можно догадаться, что его отнесли в «шестиугольный покой» и на некоторое время заперли там. Позднее ему предоставили гораздо больше свободы; в сущности, он был почти так же свободен, как любой обыватель цивилизованного города на Земле. И, повидимому, таинственное существо, являющееся правителем и господином Луны, назначило двух селенитов «с большими головами», поручив им охранять и изучать пленника и, если это возможно, как-нибудь объясниться с ним. Как удивительно и невероятно это ни покажется, но эти два существа, фантастические человекоподобные насекомые, обитатели другого мира, вскоре уже беседовали с Кавором на земном языке.

Кавор называет их Фи-У и Тзи-Пуфф. По его словам, Фи-У ростом не выше пяти футов; у него маленькие тонкие ножки около восемнадцати дюймов в длину и небольшие ступни обычного лунного типа. На них котышется малень-

Обитатели другого мира беседовали с Кавором (стр. 192).

кое тело, вздрагивающее от пульсации сердца. У него длинные и мягкие, многосуставные руки, оканчивающиеся щупальцами, шея, с многими сочленениями, как у всех селенитов, но при этом исключительно короткая и толстая. «Голова его, — говорит Кавор, видимо, намекая на какое-то предшествующее описание, затерявшееся в пространстве, — принадлежит к обычному лунному типу, но странным образом видоизмененному. Как у всех селенитов, рот его — только зияющая, лишенная всякого выражения дыра; но он чрезвычайно мал и оттянут книзу, и вся маска сводится в сущности к приплюснутому кончику носа. По обеим сторонам этого последнего помещаются маленькие глаза.

«Голова представляет собой большой шар. Твердая кожистая шкура лунных пастухов превратилась в тонкую пленку, сквозь которую отчетливо видна пульсация мозга. Это — существо с чудовищно увеличенным мозгом и с телом, имеющим карликовые размеры».

В другом отрывке Кавор сравнивает Фи-У с Атлантом,¹ поддерживающим земной шар. Тэи-Пуфф, повидимому, был насекомым в том же роде, но «лицо» его было значительно удлинено, и разрослись свыше всякой меры лишь некоторые части мозга. Поэтому голова имела не круглую, а грушевидную форму и узкой частью своей была обращена вниз. К свите Кавора принадлежали также носильщики — могучие существа с огромными плечами, длинноногие скороходы с паучьими ногами и один постоянно сидевший на корточках слуга.

Фи-У и Тэи-Пуфф разрешили проблему изучения языка очень просто. Они явились в «шестиугольную келью», где был заключен Кавор, и стали подражать каждому звуку, который он издавал, начиная с кашля. Он, видимо, быстро понял их намерения и начал повторять слова, жестами поясняя их значение. Способ был вероятно всегда одинаков. Фи-У некоторое время внимательно следил за Кавором, затем тоже указывал называемый предмет и произносил услышанное им слово.

Первым словом, которым он овладел, было «мэн» (человек) и вторым «муни» (лунянин). Видимо, Кавор наскоро изобрел это обозначение для лунной породы живых су-

¹ В греческой мифологии титан, поддерживавший на плечах небесный свод или (по позднейшим представлениям) земной шар. (Прим. ред.)

ществ, чтобы не пользоваться более сложным словом «селенит». Лишь только Фи-У уяснял себе значение слова, он повторял его Тзи-Пуффу, который тотчас запоминал его совершенно безошибочно. За первый же урок они усвоили около сотни английских имен существительных.

Позднее они привели с собою художника, который помогал истолкованию слов, делая наброски и чертежи, так как собственные рисунки Кавора были довольно плохи. Это было, — говорит Кавор, — «существо с очень подвижной рукой и внимательными глазами», рисовавшее необычайно проворно.

Одиннадцатое послание, без сомнения, является лишь отрывком более длинного сообщения. После нескольких бессвязных фраз, значение которых непонятно, оно гласит следующее:

«Но это может заинтересовать только лингвиста, и кроме того мне понадобилось бы слишком много времени, чтобы сообщить все подробности целой серии бесед, из коих я воспроизвел здесь лишь самые первые. Я даже сомневаюсь, чтоб мне удалось хотя бы приблизительно описать здесь все уловки, к которым мы вынуждены были прибегать с целью достигнуть взаимного понимания. Глаголы дались нам без особых трудностей, по крайней мере глаголы действительного залога, которые я мог пояснить рисунками; кое-какие прилагательные тоже были усвоены довольно легко, но когда мы обратились к отвлеченным понятиям, предложениям и общераспространенным фигуральным выражениям, посредством которых так много выражается на Земле, я почувствовал себя в тупике. По правде сказать, трудности казались неодолимыми, пока на шестом уроке не появился четвертый участник занятий — обладатель огромной яйцеобразной головы, специальность которого, очевидно, заключалась в решении сложных проблем посредством аналогии. Он вошел с озабоченным видом и споткнулся о стул. То и дело приходилось толкать и щипать его, чтобы привлечь его внимание. Но лишь только он догадывался, чего от него требуют, проникательность его была изумительна.

«Каждый раз, когда возникала проблема, превышавшая далеко незаурядные умственные силы Фи-У, эта длинная-лобая личность вносила свою долю в работу и немедленно сообщала свое заключение Тзи-Пуффу, который всегда был нашим арсеналом для фактических сведений. Таким образом мы подвигались вперед.

«Работа показалаась мне очень долгой, и однако она была коротка: всего через несколько дней я уже разговаривал с этими лунными насекомыми. Конечно, первые наши беседы были чрезвычайно нудны и утомительны, но незаметно мы добились взаимного понимания, — как нельзя более во-время, потому что терпение мое приходило к концу. Теперь мы постоянно беседуем. Я хочу сказать, что беседу ведет Фи-У. Он употребляет при этом целый ряд междометий вроде м''м и кроме того постоянно повторяет одну или две фразы — «смею сказать», «если вы меня понимаете» и т. д., которыми усеивает всю свою речь.

«Вот образчик его беседы. Представьте себе, что он хочет дать характеристику приведенного им с собою художника:

«— М''м — м''м! Он, смею сказать, рисует. Ест мало. — Пьет мало. — Рисует. — Любит рисовать. — Ничего другого не любит. — Ненавидит всех, кто не рисует, как он. — Сердитый. — Ненавидит всех, кто рисует лучше, чем он. — Многих ненавидит. — Ненавидит всех, кто не думает, что весь свет надо рисовать. — Сердитый. — М''м! Ничего не знает, только рисовать. Вас любит. . . Если вы понимаете. . . Новые вещи, чтобы рисовать. Гадко — поразительно, — э?

«— Он (обращаясь к Тзи-Пуффу) любит вспоминать слова. — Удивительно вспоминает. — Больше, чем другой. — Думать не может, рисовать не может. — Только вспоминать. Рассказывать, — тут он обращается к своему талантливому помощнику в поисках нужного слова. — истории и все. Слышит раз, говорит всегда.

«Мне кажется истинным чудом, о котором я прежде не мог и грезить, что эти чудовищные существа (постоянно имея с ними дело, я до сих пор не могу подавить в себе жуткое чувство, вызываемое их внешностью) передразнивают своим чириканьем связную человеческую речь, задают вопросы, дают ответы. Мне кажется, что я опять стал ребенком, и мне рассказывают басню о том, как стрекоза и муравей спорят друг с другом, и их судит пчела. . .»

По мере того, как эти лингвистические упражнения подвигались вперед, Кавора, видимо, стали держать менее строго. «Испуг и недоверие, вызванные нашим несчастным столкновением, — говорит он, — постепенно ослабевают, благодаря несомненной разумности всего того, что я делаю. . .» «Я теперь могу уходить и приходить, когда мне угодно, и должен подчиняться лишь некоторым ограничениям, уста-

новленным для моего собственного блага. Таким образом мне удалось добраться до аппаратов, хранящихся в этом огромном подземном складе, и посредством их я сделаю попытку послать эти сообщения. До сих пор никто не мешал мне, хотя я совершенно ясно дал понять Фи-У, что сигнализирую на Землю.

«— Вы говорите с другим? — спросил он, наблюдая за мной.

«— С другими, — сказал я.

«— С другими, — сказал он. — О да, с людьми.

«И я продолжал передавать мои послания».

Кавор постоянно вносил поправки в свои предшествовавшие описания жизни селенитов по мере того, как он узнавал новые факты, которые могли изменить его выводы; поэтому мы лишь с некоторыми оговорками приводим ниже следующие выдержки. Мы заимствуем их из девятого, тринадцатого и шестнадцатого посланий. При всей неопределенности своей и отрывочности они, однако, дают столь полную картину общественной жизни этой странной породы существ, что более подробного описания человечеству, вероятно, придется ждать еще в течение многих поколений.

«На Луне, — говорит Кавор, — каждый гражданин знает свое место. Для этого места он рождается. В результате сложной системы воспитания, обучения и смелых хирургических операций он лишается понятий и даже органов, служащих для каких-нибудь других надобностей. «Да и зачем ему это?» спросил бы Фи-У. Если, например, селенит должен стать математиком, его учителя и воспитатели стремятся единственно к этой цели. Они подавляют всякую склонность к чему-либо иному. Они поощряют пристрастие своего питомца к математике с необычайным психологическим искусством. Его мозг растет или, по крайней мере, математические способности мозга растут, а все прочее существо развивается лишь постольку, поскольку это необходимо для поддержания самой важной части. Наконец, если не считать отдыха и пищи, все удовольствия его связываются с упражнением этой господствующей способности, все интересы ограничиваются областью ее применения. Свои досуги будущий ученый проводит исключительно в обществе подобных ему специалистов. Мозг его непрерывно увеличивается, по крайней мере в тех частях, которые связаны с математикой. Эти части

разрастаются и, повидимому, высасывают все жизненные соки и всю силу из остального тела. Члены математика высыхают, сердце и пищеварительные органы уменьшаются, насекомоподобное личико прячется под вздувшимися мозговыми извилинами. Голос становится простым скрипом, пригодным лишь для изложения математических теорем. Он теряет способность смеяться, не считая тех случаев, когда ему удастся придумать курьезный математический парадокс; самые глубокие и пылкие чувства его связываются с новыми вычислениями. Таким образом достигает он своей цели.

«Или в другом случае: селенит, которому предстоит сделаться погонщиком лунного скота, с ранних лет привыкает думать о лунных коровах, жить среди них, интересоваться всем, что их касается, упражняться в уходе и в погоне за ними. Его тренируют, чтобы он стал подвижным и деятельным, глаза его обрастают твердой и угловатой роговой оболочкой, он теряет, наконец, всякий интерес к внутренним частям Луны; он смотрит на всех селенитов, недостаточно знакомых с искусством вождения стада, равнодушно, насмешливо или враждебно. Мысли его заняты лунными пастбищами, и его речь состоит из технических терминов его ремесла. Поэтому он любит свою работу и бывает совершенно счастлив, выполняя долг, оправдывающий его существование. И так обстоит дело с селенитами всех сословий, — каждый представляет собой в совершенстве законченную составную часть общей машины. . .

«Большеголовые существа, выполняющие умственную работу, являются своего рода аристократией в этом странном обществе, и во главе их, как средоточие лунного мира, стоит этот чудесный гигантский нервный узел, Великий Лунарий, перед которым я вскоре должен буду предстать. Безграничное умственное развитие интеллигентного класса стало возможным вследствие отсутствия в лунной анатомии твердого черепа, этой своеобразной костяной коробки, ставящей неустранимую преграду для развития человеческого мозга и как бы говорящей: «до сих пор и не далее». Большеголовые селениты распадаются на три главных разряда, пользующиеся отнюдь не одинаковым влиянием и уважением. Таковы прежде всего администраторы, к числу которых принадлежит Фи-У. Селениты этой категории отличаются разносторонним умственным развитием, незаурядной силой характера и большой подвижностью. Каж-

дый из них управляет определенным участком или, лучше сказать, определенным кубическим пространством внутри Луны. За ними следуют эксперты, вроде нашего длинноголового мыслителя, вышколенные исключительно для некоторых специальных умственных операций, и наконец ученые, являющиеся хранителями накопленного знания. К этому последнему разряду относится Тзи-Пуфф, первый лунный профессор земных языков. Здесь надо кстати сообщить одну любопытную подробность: беспредельное развитие лунных мозгов сделало ненужными все те вспомогательные пособия, которые сыграли такую большую роль в умственном развитии человека. На Луне нет ни книг, ни записей, ни библиотек. Все знания сохраняются в раздувшихся мозгах, как запасы меда в брюшке техасского медового муравья. Лунный Соммерсетовский институт и лунный Британский музей¹ представляют собою коллекции живых мозгов.

«Я успел заметить, что многосторонне развитые администраторы, при каждой встрече со мною, обнаруживают живой интерес.

«Они охотно сворачивают с дороги, рассматривают меня и задают вопросы, на которые отвечает Фи-У. Я постоянно вижу, как лунные администраторы проходят то туда, то сюда в сопровождении целой свиты носильщиков, служителей, глашатаев, носителей парашютов и т. д. — пестрые группы, на которые стоит посмотреть. Эксперты обычно не обращают на меня никакого внимания, точно так же, как и друг на друга, а если и замечают меня, то лишь для того, чтобы тотчас же начать крикливое изложение своих специальных познаний. Ученые по большей части погружены в невозмутимое самодовольство, из которого их может вывести только внезапное отрицание их научных заслуг. Обычно их водят маленькие надзиратели и служители, очень деятельные существа женского пола, которые, как я полагаю, служат для них чем-то вроде жен; но самые глубокомысленные ученые слишком важны, чтобы ходить пешком, и их таскают с места на место в особом рода бочках. Эти трясущиеся студии познания внушают мне почтительную боязнь. Я только что встретил одного из них, направляясь сюда, где мне позволено забавляться

¹ Соммерсетовский институт в Лондоне владеет обширной коллекцией научных пособий и моделей, а Британский музей является одной из величайших мировых библиотек. (Прим. ред.)

электрическими игрушками, и до сих пор у меня перед глазами стоит эта огромная голова, трясущаяся и лысая, покрытая тонкой кожей и передвигающаяся на своих нелепых носилках. Впереди и позади его маршируют носильщики и уродливые глашатаи с трубообразными лицами, возвещающие его славу.

«Я уже упоминал о свите, которая сопровождает большинство работников умственного труда: стражи, носильщики, лакеи — так сказать, внешние щупальцы и мускулы, всегда готовые к услугам непомерно развитых мозгов. Носильщики сопровождают их почти неизменно. Кроме того, часто встречаются проворные скороходы с ногами, как у пауков, «руки» для держания парашютов и крикуны с глотками, способными разбудить даже мертвеца. За пределами своего специального назначения эти подчиненные личности так же инертны и беспомощны, как зонтики, поставленные в стойку. Они существуют только для исполнения приказов, которым должны повиноваться, и обязанностей, которые на них раз навсегда возложены.

«Однако главная масса селенитов, которая снует взад и вперед по спиральным дорогам, переполняет поднимающиеся воздушные шары или падает вниз, цепляясь за хрупкие парашюты, принадлежит, — как я полагаю, — к сословию ремесленников. Выражение «механические руки» перестало быть на Луне простым словесным образом и сделалось повседневным явлением: одно из щупальцев лунного пастуха коренным образом видоизменилось для схватывания, поднимания, подачи, тогда как все остальные обратились в простые придатки к этому наиболее важному члену. Некоторые селениты, имеющие, надо думать, дело с механизмами, которые производят колокольный звон, имеют необычайно развитые слуховые органы; те, чья работа связана с тонкими химическими операциями, носят на лице очень крупный орган обоняния, выдающийся далеко вперед; у иных, работающих на педалях, совсем плоские ступни и неподвижные суставы, а другие, — мне говорили, что это стеклодувы, — кажутся простыми мехами для раздувания. И каждый из этих рядовых селенитов, которых я видел за работой, в совершенстве приспособился к своим обязанностям. Мелкие работы выполняются карликами, удивительно миниатюрными и изящными. Иные из них могли бы поместиться у меня на ладони. Существует также не мало селенитов-вертельщиков, единствен-

*Лунные администраторы проходят в сопровождении
целой свиты (стр. 199).*

ное ваяние и единственная радость которых заключаются в том, чтобы служить источником двигательной силы для различных мелких приборов. А чтобы поддерживать этот порядок и подавлять разрушительные склонности у сошедших с правильного пути натур, существующих среди мускулистые создания из всех виденных мною на Юге — нечто вроде лунных полицейских, которые с раннего детства, надо думать, научаются величайшему почтению и повиновению обладателям раздутых голов.

«Подготовка всех этих разнообразных типов рабочей силы представляет собою, должно быть, очень интересный и своеобразный процесс. И еще мало осведомлен на этот счет, но совсем недавно мне пришлось натолкнуться на множество юных селенитов, заключенных в кувшины, из которых высовывались только их передние конечности; все они подвергались сплющиванию, чтобы со временем стать специалистами по обслуживанию особого рода машин. При этой высоко развитой системе технического воспитания выгнутая «рука» выращивается при помощи химических возбудителей и питается посредством впрыскиваний, тогда как все остальное тело вынуждено терпеть голод. Фи-У, если только я правильно понял его объяснения, сообщил мне, что на ранних стадиях подготовки эти маленькие уродцы, видимо, страдают от неестественного положения своего тела, но впоследствии примиряются со своим жребием. И он повел меня в пещеру, где растягивали и выламывали будущих скороходов, чтобы сообщить надлежащую гибкость их членам. Я сознаю, что это весьма неразумно, но, когда мне случается мимоходом взглянуть на подобные воспитательные приемы, это производит на меня неприятное впечатление. Надеюсь, однако, что это пройдет, и что со временем я сумею лучше оценить эту сторону изумительного общественного строя селенитов. Жалкая рука, высовывавшаяся из кувшина, показалась мне немимым протестом против искусственного уродства и красноречиво говорила об утраченных возможностях. Воспоминание о ней до сих пор преследует меня, хотя, разумеется, в конечном итоге, это гораздо более гуманный способ, нежели наш земной обычай позволять детям становиться нормально развитыми людьми и затем делать из них придатки к машинам.

«Совсем недавно — думаю, что то был мой одиннадцатый или двенадцатый визит к этому аппарату — я узнал любопытную подробность из жизни селенитов-ремесленни-

ков. Меня повели кратчайшей дорогой, а не так, как обычно — вниз по спиральям и затем по набережным Центрального моря. Из длинной, извилистой и темной галереи мы проникли в обширную пещеру, сильно пахнущую землей и довольно ярко освещенную. Свет исходил от густой поросли синевато-багровых грибовидных растений. Некоторые из них поразительно напоминали наши земные грибы-дождевики, но поднимались до высоты человеческого роста и даже больше.

«— Муни едят это? — спросил я, обращаясь к Фи-У.

«— Да, пища.

«— Господи! — воскликнул я. — А что это такое?

«Глазам моим предстала фигура чрезвычайно рослого и неуклюжего на вид селенита, лежавшего ничком между столбами. Мы остановились.

«— Он умер? — спросил я. (До сих пор я не видел на Луне ни одного покойника, и любопытство мое было сильно возбуждено.)

«— Нет, — отозвался Фи-У, — его — работник — нет работы. Тогда немножко выпил — пока нам не нужно. За чем будить, а? Ему не надо везде ходить.

«— А вот и другой! — воскликнул я.

«В самом деле, все, поросшее грибами обширное пространство было усеяно телами селенитов, спавших под действием наркоза в ожидании того времени, когда Луну потребуются их услуги. Здесь было несколько десятков рабочих всех типов, и мы могли переворачивать их с боку на бок и рассматривать так внимательно, как это мне до сих пор еще никогда не удавалось. Они шумно дышали, когда я трогал их, но не просыпались. Одного я особенно отчетливо запомнил: он произвел на меня сильнейшее впечатление, вероятно, потому, что игра света и положение тела сообщали ему сходство с человеком. У него были длинные деликатные щупальцы, очевидно приспособленные для какой-то тонкой работы, и поза, в которой он заснул, выражала покорное страдание. Несомненно я ошибся, истолковав в этом смысле его выражение, но так мне почудилось. И когда Фи-У откатил его обратно в тень мясистых багровосиних грибов, я испытал очень неприятное ощущение, хотя, когда спящий покатился, свойства насекомого обнаружились в нем совершенно явственно.

«Все это может лишь служить иллюстрацией того, как

неразумны бывают наши привычные душевные переживания. Оплоить ненужного рабочего снотворным напитком и отложить в сторону несомненно гораздо гуманнее, чем прогнать с фабрики и позволить ему умирать с голоду на улицах. В каждом обществе со сложной организацией неизбежно случаются перебои в спросе на работу тех или иных специалистов, и селениты очень удачно разрешили проблему безработицы. И, однако, так безрассудны бывают иногда даже люди науки, что я до сих пор не люблю вспоминать об этих телах, распростертых под молчаливыми светящимися аркадами мясистых грибов, и избегаю ходить более короткой дорогой, несмотря на все неудобства другой дороги, более длинной и более людной.

«Эта более длинная круговая дорога проходит через большую полутемную пещеру, переполненную народом и шумную, где я могу видеть, как из шестиугольных отверстий в похожей на пчелиные соты стене, выглядывают матери лунного мира, пчелиные королевы этого улья. Иногда они прогуливаются тут же по широкому открытому пространству, рассматривая и выбирая игрушки и амулеты, изготавливаемые им на потеху тонкорукими ювелирами, работающими в подвальных конурах. Лунные женщины очень величественны на вид. Все они фантастически, а иногда очень красиво наряжены, выступают гордо и обладают, если не считать выпяченных ртов, почти микроскопическими головами.

«О взаимоотношениях полов на Луне, о замужествах, свадьбах и рожденьях среди селенитов мне удалось до сих пор узнать лишь очень немного. Однако, по мере успехов Фи-У в английском языке, неведение мое без сомнения скоро исчезнет. Я придерживаюсь того мнения, что, по примеру муравьев и пчел, значительное большинство членов лунной общины принадлежит к среднему полу. Конечно, и у нас на Земле в больших городах много найдется мужчин и женщин, которые никогда не знали радостей отцовства и материнства. Но здесь, как у муравьев, это стало нормальным положением для большинства, и вся работа по воспроизведению расы возложена на особый и отнюдь немногочисленный класс матрон, матерей лунного мира. Это — статные дородные создания, как нельзя более пригодные для того, чтобы вынашивать личинки будущих селенитов. Если я правильно понял объяснения Фи-У, матери совершенно неспособны выращивать малышей, которых

производят на свет. Периоды сумасшедшего баловства сменяются у них припадками злобного неистовства, — и потому, возможно раньше, крохотные существа, рождающиеся нежными, мягкими и бледно окрашенными, передаются на попечение безмужних самок, женщин-работниц, которые во многих случаях обладают мозгами, по размерам своим не уступающими мужским».

К несчастью как раз в этом месте послание прерывается. При всей отрывочности и неполноте этой главы, она все же дает некоторое представление об этом странном и поразительном мире, — о мире, с которым нашему собственному миру, быть может, придется столкнуться рано или поздно. Прерывистый шопот посланий Кавора, поскрипывание записывающей иглы в тишине горных склонов есть лишь первый вестник наступающей перемены во всех условиях жизни человечества, перемены, которую мы вряд ли можем вообразить. На нашем спутнике имеются новые для нас формы общественного строя, новые технические усовершенствования, новые понятия, ошеломляющая лавина новых идей, странная порода существ, с которыми мы неизбежно должны будем вступить в борьбу за господство над миром, — и наконец золото, столь же распространенное там, как у нас железо или дерево...

XXV

ВЕЛИКИЙ ЛУНАРИЙ

Предпоследнее послание описывает с мелочными, зачастую излишними подробностями встречу Кавора с Великим Лунарием, который является правителем, или властелином Луны. Повидимому, Кавор отправил большую часть этого послания без всякой помехи с чьей-либо стороны, но подконец его перебили. Следующее, самое последнее послание было получено через неделю.

Первое из этих двух посланий начинается так: «Наконец я могу рассказать здесь», — затем оно становится недоступным для прочтения и через некоторое время возобновляется на половине фразы.

Отсутствующее слово в этой фразе, вероятно, — «толпа». Далее идет совершенно ясно: «становилась все гуще по

мере того, как мы приближались к дворцу Великого Лунария, если только можно назвать дворцом вереницу пещер. Со всех сторон на меня смотрели лица, образины и маски, бледные и раздутые, с большими глазами, сидевшими поверх страшных, похожих на щупальцы ноздрей, или маленькие глазки под чудовищными лбами; пониже кишмя-кишели более мелкие создания, толкавшиеся и визжавшие, и головы, смешно сидевшие на длинных изогнутых шеях, высывались между чужими плечами или из-под рук. Поддерживая вокруг меня свободное пространство, маршировала цепь дюжих гвардейцев с головами, похожими на ящики для угля. Они окружили нас, лишь только мы вышли из лодки, в которой плыли по каналам Центрального моря. Художник с маленьким мозгом также присоединился к нам, а за ним сплошная толпа сухопарых носильщиков сгибалась под тяжеловесными знаками отличия, полагавшимися такой важной особе, как я. Последнюю часть пути я проделал на носилках. Носилки эти были сделаны из темной и очень упругой металлической сети, с рукоятками из более бледного металла. По мере того как я подвигался вперед, вокруг меня сгруппировалась длинная и очень сложная процессия.

«Впереди всех в качестве герольдов выступали четыре существа с трубообразными лицами, оравшие во все горло; затем шли дюжие внушительные пристава, а справа и слева от меня целый млечный путь ученых голов, нечто вроде живой энциклопедии, которая, — как объяснил мне Фи-У, — должна стоять поблизости от Главного Лунария на тот случай, если ему понадобится какая-нибудь справка. (Нет ни одной мелочи лунной науки, ни одной точки зрения или метода мышления, которых эти удивительные существа не хранили бы в своих головах!) Далее следовали гвардейцы и носильщики и за ними трепыхавшийся мозг Фи-У, тоже на носилках. Потом подвигался Тзи-Пуфф на немного менее пышных носилках; затем, на самых изящных носилках, — я, окруженный прислужниками, которые обычно подавали мне блюда за столом. После этого шли новые трубачи, раздиравшие слух своими яростными воплями, и наконец несколько больших мозгов, которые можно назвать специальными корреспондентами или историографами, так как им поручено было подметить и запомнить все подробности этого начинавшего новую эпоху свидания. Свята слут, тащивших и волочивших знамена, пучки благо-

вонных грибов и разные курьезные символы, исчезала позади в темноте. Дорогу ограждали пристава и офицеры в кирасах, блестящих, как сталь, а за их рядами, так далеко, как только глаз мой мог видеть в потемках, шевелились головы несметной толпы.

«Надо признаться, что я до сих пор отнюдь не привык к своеобразной внешности селенитов, и увидеть себя, так сказать, плывущим по этому сплошному морю взволнованных насекомых было отнюдь не приятно. На один миг мне стало совсем не по себе. Я уже пережил нечто подобное раньше в лунных пещерах, когда впервые почувствовал себя беззащитным и беспомощным среди толпы селенитов, но даже тогда я не ощущал этого с такой живостью. Это, конечно, совершенно неразумное чувство, и я надеюсь со временем победить его. Но в ту минуту, когда я подвигался вперед по волнам этой толпы, мне лишь решительным усилием воли удалось подавить крик или другое какое-нибудь неподобающее проявление моих чувств. Это продолжалось минуты три; потом я опять взял себя в руки.

«Некоторое время мы поднимались по спиральной дорожке и потом вступили в вереницу огромных зал с высокими сводами и изящным убранством. Мое приближение к особе Великого Лунария несомненно было обставлено с таким расчетом, чтобы создать живейшее впечатление его величия. Каждая новая пещера, в которую мы входили, казалась обширнее и обладала более высоким сводом, нежели предыдущая. Впечатление все расширяющегося пространства усиливалось благодаря тонкой дымке слабо мерцающего голубого фимиама, который сгушался по мере того, как мы подвигались вперед, и скрывал очертания даже ближайших фигур. Мне казалось, что я постепенно приближаюсь к чему-то все более огромному, туманному и менее матерьяльному.

«Я должен признаться, что в присутствии этой толпы чувствовал себя чрезвычайно неопрятным и жалким. Я был небрит и нечесан; я не захватил с собою на Луну бритвы; жесткая борода окаймляла мой рот. На Земле я всегда склонен был пренебрегать всяким уходом за своей внешностью, если не считать простой опрятности; но при тех исключительных обстоятельствах, в которых я теперь очутился, будучи представителем моей планеты и моей породы, причем даже судьба моя в значительной мере зависела от того, насколько привлекательным покажется мой

вишний вид, я дорого бы дал за что-нибудь более внушительное и живописное, нежели лохмотья, в которых я был одет. Я был так безмятежно убежден в необитаемости Луны, что совсем не подумал принять какие-либо предосторожности по этой части. Я был одет во фланелевую куртку, короткие штаны и спортивные чулки, запачканные всеми видами грязи, какие только существуют на Луне, кроме того, в туфли (на одном из них не хватало каблука) и в одеяло с отверстием посредине, куда я просунул голову (эту одежду, кстати сказать, я все еще продолжал носить). Жесткая щетина отнюдь не украшала моей физиономии, а на коленях моих штанов зияла широкая прореха, тем более заметная, что я сидел на носилках, подогнув ноги; мой правый чулок то и дело сползал вниз. Я отлично отдавал себе отчет, что моя внешность должна дать невыгодное представление обо всем человечестве, и если бы каким-нибудь образом можно было смастерить наспех что-нибудь более приличное и достойное, я бы конечно сделал это. Но у меня ничего не было. Я, как мог, использовал одеяло, завернувшись в него на манер тоги, и сидел настолько прямо, насколько это позволяло колыхание носилок.

«Теперь вообразите самую обширную залу из всех, когда-либо виденных вами, слабо освещенную юлудым светом и полную серо-синего тумана, кишашую металлическими или лиловато-серыми существами, фантастически непохожими одно на другое. Вообразите, что эта зала оканчивается открытой аркой, позади которой лежит еще более просторная зала, а за второй третья, еще более обширная, и так далее. В самом конце перспективы большая лестница со ступенями, напоминающими ступени жертвенника Неба в Риме, поднималась вверх и исчезала из вида. Эти ступени казались все выше и выше, по мере того как мы приближались к их подножию. Но наконец я прошел под последней огромной аркой и увидел самый верх этих ступеней, а на них Великого Лунария, восседавшего на своем троне.

«Он сидел, охваченный ослепительным голубым сиянием. Во тьме, окружавшей его, казалось, будто он плавает в черноту-голубой пустоте. Сначала он представился мне маленьким светящимся облачком, нависшим над мрачным треном. Мозг его имел, должно быть, много метров в перепечнике. По какой-то причине, мне непонятной, множество синих

продолговатых лучей поднималось позади трона, на котором он восседал, и окружало его как бы нимбом. Вокруг него совсем маленькие и почти исчезающие в этом сиянии многочисленные служители поддерживали и подпирали его, а по обе стороны от него, в тени, построившись широким полукругом, стояли служители его ума, памяти и счета и все высокопоставленные насекомые лунного двора. Еще ниже расположились пристава и скороходы, затем, по всем бесчисленным ступеням трона, — гвардейцы, а у самого подножия огромной, разнообразной, неотчетливой и наконец совсем исчезающей в непроницаемой тьме толпой кишели низшие чины лунной иерархии. Их ноги производили непрерывный царапающий шорох на каменистом полу, их члены двигались с шуршащим рокотом.

«Когда я вступил в предпоследнюю залу, раздалась музыка и зазвучала с царственным величием, а крики глашатаев стихли.

«Наконец я проник в последнюю, самую большую залу.

«Моя процессия развернулась как веер. Мои пристава и стражи отошли вправо и влево, а трое носилок, на которых помещались я, Фи-У и Тзи-Пуфф, двинулись по темному блестящему полу к подножью гигантской лестницы. Тут раздалось громкое ритмическое жужжание, смешавшееся с музыкой. Оба селенита сошли со своих носилок, но меня попросили попрежнему сидеть, вероятно в знак особого почета. Музыка стихла, но жужжание продолжалось, и одновременное движение десяти тысяч голов заставило меня посмотреть кверху на охваченный нимбом верховный разум, паривший надо мной.

«Сначала, когда я впился взглядом в это сверкающее сияние, Великий Лунарий показался мне похожим на непрозрачный бесформенный пузырь, по которому пробегали смутные волнообразные содрогания, явственно заметные. Под его громадой, на самом краю трона, можно было рассмотреть маленькие пристальные глазки, выглядывавшие из сияния. Лица не было, одни глаза, как будто глядевшие сквозь дырки. Сперва я ничего не видел, кроме этих маленьких, уставившихся на меня глаз, и затем немного пониже различил крохотное карликовое тело и члены с суставами, как у насекомого, сморщенные и белые. Глаза смотрели на меня со странной неподвижностью, а нижняя часть раздувшегося шара морщилась. Бессильные маленькие щупальцы поддерживали это существо на троне.

«Это было величественно. Это было убого. Можно было позабыть и зал и толпу.

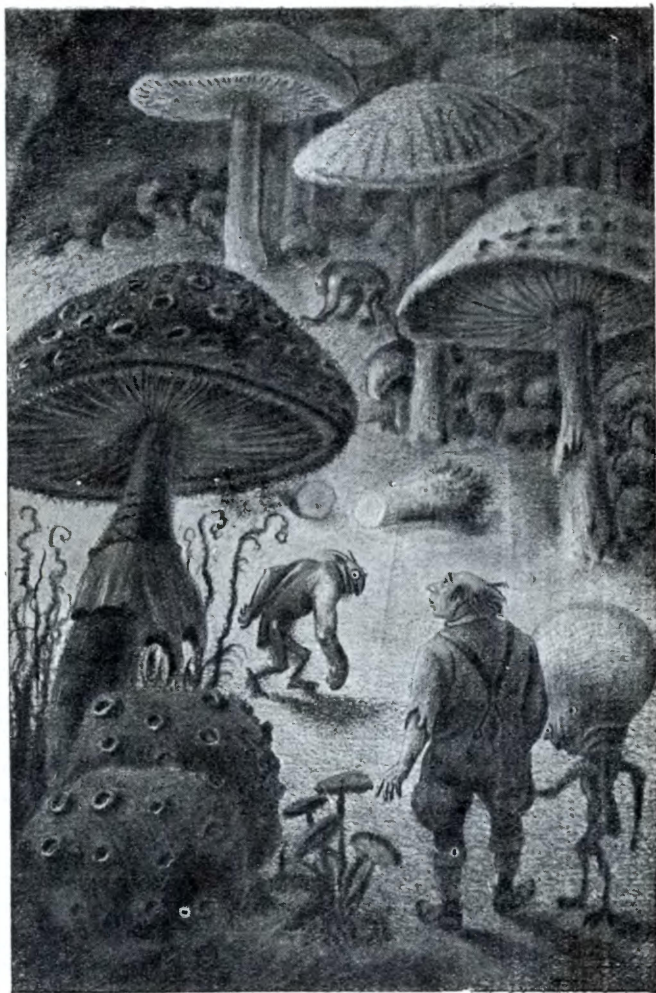
«Я начал подниматься по лестнице. Мне казалось, что излучающий темное сияние мозг разрастается и по мере того, как я приближаюсь к нему, все более и более заслоняет собой все остальное. Ряды слуг и помощников как бы умалаялись и исчезали перед величием этого центра. Я заметил, что какие-то почти невидимые существа опрыскивали освежающей жидкостью огромный мозг, растирали его и поддерживали. Что касается меня, то я сидел, скорчившись на моих носилках, устремив взоры на Великого Лунария и не будучи в силах оторвать от него своих глаз. Наконец, когда я достиг площадки, отделенной от трона каким-нибудь десятком ступеней, царственная гармония музыки достигла наивысших нот и вдруг оборвалась. И я остался, как на ладони, в этом обширном пространстве под пытливыми взорами Великого Лунария.

«Он рассматривал первого человека, с которым ему довелось встретиться.

«Наконец глаза мои обратились от его величия к другим фигурам, слабо обрисовывавшимся среди голубого тумана, а потом еще ниже по ступеням, где толпились селениты, целые тысячи, притихшие в напряженном ожидании, сгрудившиеся внизу на полу. Снова необъяснимый ужас охватил меня... и тотчас же прошел.

«После недолгого молчания начались приветствия. Мне помогли спуститься с носилок, и я неуклюже стоял, пока два стройных чиновника проделывали вместо меня множество курьезных и, без сомнения, глубоко символических жестов. Энциклопедическая галактика¹ ученых мужей, сопровождавшая меня при вступлении в большую залу, расположилась на две ступени ниже справа и слева от меня, в полной готовности отвечать на вопросы Великого Лунария, а бледный мозг Фи-У поместился на половине пути к трону с таким расчетом, чтобы владелец этого мозга мог обращаться к нам, не поворачиваясь спиной ни к Великому Лунарию, ни ко мне. Тэи-Пуфф стал позади него. Проворные пристава приблизились ко мне с обеих сторон с лицами, обращенными в сторону высочайшего присутствия. Я уселся на пол, поджав ноги по-турецки. Фи-У и Тэи-

¹ Млечный путь, с которым автор сравнивает длинный ряд лысых голов. (Прим. ред.)

— Муні едят это? — спросил я (стр. 203).

Пуфф преклонили колени. Наступила пауза. Глаза придворных обращались то ко мне, то к Великому Лунарию, то опять ко мне; взволнованное чирикание и посвистывание пробежало по невидимой внизу толпе и прекратилось.

«Жужжание смолкло.

«В первый и в последний раз за время моего пребывания на Луне установилась полная тишина.

«Я услышал слабый скребущий звук. Великий Лунарий обращался ко мне. Это было похоже на царапание ногтем по стеклу.

«Некоторое время я внимательно наблюдал за ним, потом взглянул на проворного Фи-У. Среди этих хрупких существ я чувствовал себя до нелепости толстым, мясистым и плотным. Мне казалось, что голова моя состоит из одних челюстей и черных волос. Глаза мои вновь обратились к Великому Лунарию. Он умолк; его помощники суетились; и по блестящей поверхности мозга стекали капли освежающей жидкости.

«Фи-У некоторое время размышлял. Он посоветовался с Тзи-Пуффом. Потом он зачирикал по-английски — вначале он немного нервничал и поэтому выражался не очень ясно.

«— М'м — Великий Лунарий — хочет сказать — хочет сказать — он догадывается, что м'м вы люди — что вы человек с планеты, называемой Земля. Он хочет сказать, что рад видеть вас — рад видеть вас — и хочет узнать — изучить, если я смею употреблять это слово — положение вещей в вашем мире, и узнать причину, по которой вы явились сюда.

«Он сделал паузу. Я уже хотел отвечать, когда он заговорил вновь. Он пустился в оличности не совсем для меня ясные, хотя я склонен думать, что целью его было сказать мне несколько комплиментов. Он объявил, что Земля является для Луны тем же, чем Солнце для Земли, и что селенитам весьма желательно узнать что-нибудь о Земле и людях. Потом он сообщил мне, несомненно также в виде комплимента, относительную величину и диаметры Земли и Луны, и пустился рассуждать о том, как селениты постоянно дивились нашей планете и что именно они думали о ней. Я размышлял, опустив глаза, и решил ответить, что люди тоже всегда спрашивали себя, что находится на Луне, и считали ее мертвой, не догадываясь о той пышности, которую мне пришлось сегодня увидеть. Вели-

ий Лунарий в знак одобрения начал вращать свои голубые лучи самым запутанным образом, и по всей большой але пробежали чирканье, шопот и шелест, когда Фи-Усревел мои слова. Затем Великий Лунарий начал задавать Фи-У множество вопросов, на которые было легче ответить.

«Он сказал, что, — насколько он понимает, — мы живем а поверхности Земли и что воздух и вода покрывают земной шар; это последнее обстоятельство, между прочим, он прежде знал от своих специалистов по астрономии. Теперь ему очень хотелось получить более подробные сведения насчет этого, — как он выразился, — необычайного положения вещей, ибо до сих пор, судя по твердости Земли, всегда склонны были считать необитаемой. Прежде всего он желал узнать, каким колебаниям температуры подвержены земные существа, и чрезвычайно заинтересовался моим описанием облаков и дождей. Он довольно легко мог представить себе эти явления, потому что в лунных галереях, обращенных к теневой стороне, часто стоит густой туман. Он, кажется удивился, узнав, что мы не считаем солнечный свет слишком ярким для наших глаз, и был очень заинтересован моей попыткой объяснить ему, что это кажется у нас голубого цвета вследствие отражения оздуха, хотя я сомневаюсь, чтобы он понял меня совершенно ясно. Я объяснил, каким образом радужная оболочка человеческого глаза сокращается, уменьшая размеры радужки и тем предохраняя нежные внутренние ткани от избытка солнечного света; он позволил мне приблизиться на несколько шагов к его высочайшему присутствию с целью поглядеть на это устройство. Это повлекло за собой равнение между земными и лунными глазами. Последние не только чрезвычайно чувствительны ко всякому свету, который видят и люди, но кроме того могут также видеть исплоту, и поэтому всякое колебание температуры внутри Луны также позволяет селенитам различать окружающие предметы.

«Радужная оболочка глаза была органом, совсем неизвестным Великому Лунарию. Некоторое время он забавлялся, направляя мне прямо в лицо свои лучи и наблюдая за сокращением моих зрачков. Вследствие этого я на несколько минут почти ослеп.

«Несмотря на эту маленькую неприятность, было нечто успокоительное в несомненной разумности этого обмена

вопросами и ответами. Я мог закрывать глаза, обдумывая ответы, и почти забывал тогда, что у Великого Лунария нет лица...

«Когда я опять спустился на мое прежнее место, Великий Лунарий спросил, каким образом мы укрываемся от зноя и бурь, и я рассказал ему об искусстве архитектуры и о мебелировке. Здесь начался целый ряд недоразумений, вызванных, — в том надо признаться, — главным образом неточностью моих выражений. Долгое время я с величайшими трудностями старался растолковать ему, что такое дом. Ему и всем окружающим его селенитам несомненно величайшим чудачеством казался людской обычай строить дома, тогда как можно спускаться в пещеры. Новые недоразумения начались в результате моей попытки объяснить ему, что первоначально люди устраивали свои жилища в пещерах, и что даже теперь они проводят иногда железные дороги и помещают многие учреждения под поверхностью Земли. Я полагаю, что тут стремление к научной точности увлекло меня на ложный путь. Порядочная путаница возникла также вследствие неуместной попытки с моей стороны объяснить ему устройство рудников. Бросив наконец эту тему невыясненной, Великий Лунарий спросил, каким образом мы пользуемся внутренностью земного шара.

«Волна щебетания и чириканья прокатилась до отдаленнейших концов этого обширного собрания, когда я наконец втолковал ему, что мы, люди, ровно ничего не знаем о недрах того мира, на поверхности которого с незапамятных времен жили бесчисленные поколения наших предков. Мне пришлось повторить три раза подряд, что из шести тысяч километров вещества, лежащего между поверхностью Земли и ее центром, люди успели изучить лишь слой, не превышающий в толщину двух километров. Я понял, что Великий Лунарий спрашивает, зачем явился я на Луну, если мы едва успели приступить к изучению нашей собственной планеты; но на этот раз он не стал требовать от меня более подробных объяснений, так как ему хотелось поскорее узнать дальнейшие подробности об этом сумасшедшем мире, ниспровергавшем все его установившиеся понятия.

«Он вернулся к вопросу о погоде, и я попытался описать ему вечно изменчивое небо, снег, мороз и ураганы,

«— А когда наступает ночь, — спросил он, — у вас бывает очень холодно?

«Я сказал ему, что ночью бывает холоднее, чем днем.

«— А ваша атмосфера не замерзает?

«Я ответил отрицательно: у нас для этого недостаточно холодно, потому что наши ночи очень коротки.

«— Ваш воздух даже не разжигается?

«Я уже хотел сказать «нет», но тут мне пришло в голову, что по крайней мере одна часть нашей атмосферы, а именно заключенные в ней водяные пары, иногда разжигаются и ложатся в виде росы, а иногда замерзают и образуют иней — процесс, вполне аналогичный замерзанию сей внешней атмосферы Луны в течение более долгой ночи. Я дал разъяснения по этому пункту, после чего Великий Лунарий стал говорить со мной о сне. Ибо потребность в сне, регулярно возобновляющаяся каждые двадцать четыре часа у всех живых существ, также принадлежит к числу земных свойств. Обитатели Луны отдыхают лишь изредка и после чрезвычайных усилий. Затем я попытался описать Великому Лунарию нежное великолепие етной ночи, а далее перешел к описанию животных, которые ночью рыскают, а днем спят. Я рассказал ему о львах и тиграх. И тут мы опять попали в тупик. Ибо, если не считать обитателей вод, на Луне нет живых существ, которые не были бы приручены и совершенно покорны воле своих хозяев, и так было всегда с незапамятной древности. Еленитам известны чудовищные твари, обитающие в воде, но хищных зверей они совсем не знают, и им трудно представить себе существо сильное и большое, бродящее «снаружи» по ночам».

Здесь запись обрывается на протяжении приблизительно двадцати слов.

«Он беседовал со своими помощниками, — как я полагаю, — о странном легкомыслии и неразумии человека, живущего лишь на поверхности своего мира, являющегося игрушкой ветров и волн, и всех случайностей открытого пространства, неспособного даже объединить свои силы для победы над хищными зверями, которые поедают его ближних, и однако дерзающего вторгаться на чужую планету. Во время этой беседы я сидел задумавшись, а затем по желанию Великого Лунария стал рассказывать ему о различиях среди людей. Он засыпал меня вопросами.

«— Значит, у вас все работы исполняют люди одного и того же типа? Но кто мыслит? Кто управляет?

«Я вкратце изобразил ему демократическую систему государственного устройства.

«Когда я закончил мои объяснения, он попросил окропить его лоб освежающей жидкостью и затем потребовал, чтобы я повторил мои объяснения, полагая, что он чего-то не понял.

«— Значит, они не занимаются разными делами? — спросил Фи-У.

«Я ответил, что одни люди бывают мыслителями, а другие чиновниками; некоторые охотятся, некоторые занимаются механикой; есть также художники, чернорабочие...

«— Но управляют все, — сказал я.

«— А разве тела их не устроены различным образом для исполнения столь различных обязанностей?

«— Среди нас не существует никаких различий, — сказал я, — кроме, быть может, различия в одежде. Да еще умы, пожалуй, несколько отличаются один от другого, — добавил я, подумав.

«— Умы должны сильно отличаться один от другого, — сказал Великий Лунарий. — Иначе все люди захотели бы делать одно и то же.

«Не желая слишком резко идти наперекор его предвзятым мнениям, я сказал, что догадка его совершенно правильна.

«— Разница существует, — сказал я, — но она скрыта в мозгу. Кто знает, если бы можно было видеть умы и души людей, они оказались бы такими же разнообразными и несхожими, как тела селенитов. Есть большие люди и маленькие люди, люди прозорливые и люди проворные, люди шумные, с умом как труба, и люди, которые все запоминают и никогда не думают... (Здесь в записи не удалось разобрать три слова подряд.)

«Он прервал меня и напомнил мое предыдущее утверждение.

«— Но, ведь, вы сказали, что все люди управляют? — настаивал он.

«— До известной степени, — сказал я, и, боюсь, напустил еще больше туману своим пояснением.

«Тут он добрался до весьма существенного факта.

«— Неужели вы хотите сказать, — спросил он, — что не существует властителя Земли?

«Я припомнил кое-кого из высокопоставленных особ, по тем не менее заверил Великого Лунария, что единого властителя, в конце концов, не существует. Я объяснил, что самодержцы и императоры, с которыми мы имели дело на Земле, обычно впадали в пьянство, пороки или злодейства, и что наиболее многочисленная и влиятельная часть земного населения, к которой принадлежу я, а именно англосаксы, не намерена более допускать такие опыты. Тут Великий Лунарий еще больше изумился.

«— Но каким образом вы сохраняете даже ту мудрость, которую успели приобрести? — спросил он. И я растолковал ему, как мы облегчаем работу наших ограниченных (здесь пропущено одно слово, вероятно «мозгов») при помощи книг. Я рассказал ему, как соединенными усилиями бесчисленных маленьких людей создавалась наша наука. И Великий Лунарий в ответ на это сказал, что мы, очевидно, успели достигнуть многого, несмотря на нашу политическую отсталость, ибо в противном случае нам не удалось бы попасть на Луну. И все же контраст между нами разителен. Селениты растут и изменяются вместе с ростом знаний; а люди копят знания, сами оставаясь всего-навсего хорошо вооруженными скотами. Он сказал это... (Тут небольшой отрывок записи становится нечитаемым.)

«Потом он заставил меня описать, каким образом перемещаемся мы по нашей Земле, и я рассказал ему о железных дорогах и кораблях. Некоторое время он не мог понять, что мы пользуемся силой пара всего около ста лет, но когда наконец понял, то, кажется, весьма изумился. (Здесь надо, кстати, упомянуть то любопытное обстоятельство, что селениты считают годы совершенно так же, как мы на Земле, хотя я совсем не понимаю их нумерационной системы. Это, однако, не существенно, так как Фи-У понимает нашу систему счета.) После этого я стал рассказывать, что человечество обитает в городах всего девять или десять тысяч лет, и что мы еще не слились в единое братство, но повинемся различным правительствам. Когда Великий Лунарий понял это, он снова весьма удивился. Сперва он думал, что я имею в виду просто административные районы.

«— Наши государства и империи представляют собой только грубейшие наброски того порядка, который должен установиться со временем, — сказал я и начал объяснять ему... (В этом месте отрывок записи протяжением, веро-

ятно, от тридцати до сорока слов совершенно неудобочитаем.)

«Великий Лунарий был чрезвычайно поражен глупостью людей, которые до сих пор не поняли, как неудобно и невыгодно существование многих языков. — Они хотя общаются между собою и, однако, совсем не общаются, — сказал он и затем долгое время настойчиво расспрашивал меня о войне.

«Вначале он был совсем ошеломлен и не хотел верить.

«— Неужели вы хотите сказать, — спрашивал он, — что вы бегаете по поверхности вашего мира, к богатствам которого едва успели прикоснуться, и убиваете друг друга в пищу диким зверям?

«Я сказал, что это совершенно верно.

«Он потребовал у меня более точных подробностей, желая облегчить этим работу своего воображения.

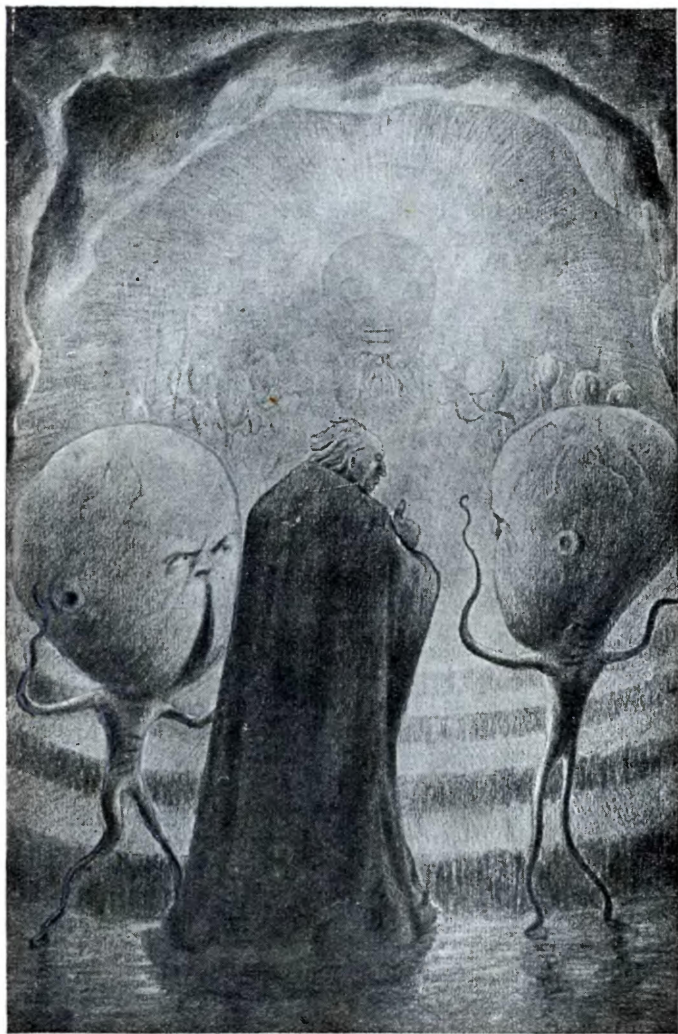
«— Но разве корабли и ваши бедные маленькие города не страдают от этого? — спросил он, и я заметил, что уничтожение ценного имущества и прочих жизненных благ, видимо, произвело на него почти такое же сильное впечатление, как убийства.

«— Расскажите мне об этом побольше, — сказал Великий Лунарий. — Рисуите мне картины. Я не могу представить себе такие вещи.

«И вот, в течение некоторого времени, хотя довольно кратко, я излагал ему историю земных войн.

«Для начала я рассказал о церемониях и обрядах, которыми сопровождается объявление войны, о предостережениях и ультиматумах, о мобилизации и сосредоточении войск. Далее я сказал несколько слов о маневрировании, позициях и боевом порядке. Я рассказывал об осадах, приступах, о голоде и лишениях в окопах, о часовых, замерзающих в снегу. Я рассказывал о засадах и панических отступлениях, об отчаянной обороне и слабеющей надежде, о безжалостном преследовании бегущих и о трупах на поле битвы. Рассказывал я ему также о далеком прошлом, о нашествиях и избиениях, о гуннах, татарах, о войнах Магомета и калифов и о Крестовых походах. По мере того, как я продолжал мой рассказ, а Фи-У переводил, селениты аукали и бормотали со все возрастающим волнением.

«Я сообщил им, что броненосец может перебросить за восемнадцать километров снаряд, весящий тонну, и пробить железную плиту толщиной в двадцать футов; упомя-

«Я уже хотел отвечать, когда Фи-У заговорил вновь»
(стр. 212).

нул я и о том, что мы умеем пускать мины под водой. Я описал действие пулеметов и по мере сил своих постарался изобразить сражение при Коленго.¹ Великий Лунарий слушал с таким недоверием, что один раз даже перебил переводчика и потребовал, чтобы я еще раз подтвердил мои слова. Особенно сомневались селениты, слушая описание того, как люди веселятся и ликуют, отправляясь в (сражение?).

«— Но, ведь, это не может им нравиться? — перевел Фи-У.

«Я заверил его, что люди моей расы считают битву одним из славнейших событий в своей жизни, и необычайно изумил этим все собрание.

«— Но какая польза от войны? — спросил Великий Лунарий, возвращаясь к своей излюбленной теме.

«— О, что касается п о л ь з ы, — ответил я, — то война уменьшает избыток народонаселения.

«— Но для чего это нужно?..

«Последовала пауза; струи охлаждающей жидкости оросили лоб Великого Лунария, и он заговорил снова...»

Тут целый ряд волнообразных колебаний, которые впервые стали мешать работе воспринимающего аппарата, когда Кавор описывал молчание, воцарившееся прежде, чем впервые заговорил Великий Лунарий, начал серьезно спутывать наши записи. Эти колебания, очевидно, являлись результатом радиаций, исходивших из лунного источника, и их упорное вторжение в чередующиеся сигналы Кавора как бы указывало, что кто-то намеренно старается вмешаться в передачу и сделать ее невразумительной. Сперва эти колебания были невелики и повторялись регулярно так, что, при некотором старании и с потерей лишь очень немногих слов, мы могли выделить из них послание Кавора; затем они стали шире и больше и немного спустя вдруг потеряли прежнюю правильность, причем невольно создавалось такое впечатление, словно кто-то зачеркивает написанные строки. Долгое время никак не удавалось избавиться от этой извивавшейся сумасшедшими зигзагами черты. Потом совершенно внезапно вмешательство приостановилось, дав нам возможность прочесть еще несколько слов, но после этого возобновилось опять и продолжалось

¹ Неудачная для англичан битва при ферме Коленго на реке Тугеле произошла 15 декабря 1899 года в начале англо-бурской войны. (Прим. ред.)

о самого конца передачи, совершенно изгладив все, что автор пытался нам сообщить. Если вмешательство действительно было преднамеренное, то почему селениты предложили позволить Кавору продолжать передачу своего послания в счастливом неведении того, что они уничтожают то запись, когда, очевидно, было совершенно в их власти казалось гораздо легче и удобнее остановить его в любой момент? — Этой задачи я решить не берусь. Повидимому, так было, и это все, что я могу сказать. Последний лочок рассказа о свидании с Великим Лунарием возобновляется на полужизне:

«... очень настойчиво допрашивал меня о моей тайне. Скорее мне удалось добиться полного взаимного понимания наконец выяснить то, над чем я безуспешно ломал голову с тех пор, как понял все могущество лунной науки, именно — почему сами селениты никогда не открыли аворита. Я узнал, что это вещество им теоретически известно, но они всегда считали его получение практически емыслимым, потому что в силу каких-то причин на Луне нет гелия, а гелий...»

На последних буквах слова гелий вновь появляется та же извилистая черта. Но вы обратите внимание на слово «тайна», ибо на нем и на нем одном я основываю мое объяснение следующего очередного послания, последнего, как мы полагаем с м-ром Вендиджи, — из всех, отправленных нам Кавором.

XXVI

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛАНИЕ КАВОРА НА ЗЕМЛЮ

Предпоследнее послание Кавора оборвалось на половине фразы. Мне кажется, что я вижу его в голубом полумраке эщеры над ашпаратом, вижу, как он сигнализирует нам, я подозревая, что завеса уже опустилась между нами, я одозревая также и тех страшных опасностей, которые написали над ним самим. Роковой недостаток простейшего дравего смысла погубил его. Он разглагольствовал о войне, и говорил о силе людей и об их неискоренимой склонности к убийству, об их ненасытной жадности и неутомимой

драчливости. Он ужаснул весь лунный мир этим повестьюванием о существах нашей породы, и затем — я полагаю — у него вырвалось роковое признание, что от него одного, по крайней мере на долгое время, зависит возможность нового появления людей на Луне. После этого мне лично уже совершенно ясна та линия поведения, которую должен был избрать холодный и бесчеловечный Лунный разум. Надо думать, что в конце концов Кавор догадался об этом. Легко представить себе, как он разгуливал по Луне, горько раскаиваясь в своей роковой нескромности. Я предполагаю, что в течение некоторого времени Великий Лунарий обдумывал создавшееся положение вещей, и в течение всего этого времени Кавор мог свободно ходить, куда ему было угодно. Но после отсылки последнего из приведенных мной посланий какие-то препятствия мешали ему снова приблизиться к электромагнитному аппарату. Семь дней подряд мы не получали от него никаких сообщений. Быть может, он добился новой аудиенции у Великого Лунария и пытался как-нибудь опровергнуть свои прежние утверждения. Кто возьмется угадать, что там в действительности происходило?

И затем внезапно, словно прозвучавший среди ночи крик, за которым следует мертвая тишина, пришло самое последнее послание. Это наиболее короткий отрывок из всех имеющихся в нашем распоряжении, бессвязное начало двух фраз.

Первая из них гласит: «Безумием с моей стороны было сообщить Великому Лунарию...»

Последовал перерыв, длившийся около минуты. Невольно представляешь себе какую-то внешнюю помеху. Уход от инструмента, жуткое колебание среди аппаратуры, нагроможденной в темной, тускло озаренной синим светом пещере, потом внезапный скачок назад, исполненный запоздалой решимости. Торопливая передача: «Каворит делается так: возьми...»

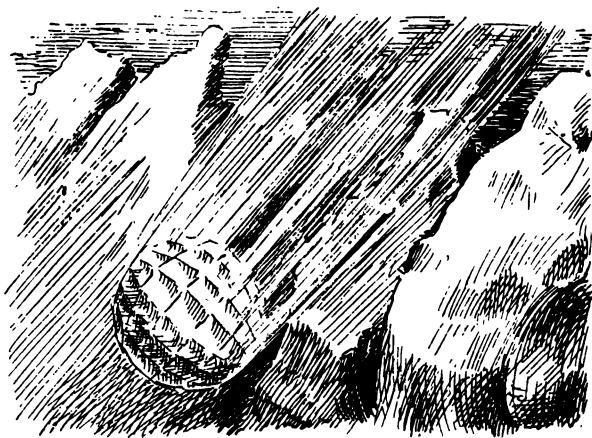
Потом следовало еще одно слово, ничего не значащее: «Лезно».

И это все!

Быть может, он старался наспех передать слово «бесплезно», когда уже свершалась его судьба. Что произошло после этого вокруг аппарата, мы сказать не можем. Но я знаю наверное, что мы никогда больше не получим нового послания с Луны. Что касается меня лично, то мне при-

ился необыкновенно яркий сон и помог работе моего воображения; — почти так же живо, как если бы я лично присутствовал там, — я вижу освещенного голубым светом, трепанного Кавора, который бьется в лапах этих лунных насекомых, бьется все отчаяннее и безнадежнее, в то время как они напирают на него, — кричит, требует, нако-д, быть может, даже начинает драться, а они насильно сдвигают его шаг за шагом прочь от всякой возможности общения с братьями-людьми, уводят все дальше в Неведомое, во мрак, в молчание, которому нет конца...

Конец.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. М-р Бедфорд встречается с м-ром Кавором в Лимне . . .	3
II. Первая проба каворита	22
III. Постройка шара	29
IV. Внутри шара	38
V. Путешествие на Луну	42
VI. Посадка на Луне	49
VII. Восход Солнца на Луне	52
VIII. Лунное утро	58
IX. Начало разведок	62
X. Люди заблудились на Луне	71
XI. Лунный скот	76
XII. Лицо селенита	87
XIII. М-р Кавор строит гипотезы	92
XIV. Попытки общения	99
XV. Мостик над пропастью	105
XVI. Различные точки зрения	116
XVII. Битва в пещере лунных мясников	124
XVIII. Снова под солнцем	134
XIX. М-р Бедфорд в одиночестве	143
XX. М-р Бедфорд в бесконечном пространстве	154
XXI. М-р Бедфорд в Литльстоне	162
XXII. Поразительное сообщение от м-ра Юлиуса Вендиджи	176
XXIII. Извлечения из первых шести посланий м-ра Кавора	180
XXIV. Естественная история селенитов	188
XXV. Великий Лунарий	205
XXVI. Последнее послание Кавора на Землю	221

